

ISSN 2336-2642
MK ČR E 22424

Paradigmata Poznání

№ 3, 2016

ZAKLADATELÉ
Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických a společenských věd

Šéfredaktorka – doc. Ilona G. Dorošina,
CSc. (kandidát věd v oboru psychologie)

Mezinárodní redakční rada

prof. **R. V. Abdullaev**, Ph.D. (profesor v oboru ekonomie – Taškent, Uzbekistán)
prof. **V. Boicov**, DrSc. (profesor v oboru informační systémy – Riga, Lotyšsko)
M. Banasik, Ph.D. (doktor v oboru humanitní vědy – Varšava, Polsko)
doc. PhDr. **V. Srb**, Ph.D. (docent v oboru politologie – Kutná Hora, Česká republika)
doc. **A. N. Vernigora**, CSc. (docent v oboru biologie – Penza, Rusko)
B. Ivanovská, Ph.D. (doktor v oboru sociologie – Varšava, Polsko)
doc. PaedDr. **V. Hajkova**, (docent v oboru pedagogika – Praha, Česká republika)
doc. **M. Kamp**, Ph.D. (doktor v oboru historie – Wyoming, USA)
PhDr. **E. Kašparová** (doktor v oboru sociologie – Praha, Česká republika)
prof. **N. G. Khayrullina**, Ph.D. (profesor v oboru sociologie – Tjumeň, Rusko)
doc. **L. Krejčová**, Ph.D. (docent v oboru psychologie – Praha, Česká republika)
prof. **P. N. Kobets**, Ph.D. (profesor v oboru právo – Moskva, Rusko)
prof. **A. V. Korotayev**, Ph.D. (profesor v oboru historie – Moskva, Rusko)
prof. PhDr. **J. Liďák**, CSc. (profesor v oboru mezinárodní vztahy – Kutná Hora, Česká republika)
prof. **N. V. Mitjukov**, Ph.D. (profesor v oboru stavitelství – Iževsk, Rusko)
doc. PhDr. **M. Sapík**, Ph.D. (docent v oboru filosofie – Kolín, Česká republika)
T. Sigmund, Ph.D. (doktor v oboru filosofie – Praha, Česká republika)
M. Szuppe, Ph.D. (doktor v oboru historie – Ivry-sur-Seine, Francie)
prof. Ing. **J. Tancošová**, Ph.D. (profesor v oboru ekonomie – Bratislava, Slovensko)
RNDr. **P. Zamarovský**, (doktor v oboru přírodní vědy – Praha, Česká republika)

Interdisciplinární vědecký časopis «Paradigmata poznání» publikuje společensko-humanitární, technické a přírodní vědy.

Časopis je indexována podle:

- Russian Science Index (Rusko)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Cite Factor (Canada)
- General Impact Factor (Indie)
- Scientific Journal Impact Factor (Indie)

Impact Factor:

- General Impact Factor (2015) – 1,5947,
- Scientific Journal Impact Factor (2015) – 4,061.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2016.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2016.

ISSN 2336-2642
MK ČR E 22424

Paradigms of knowledge

№ 3, 2016

THE FOUNDERS
The science publishing center
«Sociosphere-CZ»,
Academia Rerum Civilium –
University of Political and Social Sciences

Editor-in-Chief – Ilona G. Doroshina,
candidate of psychological sciences, assistant professor

International editorial board

prof. **R. V. Abdullaev**, Ph.D. (Economics – Tashkent, Uzbekistan)
prof. **V. Boicov**, DrSc. (Information Systems – Riga, Latvia)
M. Banasik, Ph.D. (Humanities – Warsaw, Poland)
assistant professor PhDr. **V. Srb**, Ph.D. (Politology – Kutná Hora, Czech Republic)
assistant professor. **A. N. Vernigora**, Candidate of Biological Sciences (Penza, Russia)
B. Ivanovska, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland)
assistant professor PaedDr. **V. Hajkova**, (Education – Prague, Czech Republic)
associate professor **M. Kamp**, Ph.D. (History – Wyoming, USA)
PhDr. **E. Kashparova**, (Sociology – Prague, Czech Republic)
prof. **N. G. Khayrullina**, Doctor of Sociological Sciences, (Tyumen, Russia)
assistant professor **L. Krejcova**, Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic)
prof. **P. N. Kobets**, Doctor of Law, (Moscow, Russia)
prof. **A. V. Korotayev**, Doctor of History, (Moscow, Russia)
prof. PhDr. **J. Lidak**, CSc. (Political science – Kolin, Czech Republic)
prof. **N. V. Mityukov**, Doctor of Technical Sciences, (Izhevsk, Russia)
assistant professor PhDr. **M. Sapik**, Ph.D. (Philosophy – Kutná Hora, Czech Republic)
T. Sigmund, Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic)
M. Szuppe, Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France)
prof. Ing. **J. Tancosova**, Ph.D. (Economics – Bratislava, Slovakia)
RNDr. **P. Zamarovský**, (Nature Sciences – Prague, Czech Republic)

Interdisciplinary scientific journal «Paradigmata poznání»
publishes articles socio-humanitarian, technical and natural sciences.

The journal is indexed by:

- Russian Science Index (Russia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Cite Factor (Canada)
- General Impact Factor (India)
- Scientific Journal Impact Factor (India)

Impact Factor:

- General Impact Factor (2015) – 1,5947,
- Scientific Journal Impact Factor (2015) – 4,061

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2016.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2016.

Учитель – призвание – профессия	11
---------------------------------------	----

Teorie a analýza

FILOZOFICKÉ VĚDY

Berdnik T. Conformist and non-conformist in an ambience of fashion industry.....	13
--	----

PEDAGOGICKÉ VĚDY

Берулава Г. А. Стратегические ориентиры развития системы образования в информационном обществе.....	17
Шхапацева М. Х., Айвазян О. О. Особенности развития речевой культуры юристов в современный период становления общественного устройства	23

PSYCHOLOGICKÉ VĚDY

Tarabakina L. V., Zvonova E. V. Time and Child	27
--	----

Empirický a aplikovaný výzkum

HISTORICKÉ VĚDY

Журабекова Х. М. Становление демократического общества в Республике Узбекистан.....	34
Попова О. Д., Попова А. Д. И чтец, и жнец, и на дуде игрец? (О преподавании медицины и сельского хозяйства в духовных семинариях в середине XIX века)	41
Турк С. Н. Брачно-семейные отношения в современном Египте	46

Храмкова Е. Л. Обзоры архивных фондов и источниковедческие публикации по истории Самарской области 1941–1945 гг.	51
--	----

EKONOMICKÉ VĚDY

Demydiuk O. O. Corruption as a factor of institutional inefficiency of the economy of Ukraine	61
Иванченко О. В., Миргородская О. В., Перепелица А. О. Развитие событийного маркетинга в ресторанном бизнесе	69

FILOLOGICKÉ VĚDY

Teshaboyeva Z. Translations of phraseological units and proverbs of “Boburnoma” into English.....	74
Зияева С. А. Выражение социальных отношений в речи: гендерный аспект	79

PRÁVNÍ VĚDY

Немечкин В. Н., Юртайкина В. С. Формирование негосударственной системы бесплатной юридической помощи	84
Худойкина Т. В., Домнина Е. В. Повышение уровня правосознания граждан как фактор предупреждения юридических конфликтов	87

PEDAGOGICKÉ VĚDY

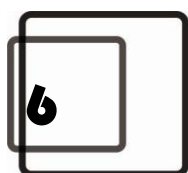
Карелина И. О. Развитие у детей старшего дошкольного возраста способности к пониманию эмоций человека в процессе организации дидактических игр (статья первая)	90
---	----

UMĚNOVĚDA

Mukhamedjanova S. I. Archetypes and symbols as semantic components of advertising in Uzbekistan	96
---	----

LÉKAŘSKÉ VĚDY

Курбаназаров М. Особенности течения близорукости у детей в регионе южного Приаралья	100
---	-----

Линченко И. В., Радышевская Т. Н.

Реабилитация больных с деструктивными формами хронического периодонтита 104

SOCIÁLNÍ VĚDY

Шилина С. А., Мельников С. Л., Воронов К. А.

Социальные риски в процессе социальной коммуникации в образовательном пространстве вуза 107

KULTUROLOGIE

Гасанов Э. Л.

Культурологические аспекты изучения английских женских романов 120

Akademický život

Правила для авторов 126

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2016 году 127

Информация о научных журналах 128

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 129

CONTENTS

Teacher – mission – profession	11
---	-----------

Theory and analysis

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Berdnik T.

Conformist and non-conformist in an ambience of fashion industry.....	13
---	----

PEDAGOGICAL SCIENCES

Berulava G. A.

Strategic orientation of the education system development in the information society	17
--	----

Shkhatpatseva M. Kh., Ayvazyan O. O.

Features of development of speech of lawyers in modern culture during the formation of the social structure.....	23
--	----

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

Tarabakina L. V., Zvonova E. V.

Time and Child	27
----------------------	----

Empirical and applied research

HISTORICAL SCIENCES

Jurabekova H. M.

The development of a democratic society in the republic of Uzbekistan.....	34
--	----

Popova O. D., Popova A. D.

And the reader, and the reaper, and the fifer? (About the teaching of medicine and agriculture in the seminaries in the mid-nineteenth century)	41
---	----

Turk S.

Marriage and family relations in modern Egypt	46
---	----

Khramkova E. L.

Reviews of archival funds and source study publications on history
of the Samara region 1941–1945 years 51

ECONOMICS**Demydiuk O. O.**

Corruption as a factor of institutional inefficiency of the economy of Ukraine 61

Ivanchenko O. V., Mirgorodskaya O. N., Perepelitsa A. O.

The development of event marketing in the restaurant business 69

PHILOLOGICAL SCIENCES**Teshaboyeva Z.**

Translations of phraseological units and proverbs of “Boburnoma” into English 74

Ziyayeva S. A.

Expression of social relations in speech: gender aspect 79

JURIDICAL SCIENCES**Nemechkin V. N., Yurtaikina V. S.**

Ethical foundations interrogation of juvenile 84

Hudoykina T. V., Domnina E. V.

Improving legal citizens as a factor of prevention of conflict of law 87

PEDAGOGICAL SCIENCES**Karelina I. O.**

Development of senior preschoolers' ability to understanding of human emotions
in the process of organization of didactic games (first article) 90

ART STUDIES**Mukhamedjanova S. I.**

Archetypes and symbols as semantic components of advertising in Uzbekistan 96

MEDICAL SCIENCES**Kurbanazarov M.**

The course of myopia in children in the region of the southern Aral Sea region 100

Linchenko I. V., Radishevskaya T. N.

Rehabilitation of patients with destructive forms of chronic periodontitis 104

SOCIAL SCIENCES

Shilina S. A., Melnikov C. L., Voronov K. A.

Social risks in the process of social communication in educational the space
of the university 107

CULTUROLOGY

Hasanov E. L.

Cultural aspects of research of English woman novels 120

Academic life

Rules for authors..... 126

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia,
Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Kazakhstan, Uzbekistan,
and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2016 127

Information about scientific journals..... 128

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 129

УЧИТЕЛЬ – ПРИЗВАНИЕ – ПРОФЕССИЯ

Какие самые нужные профессии для общества? Судья? Безусловно, важная и серьезная профессия для поддержания правопорядка в стране, но многие люди за всю жизнь ни разу не сталкиваются с судебной системой и ничего, живут. Спортивный журналист? Очень интересная профессия для любителей спорта, но не решающая, не судьбоносная. Менеджер? Человек, который сам не производит ничего, но умеет организовать работу других? Когда-то в вузах не готовили таких специалистов, но люди жили и общество развивалось. А вот без кого люди просто не выживут – это врачи. Человек нуждается в медицинской помощи с самого момента рождения. А стать полноценным человеком и передать следующему поколению все накопленные знания и культуру невозможно без учителей. Невозможно представить без системы образования цивилизованного будущего человеческого сообщества, ведь чтобы подготовить новых врачей, продавцов, судей или журналистов обучают и готовят учителя и преподаватели.

В глубокой древности учителями становились особо умные и талантливые самородки, которые делились своими размышлениями с теми, кто тянулся к знаниям. За много столетий развития цивилизации образование преобразовалось в систему, поддерживаемую государством. Учат всех – и способных, и неспособных, и заинтересованных, и ленивых. Учат не тому, что интересует учителя, а тому, что требуется в соответствии с государственным образовательным стандартом. Учителя уже не единичные мыслители, а огромное количество специалистов, для которых педагогика – это профессия. Кстати, профессией считается род трудовой деятельности, требующий определенной подготовки и являющийся обычно источником материального обеспечения существования человека.

Справедливо ожидать, что труд человека, от которого зависит качество жизни и уровень культуры и цивилизации следующего поколения, будет оцениваться по достоинству. Однако уже много лет российские педагоги не живут, а выживают на мизерную зарплату. Нетрудно догадаться, что следствием такой ситуации является снижение трудовой мотивации и качества преподавания. Талантливая молодежь не идет преподавать, она старается приложить свои способности в той сфере, в которой они будут востребованы и оплачены. Многие пожилые и опытные учителя, начавшие работать еще в СССР, продолжают работать несмотря на трудности и бедственное материальное положение, потому что чувствует в себе призвание учить. Именно так и сказал недавно премьер-министр России Д. А. Медведев, что педагог – это призвание, а кто хочет больше зарабатывать, может уйти в бизнес. Разумеется, это так. Если есть желание, можно и уйти. Однако данная рекомендация вполне может трактоваться как антипропаганда педагогики, потому что зарплаты педагогов реально низкие и призывы такого высокопоставленного государственного деятеля преданные и доверчивые педагоги вполне могут воспринять вполне серьезно. С этой точки зрения, на наш взгляд, выглядит не совсем корректным открыто пытаться учить учителей, куда можно уйти.

Бизнес – это очень сложная сфера современной жизни, где успеха достигают очень немногие, часто наглые, беспринципные и любящие деньги больше, чем людей. Человек, избравший для себя педагогическую стезю, обычно обладает прямо противоположными качествами, он интеллигентный, воспитанный, принципиальный и даже альтруистичный. Не каждый педагог сможет стать успешным бизнесменом. А если все учителя уйдут из школы, кто будет учить детей? Кто будет

готовить новых специалистов для работы на заводах, стройках? Нет, конечно, этого не произойдет, кто-то всегда будет преподавать. Но качество педагогов вряд ли будет высоким, а, следовательно, и качество передаваемых знаний. Государство, которое заботится об образовании подрастающего поколения, имеет больше шансов стать сильным. Как говорит народная мудрость: «Кто знаниями обладает, тот всюду побеждает».

Имеем желание подчеркнуть, несмотря на то, что в современном мире существует множество способов и путей получения и обогащения человеческих знаний педагогами, тем не менее, были и остаются незаменимыми в выполнении миссии наставни-

ка, учителя и воспитателя. С этой точки зрения, любая даже самая малая ошибка, незаметный недочет, связанный со сферой образования и деятельностью учителей, несомненно, приведет к огромным нравственным, социальным, культурным и т.п. проблемам в обществе. И в самом конце хочется закончить свои слова цитатой из любимого кинофильма «Ирония судьбы или с легким паром», где кинорежиссер устами своей героини передает людям ценную мудрость: «... Да, ошибки учителей менее заметны, но в конечном итоге они тоже обходятся не менее дорого».

И. Г. Дорошина

UDC 7.012.185

CONFORMIST AND NON-CONFORMIST IN AN AMBIENCE OF FASHION INDUSTRY

T. Berdnik

*Candidate of Philosophical Sciences, professor
Don State Technical University
Rostov-on-Don, Rostov region, Russia*

Abstract. The article examines the mutual integration of the two models of social identity in the culture of contemporary society – conformism and non-conformism. The author considers the conditions for the effective functioning of the fashion industry in the context of the conformity of behavior and attitude to the novelty of both consumers and creators of fashion. It is concluded that the effect of the type of social behavior on the formation of subcultural groups, and the attitude of their representatives to the proposals of fashion designers. Presents contemporary fashion structure that develops in the dialectical unity of opposites, and the two systems – Haute Couture, embodies her creative nature, and pret-a-porter, reflects its commercial nature. It shows the location of conformity and nonconformity to this structure.

Keywords: conformism; non-conformism; social groups; social culture; fashion industry.

A human lives and develops in the system of multi-channel relationship with the outside world. This system includes contacts with the objective environment, and interpersonal interaction and social communication, which dictate a set of spiritual, ethical and moral standards. The strength of connection with public determines the degree of socialization of the individual and depends on its ability to conform. Most often conformity is understood as opportunism, which gives conformity a profoundly negative quality. A conformist is seen as a person with a low level of determination, who is always ready to sacrifice his beliefs and to adapt it to the opinion of the majority, so he can earn public ap-

proval and support. Conformists' behaviour and even his way of thinking expresses his intention to be like everyone else, therefore, trying to mimic the majority, while becoming part of the majority itself. Antithesis of conformism is the non-conformism – the desire, at any cost, to oppose the point of view of the opinion of the majority. Its principal position is the denial of principles and rules that exist in any group, society or community; and offer in return its own vision of the problem and ways to overcome it. The rejection of social norms, values and goals expressed by a nonconformist is so extreme, that can even lead to antisocial behavior.

Psychology distinguishes two types of non-conformism: independence as freedom of expression, freedom from rules and conventions imposed by society or social group, and anti-conformism as a consistent and demonstrative opposition to social norms. While the first type of non-conformists is not afraid to look like a "black sheep", the second type goes out of its way to become one. Ironically, with all the alternative views and ways of positioning themselves in the social structure, both conformists and nonconformists are equally active as consumers of fashion. However, it is not strange! The very nature of fashion, as a way of communication between an individual and society, demonstrates the duality: on the one hand, it helps a person to feel adequate among millions of their kind, on the other gives him an opportunity to realize the need to be different, unique. In other words, fashion is a universal mechanism for positioning individual concepts of conformists, as well as for their antipodes – nonconformists. However, in forecasting and marketing of fashion you should understand the difference of goal-setting in the context of consumerism of fashion industry products. Alexander Hoffman – the famous Russian expert in the theory and the sociology of culture, design and fashion – has developed a structure of fashion consumer, in which he has adopted the original typology [1]. Using the terminology proposed by Hoffmann, let's study these types of fashion consumers in the context of the conformity of their behavior and their attitude towards novelty. "Innovators" ("pioneers", "experimenters") – are the smallest group of consumers, being the first to try on all the latest fashions, which are contrasting dramatically with the trends of previous seasons. Their sources of inspiration are the latest and most creative collection of Haute Couture, focused on the future. Objects of fashion for this social group act as a means of personal identification. The quest for originality for this in-

dividuals is so great that it motivates the production of their own style, which exists, to a certain extent, beyond fashion. Thus often "innovators" become customers of young creative designers who create unique collections with a certain degree of shock and theatricality.

Independent nonconformists & anti-conformists belong to this group of consumers, who are not afraid to stand out from the crowd with its unusual views. They need to be at the forefront of fashion, or rather, a head of her. Not all of the new products are accepted by the majority and become a stable and popular seasonal trend. However, non-conformists-"innovators" are not too afraid by the fact that their experiments with the appearance will not in the near future become fashionable. For designers and marketers of fashion business "innovators" are an experimental platform for the study of consumer demand.

The next group of consumers Hoffman called "leaders" (or "community leaders"). "Leaders" are individuals that have an authority in a particular social group. They do not reject the trends of previous seasons radically; choosing only those innovations that are in transitional stage and have a real chance soon come into fashion. Their source of information are the seasonal shows of pret-a-porter and pret-a-porter de luxe, fashion magazines, fashion channels. "Leaders" are often the most authoritative representatives of youth subcultures and dictate fashionable items in their social groups. "Leaders" – are representatives of the independent non-conformism. Their choices give little information suitable for the fashion forecasting, because the "leaders" buy things that are already released in small quantities. But thanks to their authority, they become the propagandists and promoters of fashion concepts in large social groups.

The most massive consumer group, according to Hoffman, is subdivided into "early

majority" ("imitators") and "late majority" ("skeptics"). Regardless of their gradation the "majority" are all of those who are considered as "trendy people". Guided by their look you can see what trends are currently in fashion. Their desire to be like everyone else obviously marks their belonging to the conformists. As a rule, they positively perceive only those tendencies which they were gradually accustomed to by the "leaders". This group promotes the mass replication of products and help to make the major profit from the sale of fashion goods. Despite their conservatism "majority" is the most important link in the fashion industry system, ensuring its economic efficiency. Hoffman highlights another group of consumers – "traditionalists" ("lagging"). Representatives of this group are focused primarily on tradition and affirm themselves out of fashion. In fact, the "traditionalists" are not free from fashion, they are simply far behind her, idealizing tendencies of the past season. Oddly enough, this group consists of non-conformists, or more precisely, anti-conformists. They consciously and deliberately oppose their aesthetic stance to the accepted norm, using this behaviour as a method of standing out from the crowd. The motivation for this kind of behaviour American social psychologist Charles Horton Cooley saw in the exaggerated sense of self-worth, pushing nonconformists to consciously not do what is needed by circumstances or other people. "Asserting themselves and get their way in anything is an enjoyment to them; and if others have anything against this, that is proving their point even more" [2].

The group of "traditionalists" includes, along with the "lagging", representatives of rebellious subcultures, aesthetic preferences of which are determined by ideological factors and depend little on the designers' trendy offers. The "traditionalists" in the system of the fashion industry – are the most inefficient consumer group. However, their preferences

can inspire designers to create a collection, for example, in a vintage style or traditional folklore. Moreover, the rapid acceleration of fashion cycles can become a factor thanks to which tactics of "traditionalists" will become topical – falling behind for a long while can actually lead to becoming super-Avantgarde. Active participants of the fashion process, in addition to fashion consumers, are its creators. Among them there are also distinguished two models of social behavior: conformism and non-conformism, both of which are not only "get along" with each other, but, moreover, can not exist separately. The essence of this dyad is based on the dual objectives of professional fashion designers. There is no doubt that they are artists, generators of new ideas, in their creative ambitions aspiring to the full freedom of expression, to the sense of their uniqueness, to the right to dissent even with the risk of being misunderstood nowadays. At the same time fashion designers are traders, which professional success is shown through financial performance. A contradiction arises: on one hand fashion gives a designer the power to be proactive & forecast trends of the future; and on the other hand – it allows an opportunity to catch a turn in tastes of consumers & gives a chance for higher profits which is the main criteria of a successful business. This contradiction is resolved by the very structure of modern fashion that is developing at the same time in the unity and the confrontation of the two systems – Haute Couture, which embodies a creative subsistence, and a commercial fashion (pret-a-porter), reflecting its commercial nature [3].

Haute Couture is the area of the fashion industry, which "attracts" nonconformists, living them an opportunity not only to reveal the artistic talent, but also to realize the psychological setting on detachment from the crowd. Non-conformists' eternal search for novelty, their need and, at the same time, the ability to overthrow stereotypes, opposing

the vision of conventional models, have gained them a special professional status in the fashion of postmodernism. In the "army" of many thousands of designers working in the field of fashion industry only a few dozen have the right to be called a fashion dictators, and all of them are profound non-conformists. However, the creators of high fashion should not be considered as a subjective idealists, who exist in an ivory tower and do not know what's going on outside. Fashion is the most public form of art, it can not exist without mastering the masses; and to understand their expectations and preferences, a designer needs to be united with these masses. Therefore, the best transmitters of the ideas of Haute Couture are conformists. Designers-conformists are generally employed in the area of pret-a-porter to adapt the concepts of high fashion for the mass replication and to adapt them to the taste of the average consumer, and the most numerous – "the majority" [1]. To maintain the interest of the consumer to the offered novelties of designers non-conformism of postmodernist fashion skilfully uses all the tricks of the artistic (as well as non-artistic) provocation. Sometimes collections presented on the runways of high fashion are so shockingly unusual that they lose their essential functional value – to be human clothes – thus transforming a fashion show into a performance for a handful of admirers of conceptual art. A situation understandable only to a narrow circle of highbrow aesthetes can push away conformist majority which prefers the famil-

iar shapes and ideas. And it would mean that designers' ideas will be unviable from the point of view of the financial and economic aspects of the fashion business. The conclusion is obvious and dialectical: conformism and non-conformism, are in constant opposition to each other, but mixed together can make a strong and effective unity. Mutual integration of the two models of social identity of an individual in the structure of modern society is the very platform on which the development and prosperity of the fashion industry is based.

Bibliography

1. Гофман А. Б. Мода и люди или новая теория моды и модного поведения. – М. : Агентство «Издательский сервис», 2000. – 160 с.
2. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок / пер. с англ. под ред. А. Б. Толстова. – М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 320 с.
3. Современная энциклопедия. Мода и стиль. – М. : Аванта+, 2002. – 482 с.

Bibliography

1. Gofman A. B. Moda i ljudi ili novaja teorija mody i modnogo povernenija. – M. : Agentstvo «Izdatel'skij servis», 2000. – 160 c.
2. Kuli Ch. H. Chelovecheskaja priroda i social'nyj porjadok / per. s angl. pod red. A. B. Tolstova. – M. : Ideja-Press, Dom intelektual'noj knigi, 2000. – 320 c.
3. Sovremennaja jenciklopedija. Moda i ct'il'. – M. : Avanta+, 2002. – 482 c.

© Berdnik T., 2016

Pedagogické vědy

УДК 159.923

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Г. А. Берулава

*Доктор психологических наук, профессор
ректор
Международный инновационный
университет
г. Сочи, Россия*STRATEGIC ORIENTATION OF THE EDUCATION SYSTEM DEVELOPMENT
IN THE INFORMATION SOCIETY

G. A. Berulava

*Doctor of Psychological Sciences, Professor
International Innovative University
Sochi, Russia*

Abstract. The article analyses the problem of the education system development in the information society. It focuses on the influence of the information environment on the formation of behavioral and communication personality stereotypes. The article analyses the problem of formation productive communicative behavior of students based on a new methodological platform of personal development – a network education theory. It relies on the development, determined by the unconsciousness, and as well as the integration of traditional and electronic educational space by changing the structure of the educational environment and learning process, viewing it as a social cooperation with the support of "distributed intelligence".

Keywords: information society; the theory of network formation; behavioral approach to personality development; mental activity patterns stereotype; communication stereotypes.

XXI век – век глобальных цивилизационных и культурологических перемен. Если раньше передача определенных культурных ценностей, стереотипов культурного поведения осуществлялась из поколения в поколение, то сейчас эти цивилизационные паттерны кардинально меняются всего за несколько лет. В связи с этим, в настоящее время пристальное внимание специалистов привлечено к решению указанной проблемы. Сегодня появилась новая отрасль психологической науки – виртуальная психология [4; 5; 6].

Одной из отличительных особенностей современного общества, и в частности, его образовательного пространства,

является использование новой технологии передачи информации и организации обратной связи – электронного обучения. Важнейшим положительным моментом обучения в сети является его индивидуализация, которая обеспечивает каждому пользователю возможность работать в генетически заданном темпе. Основным недостатком традиционной системы обучения является отсутствие такой возможности, когда всем без исключения предлагается темп обучения, выбранный преподавателем. При этом часто страдают студенты со слабым типом нервной системы, инертные, которым нужно большее время

на обдумывание услышанного и его переработку.

Плюсом получения информации через сеть и вообще работы с компьютером является возможность индивидуально опосредованной обратной связи, когда студент имеет возможность задавать вопросы программе, тьютеру в режиме реального времени. Как известно, данный недостаток является очень значимым для системы фронтального обучения, которая не предполагает диалога с каждым учащимся, ответов, на возникшие у них вопросы [3].

Существенным мотивационным фактором является то, что не страдает самооценка студента и не возникают сопутствующие ей негативные психологические последствия для развития личности. Как известно, традиционное обучение очень часто сопровождается негативными оценками, которые оказываются очень сильным психотравмирующим фактором в силу возрастных и индивидуальных особенностей для многих студентов. Этот фактор может выступать в качестве основной причины нежелания учиться и низкой успешности обучения.

Еще один позитивный момент компьютеризации обучения – обеспечение специфических мотивационных факторов учебного процесса – возможность работы программы с привлечением элементов игровой деятельности. Игровые технологии позволяют усваивать в контексте положительного эмоционального фона и интереса к сюжетным моментам скриптов информации сложный учебный материал, который в традиционной академичной манере изложения воспринимается далеко не всеми студентами.

В процессе работы с компьютером студент – не пассивный объект обучения, а его активный субъект. Это очень важный психологический момент, поскольку только самостоятельная работа активизирует познавательную деятельность человека,

обеспечивает ему возможность мыслить самостоятельно в противоположность традиционному обучению, делающему акцент на механическом запоминании. Персональный компьютер постоянно реализует возможность постоянной самооценки и самоконтроля в процессе обучения. Это также очень значимый мотивационный фактор процесса обучения. Работа с персональным компьютером позволяет студенту очень оперативно обратиться к дополнительному справочному материалу, или материалу, позволяющему углубить и расширить изучаемую тему [1].

Существенно, что информация поступает к пользователю Интернета не системно, а в соответствии с его сиюминутной мотивацией, образуя эклектичную конфигурацию, но именно поэтому она усваивается особенно хорошо и является долговечной. При самостоятельном поиске информации отсекается вся лишняя, схоластически формализованная информация, которую содержат лекции и учебники, часто исходящие из того, что именно это придает ей теоретичность и научность. Человек сам выбирает наиболее интересную и приемлемую для него, в соответствии с доминирующим у него когнитивным стилем, форму подачи информации [2].

Самым сложным психологическим последствием компьютеризации обучения будут проблемные моменты для развития личностных качеств студента, поскольку из учебного процесса элиминируется личность педагога. Но, как известно, воспитывает не столько содержание материала, сколько субъектность педагога, которая проявляется в его личностном отношении к излагаемому материалу. Именно в общении с педагогом студент учится излагать мысли, дискутировать, учиться проблемной постановке вопросов, креативному отношению к действительности – именно это является источником формирования личностной сферы, сферы эмоций

и чувств, бессознательных стереотипов обучения [1].

В то же время массированный переход к компьютеризированному обучению не позволяет сформировать основные поведенческие реакции и в целом необходимый диапазон ролевого поведения.

Проблема влияния Интернета на развитие личности в последнее время привлекает особенно пристальное внимание психологов в связи с его феноменальной ролью в развитии всего общества. Специалисты отмечают, что привычка к языковым играм и скоростным информационным потокам способна вызвать непоправимые искажения в мышлении – породить его хаотизм, клиповость, неспособность удерживать в сознании какой-то один идеальный объект, разрушает способности к идеализационной работе. Все это в дальнейшем может сделать человека неспособным к аналитической мыслительной деятельности и в целом к теоретическому мышлению [2].

Нельзя не прогнозировать, что постоянная работа в Интернете может отбивать у студентов интерес и способность к самостоятельным открытиям, не способствует развитию оригинальности мышления. У молодых людей может быть ослаблено воображение, рефлексия, понимание, творчество, не формируется на необходимом уровне способность к общению с другими людьми. Они перестают понимать, для чего нужны школа, вуз и педагог, поскольку компьютер, в отличие от него, помнит и «знает» все.

Очень большой проблемой получения информации в Интернете является ее ничем не регламентируемый объем (мощность информационных потоков перекрывает сегодня возможности индивида), который приводит к дезинтеграции субъекта, к конфликту Я-реального и Я-виртуального. Разрушение какой-либо экспертной оценки, устранение каких-

либо научных фильтров и барьеров для информации, поступающей в Интернет, по сравнению с тем, как это имело место при представлении ее на бумажных носителях, приводит к тому, что пользователь просто тонет в этой немаркированной информации, качество и научный уровень которой не имеет какой-либо аналитической оценки.

Информационное пространство в своем виртуальном выражении есть пространство, прежде всего вербальное, соответственно на первый план в нем выступает самопрезентация. Именно информационное общество делает реальность самопрезентации «истиной в последней инстанции», своего рода окончательной реальностью, все более транслируя этот принцип в реальное социальное взаимодействие. Таким образом, распространение культуры виртуальной реальности заставляет современное общество все более и более «структурироваться вокруг противостояния сетевых систем (net) и личности (self)», что в определенном смысле отражает противостояние процессов самопрезентации и идентичности [5].

Участие в Интернет-коммуникации может оказывать влияние на реальную идентичность различными способами. Во-первых, Интернет благодаря существованию в нем множества различных сообществ (чатов, телеконференций и MUD), а также благодаря тому, что он сам по себе является социальной реальностью, предоставляет новые по сравнению с реальной жизнью возможности принадлежности к определенным социальным категориям. Такие особенности Интернет-коммуникации, как анонимность и ограниченный сенсорный опыт, порождают уникальную возможность экспериментирования с собственной идентичностью. Более конкретно, анонимность позволяет пользователям Интернета создавать сетевую

идентичность, которая чаще всего отличается от реальной идентичности [8; 9; 10].

Виртуальная самопрезентация, отличающаяся от реальной идентичности, может создаваться также для того, чтобы испытать новый опыт; то есть, сетевая идентичность, отличающаяся от реальной идентичности, не только выражает нечто, уже имеющееся в личности, но может быть и стремлением испытать нечто ранее не испытанное. Известно, что стремление к подобному экспериментированию с идентичностью, желание пробовать себя во все новых и новых ролях, испытывать новый опыт – особенность открытой идентичности, то есть, такого состояния личности, для которого характерен поиск альтернатив дальнейшего развития.

Однако существует и возможность влияния виртуальной идентичности на реальную. Одна из его форм – включение принадлежности к определенному сетевому сообществу в реальную социальную идентичность. С другой стороны, участие в виртуальной коммуникации вносит вклад в становление определенного содержания личностной идентичности, что свидетельствует о том, что между виртуальной самопрезентацией и реальной идентичностью существуют отношения взаимовлияния [11].

Современная система образования не учитывает, что внедрение новых информационных технологий поставило перед фактом глобального перехода к сетевым механизмам познания окружающей действительности, приходящим на смену системному подходу вооружения знаниями. Для сетевого образования характерны эклектичность, неоднородность, отсутствие иерархии в получаемой информации, логика восприятия, которая определяется, прежде всего, мотивацией обучаемого, опосредованной его смысловыми жизненными ориентациями [2].

Виртуальная сфера коммуникации и получения информации субъектом формирует собственные паттерны психической активности, в значительной степени, отличающиеся от тех, которые формируются в традиционном образовательном пространстве. Необходимо учитывать, что информационные сети перестали быть только техническим средством, но приобрели статус новой культуры, обладающей собственной семиосферой. Тексты, презентуемые электронными носителями информации, выступают сегодня как сенсорные и перцептивные эталоны, а предоставляемые сетью возможности достижения целей и удовлетворения потребностей – как нормы поведения и социального взаимодействия.

Особенностью современной культурной ситуации является то, что знаки теперь симулируют наличие связи «знак – референт», и эти симулякры функционируют как самореферентные знаки. Ее основными чертами являются не воспроизводство знаний, а «производство своих собственных знаний»; открытие в себе новых возможностей, самореализация своего потенциала (инсайт); метаморфическое познание – возможность видеть связь между противоположными вещами; видение общего и частного в их взаимодействии; понимание контекста; нелинейное понимание причинности; рассмотрение мира как текста; признание обучаемого как «интерпретирующего», а не объясняющего.

Формирование специфических паттернов психической активности в рамках виртуального пространства жизнедеятельности осуществляется в контексте учета психологических факторов влияния семиотического пространства Интернета.

Социальные проблемы современной цивилизации заставляют многих молодых людей, ведущих активную жизнь в Интернете бессознательно усматривать в

информационно-коммуникационных сетях защиту от тех проблем, с которыми им приходится сталкиваться в реальном мире вещей, людей и отношений. Установлено, что интернетотерапия действительно способствует улучшению психического состояния человека, находящего в виртуальной реальности прибежище от конфликтов в реальной социальной среде. Виртуальное общение с себе подобными помогает человеку снять излишнее напряжение и разрешить часть проблем, с которыми ему приходится сталкиваться в повседневной жизни.

В условиях учебного процесса вуза молодому человеку сложно расширить сферу своей коммуникации – она ограничена аудиторной формой обучения и той сферой общения в условиях обучения в вузе, где нет достаточной возможности выбрать партнера по общению с учетом индивидуальных особенностей и жизненных интересов. В образовательном пространстве коммуникационные навыки молодого человека достаточно ограничены и его коммуникационный потенциал часто не позволяет ему сделать удовлетворяющую его карьеру, реализовать свой профессиональный потенциал. В то же время возможность презентовать себя в коммуникационном плане очень важна в связи с очень ограниченным и часто ущербным коммуникационным опытом [3].

Общение в Интернете очень часто связано и с зарождающимися профессиональными интересами, с расширением сферы социальной ответственности, с получением опыта общения с людьми с различными стилями общения и в целом с очень большим расширением коммуникационного опыта, с формированием умения формулировать свою точку зрения и отстаивать ее.

Таким образом, виртуальное пространство сегодня превратилось в новую реальность, которая для многих молодых

людей подменяет собой действительный мир вещей, людей, отношений. Анализ жизнедеятельности человека в виртуальном пространстве дает основание говорить о ранее неизвестных процессах, оказывающих воздействие на восприятие людей и их психическое функционирование. Замена объективной реальности виртуальной становится для многих людей образом жизни. Это дает основания констатировать существенные сдвиги в эволюции человека.

Библиографический список

1. Борулава Г. А. Новая методологическая платформа развития личности // Гуманизация образования. – 2013. – № 3. – С. 11–24.
2. Борулава Г. А., Дружинина А. В., Беляева Е. В., Малыш В. Г., Пильщикова Т. С., Исталиева С. К., Кадырова Л. Р. Внутривузовское электронное пространство на основе новых образовательных технологий // Высшее образование в России. – 2014. – № 12. – С. 83–89.
3. Борулава Г. А., Яковлева-Чернышева А. Ю., Дружинина А. В., Беляева Е. В., Пильщикова Т. С., Исталиева С. К., Малыш В. Г. Об опыте организации электронного образовательного пространства: научная статья // Гуманизация образования. – 2015. – № 2. – С. 52–58.
4. Иванов Д. В. Виртуализация общества. – Спб., 2002.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под научн. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
6. Ковалевская Е. В. Виртуальная реальность: философско-методологический анализ: автореф. ... дис. канд. филос. наук. – М., 1998.
7. Heim M. The Metaphysics of virtual reality // Virtual reality: theory, practice and promise. Westport and London, 1991.
8. Donath Judith S. Identity and deception in the Virtual community. 1995. WWW document. URL: <http://judith.www.media.mit.edu/Judith/Identity/IdentityDeception.html>
9. Reid E. M. Electropolis: Communication and Community On Internet Relay Chat. 1991. WWW document. URL: <http://www.ee.mu.oz.au/papers/emr/electropolis.html>

10. Suler J. Cyberspace as Psychological Space. 1996c. WWW document. URL: [http://www 1.rider.edu/~suler/psycyber/psychspace.html](http://www1.rider.edu/~suler/psycyber/psychspace.html)
11. Turkle Sh. Parallel lives: Working on identity in virtual space. Constructing the self in a mediated world. Inquiries in social construction / Grodin D., Lindlof T.R. (Eds.). Sage Publications, Inc, Thousand Oaks, CA, US, 1996. – P. 156–175.
5. Kastel's M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura / per. s angl.; pod nauchn. red. O. I. Shkaratana. – M. : GU-VShJe, 2000.
6. Kovalevskaja E. V. Virtual'naja real'nost': filosofsko-metodologicheskij analiz: avtoref. ... dis. kand. filos. nauk. – M., 1998.
7. Heim M. The Metaphysics of virtual reality // Virtual reality: theory, practice and promise. Westport and London, 1991.
8. Donath Judith S. Identity and deception in the Virtual community. 1995. WWW document. URL: <http://judith.www.media.mit.edu/Judith/Identity/IdentityDeception.html>
9. Reid E. M. Electropolis: Communication and Community On Internet Relay Chat. 1991. WWW document. URL: <http://www.ee.mu.oz.au/papers/emr/electropolis.html>

Bibliograficheskij spisok

1. Berulava G. A. Novaja metodologicheskaja platforma razvitija lichnosti // Gumanizacija obrazovanija. – 2013. – № 3. – S. 11–24.
2. Berulava G. A., Druzhinina A. V., Beljaeva E. V., Malysh V. G., Pil'shhikova T. S., Istalieva S. K., Kadyrova L. R. Vnutrivuzovskoe jelektronnoe prostranstvo na osnove novyh obrazovatel'nyh tehnologij // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2014. – № 12. – S. 83–89.
3. Berulava G. A., Jakovleva-Chernysheva A. Ju., Druzhinina A. V., Beljaeva E. V., Pil'shhikova T. S., Istalieva S. K., Malysh V. G. Ob opyte organizacii jelektronnogo obrazovatel'nogo prostranstva: nauchnaja stat'ja // Gumanizacija obrazovanija. – 2015. – № 2. – S. 52–58.
4. Ivanov D. V. Virtualizacija obshhestva. – Spb., 2002.
10. Suler J. Cyberspace as Psychological Space. 1996c. WWW document. URL: [http://www 1.rider.edu/~suler/psycyber/psychspace.html](http://www1.rider.edu/~suler/psycyber/psychspace.html)
11. Turkle Sh. Parallel lives: Working on identity in virtual space. Constructing the self in a mediated world. Inquiries in social construction / Grodin D., Lindlof T.R. (Eds.). Sage Publications, Inc, Thousand Oaks, CA, US, 1996. – P. 156–175.

© Берулава Г. А., 2016

УДК 372.881.161.1

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ЮРИСТОВ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

М. Х. Шхапацева*Доктор педагогических наук, профессор,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия***О. О. Айвазян***кандидат педагогических наук
Краснодарский кооперативный институт
(филиал)
Российский университет кооперации
г. Краснодар, Россия*

FEATURES OF DEVELOPMENT OF SPEECH OF LAWYERS IN MODERN CULTURE DURING THE FORMATION OF THE SOCIAL STRUCTURE

M. Kh. Shkhapatseva*Doctor of pedagogy, professor
Adyghe State University
Maikop, Republic of Adyghea, Russia***O. O. Ayvazyan***Candidate of Pedagogic Sciences
Krasnodar Cooperative Institute, (a branch)
Russian University of Cooperation
Krasnodar, Russia*

Abstract. The paper discusses the essence of the speech culture of lawyers. The author examines the basic provisions of the culture and speech culture. It revealed that the level of proficiency of speech culture depends on the successful socialization of the person in modern conditions of life transforming. From the point of view of the author, speech culture specialist in the field of law is respect for language and speech, and this is an indication of respect for the laws of the country as a whole. The lawyers speech must be correct, clear, accurate and accessible. The development of such a well-organized speech contributes to the educational process.

Keywords: language; speech; speech to the requirements; speech of lawyers; rhetoric.

Начиная с древнейшего периода вопрос формирования и функционирования навыков искусной речи, был одним из актуальнейших и труднейших для достижения и реализации в социуме. Поскольку от степени владения способностью правильно и ясно излагать высказывание зависит возможность достижения мирного сосуществования представителей разных этносов, культур, вероисповеданий, а также специалистов различных сфер деятельности. Помимо этого от уровня владения навыками речевой культуры зависит успешная социализация

личности в трансформирующихся условиях социально-экономического развития социума, характеризующихся появлением новых требований, предъявляемых населению того или иного государства.

Понятие «речевая культура» прошло длительный этап исторического развития. При этом, научной областью, изучающей особенности культуры речи является учение о языке, которое возникло еще в Древней Греции в рамках такого направления, как ораторское искусство. В связи с тем, что в древнейшее время не суще-

ствовало учения о речевой культуре, а лишь рассматривалось искусство ораторской речи, основным содержанием, которого являлось исследование вопросов построения правильной и умелой речи.

Одним из основных трудов в рамках ораторского искусства была научная работа древнегреческого философа Аристотеля под названием «Риторика», ок. 355 г. до н.э. В содержании данного научного труда было раскрыто понятие «Риторика», которое заключается в возможности находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета [2].

Введение термина «культура речи» датируется 20-ми годами 20 века, а уже в 50-60-е годы оно отделилось от риторики, и превратилось в самостоятельную науку. В русском языке существует множество определений «культура речи» или «речевая культура». Но наиболее традиционной является определение, которое дал известный лингвист Е. Н. Ширяев, по его словам речевая культура – это выбор и организация средств языка с соблюдением основных норм общения в определенной ситуации, что обеспечивает наибольшую эффективность в процессе речевой деятельности [3, с. 16].

В лингвистике понятие «культура речи» представляет собой сознательное применение средств языка в различных речевых ситуациях с учетом норм и требований русского языка [1, с. 29].

Язык – явление общественное, социально-историческое, а речь – явление социальное, индивидуально-психологическое. Создателем и носителем языка является народ, а носителем и творцом речи – отдельный человек. Но речь – явление не только индивидуальное, но и социальное, так как индивид использует языковые средства для общения с другими людьми, в целях коммуникации. Язык существует и развивается по своим законам независимо от деятельности отдельного челове-

ка, а речь индивида находится в непосредственной зависимости от его языкового окружения [6, с. 5]. Следовательно, «язык одновременно и орудие и продукт речи» [4, с. 42].

Речь – это средство коммуникации, способ познания действительности, это основа всякой умственной деятельности человека. Слово – важнейший фактор существования психики человека. Речь является одним из важнейших показателей уровня речевой культуры человека, его мышления, интеллекта.

К основополагающим требованиям, предъявляемым к речи, как юристов, так и иных специалистов, необходимых для соблюдения в ходе речевой деятельности относятся:

1. Правильность речи позволяет достичь взаимопонимания. При этом, верный выбор единиц языка (устойчивых оборотов), их расположение, правильная связь, повторяемость является предпосылкой точности речи.

2. Точность речи представляется одним из важнейших требований, связанных с экстралингвистическими и лингвистическими факторами. А также основными элементами точности речи является содержательность и ясность.

3. Чистота речи характеризуется тем, что в ней должны отсутствовать перечень элементов, чуждых литературному языку: диалектизм, просторечий и канцеляризм.

4. Доступность речи обусловлена правильностью и точностью изложения материала, и если в речевой деятельности присутствуют данные элементы, то ее можно назвать доступной, что приводит к ее действенности. А если степень точности и доступности речи соответствует конкретной ситуации, условиям общения, она уместна.

При соблюдении представленных выше требований, являющихся основой

культуры речи возможно достижение взаимопонимания на всех стадиях судопроизводства. В связи с этим, можно констатировать то, что специалист, профилирующийся в юридической сфере, обязан владеть навыками речевой культуры. Поскольку в своей профессиональной деятельности юристам приходится сталкиваться с лицами иной профессиональной направленности, а также с представителями других культур, что предполагает эффективное взаимодействие, а без овладения, как специального образования, так и общего это становится невозможным.

Данная точка зрения подтверждается высказыванием А. Ф. Кони о том, что «юрист должен быть человеком, у которого общее образование идет впереди специального» [5, с. 530]. При этом, становится неважным какую роль он выполняет в правовой сфере: создает законы, работает в органах дознания, является судьей, адвокатом, нотариусом, профилируется в научной сфере, так как не смотря на все это он относится к лицу, осуществляющему разъяснение правовых норм населению. Поэтому он должен быть способным объяснять обращающимся правовые основы и убеждать их в верности своей точки зрения по поводу того или иного вопроса и способов его разрешения. В связи с этим, юрист должен уметь выбирать верные средства языка, тон, интонацию, а также аргументировано и грамотно высказывать свои мысли, что способствует расположению к себе, иначе не может быть и речи об эффективном взаимодействии. Поскольку обращающийся будет сомневаться в знаниях юриста, потеряет уважение к нему и проявит полное недоверие к его словам.

Помимо этого, необходимо заметить и то, что в сфере судопроизводства очень важным является умелое использование норм языка и речи, так как неверно построение устного высказывание может привести к дискредитации юриста, кото-

рый выступает как представитель органов правосудия. При этом, юрист, допустивший ошибки в своем высказывании, обладая высшим профессиональным образованием, проявляет свое коммуникативно-речевое бескультурье и безграмотность.

На основании этого имеется возможность утверждать о том, что речевая культура специалиста в юридической сфере заключается в уважительном отношении к языку и речи, а это является показателем уважения к законодательству страны в целом.

Не вызывает сомнения то, что способность правильно и точно высказываться является основополагающим компонентом, определяющим профессиональный уровень юристов. Также речевая культура юриста включает помимо овладения навыками устного высказывания, умения письменного изложения важных сведений в правовой сфере. Поскольку верное изложение фактов по конкретным делам благоприятно влияет на процесс судебного разбирательства. К тому же, при составлении документов правового характера должны быть использованы верные средства языка для правильного толкования сути написанного текста. Это также необходимый элемент, указывающий на общий уровень речевой культуры юриста, как специалиста. При этом, анализ теоретического материала и практического опыта в сфере реализации навыков речевой культуры юристов с учетом ее социокультурной значимости позволяет констатировать тот факт, что в современном мире существует множество проблем функционирования коммуникативно-речевых навыков. Основной проблемой является нарушение правил построения устных и письменных высказываний, а также множество, допускаемых ошибок, как в публичных выступлениях, так и при письменном изложении информации правового характера. Также необходимо отметить

и то, что несмотря на особую значимость владения речевыми навыками в социуме существуют проблемы, характеризующиеся низким уровнем речевой деятельности, это, безусловно, сказывается на общем развитии личности, а в частности, на формировании речевой культуры, как юристов, так и других квалифицированных специалистов разных областей наук.

И для того, чтобы предупредить подобные последствия, необходим качественный образовательный процесс, направленный на будущих юристов, который должен включать помимо обучения специальным юридическим дисциплинам, изучение междисциплинарных курсов филологической и лингвистической направленности. Хотя, нельзя говорить о том, что в современной образовательной системе нет места общепрофессиональным дисциплинам, но все же в рамках данных курсов не все стороны речевой культуры рассматриваются, а это не позволяет всесторонне развиваться будущим специалистам в юридической сфере. Также важным является качественный процесс обучения речевым навыкам и культуре с младшего школьного возраста и на всем протяжении взросления. Что, безусловно, является важным компонентом целостного формирования и всестороннего развития личности обучаемого, а в частности формирование навыков речевой культуры будущего специалиста юридической сферы.

Таким образом, не вызывает сомнения тот факт, что владение культурой речи является важным элементом в правовой сфере. Каждый юрист должен обладать коммуникативно-речевыми навыками с учетом требований, предъявляемых речи. Поскольку правильно выстроенная речь и верно изложенный материал в письменной форме способны воздействовать на мышление и сознание лиц, задействованных в юридической сфере.

Библиографический список

1. Айвазян О. О. Развитие письменной русской речи учащихся начальной школы в процессе работы над изложением: дис. ... канд. пед. наук. – Майкоп, 2013. – 203 с.
2. Аристотель. Риторика. 2-е. изд. / пер. О. П. Цыбенко. – М. : Лабиринт, 2007. – 256 с.
3. Ашинова З. Ш., Айвазян О. О. Культура речи и ее влияние на этику общения в современных социально-экономических условиях развития общества // Материалы всероссийской научно-практической конференции «социально-экономические аспекты развития современного общества в постолимпийский период», 28 февраля – 1 марта 2015 г. – Краснодар. – С. 15–19.
4. Соссюр, Ф. де Курс общей лингвистики: монография. – М. : УРСС Эдиториал, 2007. – 257 с.
5. Чудаков М. Ф. Анатолий Фёдорович Кони // Судебные речи : сборник. – Минск : Новое знание, 2002. – С. 529–588.
6. Шхапацева М. Х. Развитие связной русской речи учащихся: пособие для учителей общеобразовательных школ РА. – Майкоп, 1995. – 134 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Ajvazjan O. O. Razvitie pis'mennoj russkoj rechi uchashhihsja nachal'noj shkoly v processe raboty nad izlozheniem: dis. ... kand. ped. nauk. – Majkop, 2013. – 203 s.
2. Aristotel'. Ritorika. 2-e. izd. / per. O. P. Cybenko. – M. : Labi-rint, 2007. – 256 s.
3. Ashinova Z. Sh., Ajvazjan O. O. Kul'tura rechi i ee vlijanie na jeti-ku obshhenija v sovremennyh social'no-jekonomicheskikh uslovijah razvitija obshhestva // Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskaja konferencija «social'no-jekonomicheskie aspekty razvitija sovremennogo obshhestva v postolimpijskij period», 28 fevralja – 1 marta 2015 g. – Krasnodar. – S. 15–19.
4. Sossjur, F. de Kurs obshhej lingvistiki: monografija. – M. : URSS Jeditorial, 2007. – 257 c.
5. Chudakov M. F. Anatolij Fjodorovich Koni // Sudebnye rechi : sbornik. – Minsk : Novoe znanie, 2002. – S. 529–588.
6. Shhapaceva M. H. Razvitie svjaznoj russkoj rechi uchashhihsja: poso-bie dlja uchitelej obshheobrazovatel'nyh shkol RA. – Majkop, 1995. – 134 s.

© Шхапацева М. Х., Айвазян О. О., 2016

Psychologické vědy

UDC 159.9.07

TIME AND CHILD**L. V. Tarabakina**
E. V. Zvonova*Doctor of Psychological Sciences, professor*
Candidate of Psychological Sciences,
assistant professor
Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia

Abstract. The problem of the time concept formation at children of preschool age is considered in this article. The summary analysis of the scientific content of the 'time' idea shows plurality of psychological time aspects. This situation defines several areas of work in of the time concept formation at preschool children: emotional development, semiotics development, and activation of emotional memory in the delayed action conditions. The developmental tasks suggested are directed to activate the emotional experience of events by a child and examine an event as the important time marker. Execution of tasks offers purposeful development of the child's semiotics function in conditions of the sign and symbolical activity organization as well as acquisition of the special symbolics linked to fixing of measures of time.

Keywords: time concept; sign and symbolical activity; semiotics function.

As a fundamental category of psychology, time plays a significant role in the person's cognition of world around. At preschool age, the emotional experience of time sequence has a number of particular qualities. At real-time playback of such sequence among preschool children, emotionally stronger stimuli come to the fore. To preschool children, high emotional sensitivity is subsistent with respect to surrounding people's moods and the novelty of surrounding objects appearing in the field of view. Coupled with cognition immaturity, child's emotional inclusiveness in daily reality blocks positive changes in his/her reflection and personal development. Concrete experiences acquire an egocentric orientation, and the gap with social norms blocks the cognition in the analysis of events of everyday life. Particular qualities in preschool child's event perception determine this or that type of social behavior and form of activity. He/she passes a long way of development before his/her emotions acquire independence and also progres-

sive nature of influence on such cognition processes as perception, representations, thinking, and reflection, before they become personal and social and psychological. The sequence of the event arrangement in a child's inner world is defined not by the real time sequence of such events but the child's emotional inclusiveness in them. Later on, the emotional significance of perception as the training progresses is gradually replaced with the semantic significance. In intelligent material, the sequence of separate moments coincides with the cause and effect relations between them.

The maturity of time concepts is being shown in ability to define, measure time and correct designate it is to in the speech, feel its duration to regulate and plan own activity in time, change speed and a rhythm of actions depending on time limitations [1]. At the same time, specific features of time as objective reality complicate its perception by children. Time is always in the movement, course of time always descends in one direction – from

the past to the future, it is irreversible, it cannot be detained, returned or "shown". According to I. Kant, time belongs only to a percipient; it is not a property of things.

The current state of the research of time is defined by the fact that its theoretical foundation has been downloaded in development of diverse sciences: natural, on the one hand, and within the bounds of philosophy, physiology and psychology, on the other. It is the evidence of the significance of the time studying problem itself for human life and defines the necessity to examine the theoretical provisions in each science above.

Since ancient times, the time problem is a subject of studying in philosophy, and especially the philosophical concepts have defined development of various psychological approaches to solve the problem of perception, idea, and sense of time. In psychology, it is distinguished objective, natural-science time which reflects communication in time of the phenomena and objects, on the one hand, and psychological time of a personality, on the other. Between characteristics of both objective and psychological time there is no unambiguous compliance: whereas characteristics of an objective time (duration, sequence, and synchronism) can be measured rather precisely while a psychological time has its own special functioning.

In the history of the natural sciences development, revolution in judgment of the 'time' concept was brought by I. Newton. The 'objective Newtonian time' suggests conceiving time as the line consisting of equivalent parts or points as natural sciences do it, physics, in particular. In the Newtonian concept of absolute time there have been three basic characteristics of time:

- the sequence to characterize continuous existence of one by one phenomenon or event;
- the duration to be determined as length, extent of one event in time;

- the synchronism to be understood in two meanings: as a condition of the interrelated phenomena, their systems, and implementation of various states at the same time, their coincidence in time [8].

The distinct solution of the individual time problem has been also proposed within various psychological approaches. Two main ones of them are possible to distinguish. The first of them recognized by U. Dzhems [3], E. Gusserl [2], M. Merlot Ponti [7], and Zh. Delyoz [18]; the second – by S. L. Rubenstein [11], D. G. Elkin [17], and Yu. K. Strelkov [14]. The first approach implies that the consciousness and the time are inseparably linked among themselves and exist in the unity. The second one claims that the time exists objectively, while the consciousness only reflects time characteristics of world around.

Research of child's concept of time has been conducted both abroad (Ge. Piaget [9], P. Fress [15], D. Krech, R. Krachfeld [4], H. Shiffman [16], and others), and in domestic science (D. G. Elkin [17], T. D. Rikhterman [10], S. D. Lutskovskaya [5] and others). A child perceives time indirectly, through specification of time units and relations in constantly repeating phenomena of life and activity.

Zh. Piaget takes up genesis of time concepts in close relationship with formation of certain operational structures. For example, ability to define the place of some changes in the system of other ones (which allows dating events) is formed only by the time when a child becomes proficient in intellectual concepts, i.e. by 7 years. Development of ideas of time in children is in close and necessary relation with that of mental functions, and adequate reflection of the time relations is only attained provided all functions have matured. In the course of mental process formation and improvement during ontogenesis, more and more adequate adaptation to time characteristics of the environment as

well as acquisition of harder and harder time conceptions and survival facilities in time is provided. According to Zh. Piaget, the stage-ness of the intellectual development and that of the genesis of time concepts act as deeply interrelated and interdependent phenomena. In ontogenesis, formation of new operational structures of intelligence, their transfer to new levels of functioning act as the prerequisite for formation of more and more perfect means of time application [9].

The researchers who deal with the problem of time category note universality of time characteristics and the phenomena (recurrence, irreversibility, need cathexis, etc.) on their applicability in description of any processes by nature, and that does the time concept to be algorithmic per se [10].

Among children of the advanced preschool age, it is possible to form skill of activity regulation in time. For this purpose, it is necessary to create special situations to focus children's attention on length of various vital time intervals and reveal for them what they can manage to do for these intervals of time; how to measure any action process; how to appreciate independently time intervals, analyze the plan of own actions and their fulfillment in such time periods which have been established in advance.

Factors the time concepts based on are as follows:

Among children of the advanced preschool age, it is possible to form skill of activity regulation in time. For this purpose it is necessary to create special situations to focus children's attention on length of various vital time intervals and reveal for them what they can manage to do for these intervals of time; how to measure any action process; how to appreciate independently time intervals, analyze the plan of own actions and their execution in such time periods which have been established in advance.

Factors the time concepts based on are as follows:

- Awareness in time standards (a general concept about them). For a child to understand what time length is being discussed or independently determine duration of a time interval, he/she needs to learn to use these means and learn to use a clock.
- Experience – as sensation of time interval duration. For this purpose it is necessary to arrange various children activity within certain time intervals. It will give them the chance to sense the time extent and to see what he/she can really manage to make for this or that time interval. Later on, these skills will be a basis to form ability to plan their activity in time, that is to choose work volume according to the scheduled time.
- Ability to estimate time intervals without a clock on the basis of deep psychological time sense. Mutually control together with adults trains children in adequacy of estimates, therefore such control is necessary as reinforcement when skills of orientation in time are being developed.

Determination of objective time assumes a starting reference point. Usually an event concerned with live emotions or bright conceptions serves as such reference point and therefore it is easily allocated and perceived.

Speaking about the structure of child's time conceptions, it is possible to allocate, at least, three various aspects of them:

- Adequacy of reproduction of time intervals and their correlation with activity (ability to arrange actions in time).
- Getting an idea of verbal indications of time (from simpler 'yesterday/today/tomorrow' to more complex – 'past/present/future,' etc.).
- Planning of sequence of events/actions/phenomena.

Four theoretical provisions of domestic psychology reveal as a key to understanding of psychological conditions of formation of time concepts. To start with, the idea of social conditionality and historical variability of mental functions; second, the point on their instrumental (sign) character; third, the idea of unity of structure of practical and mental activities which defined system nature of genetic researches; and fourth, the idea of mediation of mental function development in joint activity and area of relationship with people around.

The sign and symbolical approach in formation of preschool children concepts has been developed at the N. G. Salmina's school which combined the operational structure data and those of sign mediation of intellectual activity [12]. One of concrete forms of this interrelation are the initial data and practical operations of a child which are being performed in common with an adult and included in the system of the data and household behavior development. Special tasks, use of a calendar, a clock and other objects create data and practical communication of a child with the world, meet his/her needs and requirements, and mediate interactions and relations with adults.

The data and practical activity of a child in cooperation with an adult have to be arranged using the delayed action system. Delays and breaks cause in a child the state of expectation, readiness, search, and updating of a previous or forthcoming operation and they act as the special methodical means of formation and identification of time concepts [13].

The significant role of the mediated components in time perception stipulates considerable difficulties which processes of consciousness among children are connected with. The knowledge and skills connected with the characteristic of time intervals as well as mastering of time standard system, are quite complex. Mastering knowledge of the time standards assumes:

- 1) child's familiarization of abilities to measure time with application of standard time measurement devices;
- 2) mastering knowledge of time standards, their quantitative characteristic and perception of their length;
- 3) awareness of dependence between separate links of that difficult system of time standards.

Thus, all time measures (minute, hour, day, week, month, and year) represent a concrete system of time standards where each measure consists of units of previous one and forms the basis to create the subsequent measure. Therefore acquaintance of children to units of time measure has to be carried out in system and sequence where knowledge of any time intervals, capacity to their definition and measurement would form the basis for indoctrination with the following ones and open to children such essential characteristics of time as its fluidity, continuity, and irreversibility.

All tests should be built in the educational process and fulfilled daily. Studies without fail include the following means of materialization and action with them:

1. Lesson schedule which is discussed daily.

At the beginning of a test, a child is ordered to put the sun (which is cut out from paper) on a small square of the test beginning. Other child on the clock model moves arrows and all children pronounced time of the test beginning. The same occurs at the end of a test. A big clock is hanging on a wall; time of the test beginning and that of its end as well compliance of other actions with a schedule is constantly verified. When children are being trained to recognize parts of a day it is necessary to correlate the correct designation of each part (morning, afternoon, evening and night) to the corresponding period and teach to determine this interval by its characteristic activity and external signs.

2. The wall calendar where one child of a group (in turn) moves every day a small square and write down the date on a board. Depending on their abilities children can write down the date both in words and numeral format. When children being acquainted with a calendar, it is necessary to construct the system of tasks in such a manner that children consciously seize the time standards when they actively operate with model calendar materials and become familiar with the length of all offered periods. Among children, ability to determine the date by a calendar and especially call days of week is gradually formed.

3. A notebook – a diary for each child.

It is filled on weekends and reflects events of the child life. In his/her diary a child fixes an event which took place during a weekend and remained in his/her memory. Time of that event - morning, afternoon or evening appears as a conventional sign or a word. The special attention is paid to ability to show the event time – to picture a clock with the time mark, indication of the time when an event (for example, circus performance) had begun and come to the end. On Monday, the educational psychologist discusses the diary and impressions the child had received from an event. Specifics of work with a diary consists of that the value of time and communication of events with personal meanings is shown.

4. Tasks for independent drawing.

For example, on the topic "Winter Season" where a child is suggested to depict what he does in winter. Experience of time cognition is fixed in a verbal and conceptual form as standards – parts of a day (morning, afternoon, evening) as well as time measures (hours, minutes, and seconds). Thus, the ideas of the value of each time unit and their projection on the "I" (for example, morning bears a charge of cheerfulness, readiness for vital activity during a day) are being developed. Children learn to compare their subject

experience with characteristic time properties (for example, cycling of events: birthday repeats annually, a child has become 1 year older).

5. Of special complexity in work with a clock is time with designation of minutes (10 minutes past one, fifteen minutes to twelve and so on). A transforming toy can help in understanding – there is no hand, so it is a robot without hand. To consider 'fifteen minutes' to...' is possible to suggest by analogy. It is necessary to repeat such exercises several times and individually for each child. Purposeful studies to form of time concepts among children of the advanced preschool age were being carried out in separate groups of preschool institutions and the school preparation centers from 2009 to 2014. At the stage of control tests, the qualitative analysis of results was carried out. We had observed positive changes which happened in the course of pedagogical interaction of a child and a teacher. Children themselves fixed the beginning of studies, told about an event which took place for days off without any reminding. We often heard such phrases as 'There is 10 minutes to the study beginning' or " Please, give me 10 more minutes, I do not manage to finish drawing. 'The comparative analysis of the data obtained during control diagnostics has shown that the level of the time concept development during studies had considerably grown. The positive dynamics has been shown especially earnest in groups where purposeful classes of the semi-otic function development had taken place [13]. The higher results have been shown in the subject and practical activity of a child in cooperation with an adult arranged with the system of delayed actions. The delays or breaks, which caused in a child the state of expectation, readiness, search, updating of a previous or forthcoming operation etc.. act as the special methodical means of formation and identification of time concepts [6].

Thus, time concepts among children of the advanced preschool age are caused by mastering of sign system and reflection development. These processes are more effective at maintenance of the following conditions: attainment age of senior preschool children are taken into account; rhythms of child's activity in time on the basis of the daily reality arrangement are of fixed; there takes place inclusiveness in the events which are of large subjective and emotional importance for a child; the subject and practical activity of a child in cooperation with an adult is arranged on the basis of application of the system of delayed actions; the sign and symbolical activity of children directed to allocation and use of time standards is methodically arranged.

Bibliography

1. Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. – СПб. : Алетейя, 2001.
2. Гуссерль Э. Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания. Т. III. – М. : Дом интеллектуальной книги. 2001.
3. Джемс В. Психология. – М. : Педагогика, 1991.
4. Креч Д., Крачфилд Р., Ливсон Н. Восприятие времени и суждение о времени // Общая психология. Тексты: В 3 т. Т.3: Субъект познания. Книга 2. Изд.2-е, испр. и доп. / отв. ред. В. В. Петухов. – М. : УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2006. – С. 245–247.
5. Луцковская С. Д. Психологические условия становления представлений о времени у младшего школьника. Дис. ... канд. психологических наук : 19.00.07. – М., 2000.
6. Ляудис В. Я. Психологические проблемы развития памяти// Исследования памяти. – М., 1990. – С. 20–44.
7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб. : Ювента; Наука, 1999.
8. Молчанов Ю. Б. Философский смысл концепции времени у Ньютона // Ньютон и философские проблемы физики XX века. – М. : Наука, 1991. – С. 156–169.
9. Пиаже Ж. Психология интеллекта. – СПб. : Питер, 2003.
10. Рихтерман Т. Д. Формирование представлений о времени у детей дошкольного возраста. – М. : Просвещение, 1991.
11. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2003.
12. Салмина Н. Г. Мы живем в мире символики // Современное дошкольное образование. Теория и практика. – 2013. – № 10. – С. 28–32.
13. Салмина Н. Г. Учимся думать. Что, как и с чем связано? Часть № 1. Пособие для детей старшего дошкольного возраста. – М. : ВЕНТАНА–ГРАФ, 2009.
14. Стрелков Ю. К. Время в психологическом анализе // Журнал практического психолога. – № 5–6, 2000. – С. 216–230.
15. Фресс П. Восприятие и оценка времени // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. – М. : Прогресс, 1978. Вып.6. – С. 88–135.
16. Шиффман Х. Восприятие времени//Общая психология. Тексты: В 3 т. Т. 3: Субъект познания. Книга 2. Изд.2-е, испр. и доп. / отв. ред. В. В. Петухов. – М. : УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2006. – С. 220–244.
17. Элькин Д. Г. Восприятие времени. – М. : АПН, 1962.
18. Deleuze G. Cinéma II: l'Image-temps. — P. : Minuit, 1985.

Bibliography

1. Abul'hanova K. A., Berezina T. N. Vremja lichnosti i vremja zhizni. – SPb. : Aleteja, 2001
2. Gusserl' Je. Logicheskie issledovanija. Issledovanija po fenomenologii i teorii poznanija. T. III. – M. : Dom intellektual'noj knigi. 2001.
3. Dzhems V. Psihologija. – M. : Pedagogika, 1991.
4. Krech D., Krachfild R., Livson N. Vosprijatie vremeni i suzhdenie o vremeni // Obshhaja psihologija. Teksty: V 3 t. T.3: Sub#ekt poznanija. Kniga 2. Izd.2-e, ispr. i dop. / отв. red. V. V. Petuhov. – M. : UMK «Psihologija»; Moskovskij psihologo-social'nyj institut, 2006. – S. 245–247.
5. Luckovskaja S. D. Psihologicheskie uslovija stanovlenija predstavlenij o vremeni u mladshego shkol'nika. Dis. ... kand. psihologicheskikh nauk : 19.00.07. – M., 2000.
6. Ljaudis V. Ja. Psihologicheskie problemy razvitiya pamjati// Issledovanija pamjati. – M., 1990. – S. 20–44.
7. Merlo-Ponti M. Fenomenologija vosprijatija. – SPb. : Juventa; Nauka, 1999.
8. Molchanov Ju. B. Filosofskij smysl koncepcii vremeni u N'jutona // N'juton i filosofskie prob-

- lemý fyziky HH veka. – M. : Nauka, 1991. – S. 156–169.
9. Piazhe Zh. Psihologija intellekta. – SPB. : Piter, 2003.
 10. Rihterman T. D. Formirovanie predstavlenij o vremeni u detej doshkol'nogo vozrasta. – M. : Prosveshhenie, 1991.
 11. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshhej psihologii – SPb.: Piter, 2003.
 12. Salmina N. G. My zhivem v mire simboliki // Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie. Teorija i praktika. – 2013. – № 10. – S. 28–32.
 13. Salmina N. G. Uchimsja dumat'. Chto, kak i s chem svjazano? Chast' № 1. Posobie dlja detej starshego doshkol'nogo vozrasta. – M. : VENTANA–GRAF, 2009.
 14. Strelkov Ju. K. Vremja v psihologicheskom analize // Zhurnal praktičeskogo psihologa. – № 5–6, 2000. – S. 216–230.
 15. Fress P. Vosprijatie i ocenka vremeni // Fress P., Piazhe Zh. Jeksperimental'naja psihologija. – M. : Progress, 1978. Vyp.6. – S. 88–135.
 16. Shiffman H. Vosprijatie vremeni//Obshhaja psihologija. Teksty: V 3 t. T. 3: Sub#ekt poznanija. Kniga 2. Izd.2-e , ispr. i dop / otv. red V. V. Petuhov. – M. : UMK «Psihologija»; Moskovskij psihologo-social'nyj institut, 2006. – S. 220–244.
 17. Jel'kin D. G. Vosprijatie vremeni. – M. : APN, 1962.
 18. Deleuze G. Cinéma II: l'Image-temps. – P. : Minuit, 1985.

© Tarabakina L. V., Zvonova E. V., 2016

УДК 930.85

СТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Х. М. Журабекова

*Ассистент
Андижанский институт
сельского хозяйства
г. Андижан, Узбекистан*

THE DEVELOPMENT OF A DEMOCRATIC SOCIETY IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

H. M. Jurabekova

*Assistant
Andijan Institute of Agriculture
Andijan, Uzbekistan*

Abstract. This article examines the processes of formation of democratic society in Uzbekistan. The author pays attention to the fact that the ultimate goal of social development and the implementation of the various reforms in each country is to improve the welfare of people and providing the necessary conditions for quality living of every nation. This article lists the legislative acts passed after independence, which contributed to the further development of society as a whole. The implementation of the adopted reforms and implementation of regulatory legal acts depends on the consciousness and activity of every citizen of every country. In the country to improve the legal culture of members of society was developed and adopted a special national programme for enhancing legal culture in the society.

Keywords: democratic transformation; public institutions; political parties; legal culture; local authorities; organs of self-government.

Как известно, что основным источником продвижения развития каждого общества, каждой страны является человек. Такие понятия, как «развитие», «равенство», «справедливость», «стабильность», «демократия» объединяются вокруг понятия «человек» и приобретают жизненный

смысл. Каждое общества стремится к развитию, старается повысить благосостояние и жизненный уровень своего народа, обеспечить предпосылки для его творческого и инновационного труда. Для осуществления этих же целей продумывается государственная стратегия, разрабатыва-

ются нормативно-правовые акты, контролирующие политическую, экономическую и социальную сферы жизни общества.

Принятая в 1948 году Генеральной Ассамблеей ООН, Всеобщая Декларация прав человека гласит, что главной целью развития является благополучие человека.

«Человеческое развитие... – это создание окружающей среды, в которой люди могут полностью развивать свой потенциал и вести продуктивную, творческую жизнь в соответствии со своими потребностями и интересами. ...Принципиально важным для расширения возможностей выбора является создание возможностей для человека – всего того, что люди могут делать, или кем они могут быть в жизни. Самым основным условием человеческого развития является возможность вести долгую и здоровую жизнь, быть хорошо информированным, иметь средства, необходимые для достойного существования, принимать участие в жизни общества. Без всего этого многие возможности выбора просто не доступны и множество жизненных перспектив остаются недостижимыми» [2, с. 9].

После обретения независимости Узбекистан взял курс построения демократического общества, где верховенствует закон. По инициативе Президента Республики И. Каримова начались коренные демократические изменения, учитывая менталитет и национальные традиции и обычаи узбекского народа. «Приступая к осуществлению коренных экономических реформ, мы однозначно сделали для себя вывод: построение рыночной экономики не самоцель. Конечной целью всех реформ-экономических, демократических, политических – является создание достойных человека условий жизни и деятельности», – отмечает Президент Республики [6, с. 112].

Согласно Конституции Республики Узбекистан единственным источником

государственной власти является народ и государство выражает волю народа, служит его интересам. Основой закона легла в основу коренных демократических преобразований и формированию сильного и открытого гражданского общества. За годы независимости был принят и реализован масштабный комплекс законодательных, организационно-институциональных, информационно-просветительских мер по поддержке и защите личных, социальных, экономических и политических прав человека. 1997 год был объявлен главой государства «Годом благосостояния человека», была принята Государственная программа по обеспечению интересов населения. Начиная с этого года каждый новый год получил своё определённое название («Год семьи», «Год женщин», «Год здорового поколения», «Год матери и ребёнка», «Год почитания старшего поколения» и т. д.) и государством были приняты и реализованы специальные Программы развития.

Как показывает опыт развитых стран, что успех демократических преобразований во многом зависит от наличия высокого уровня правовой культуры граждан. 1997 году в Республике была принята Национальная программа повышения правовой культуры в обществе, которая предусматривала повышение правовой культуры и социальной активности населения во взаимоотношениях гражданина, общества и государства, совершенствование правового обучения и правового воспитания, повышение правовой грамотности работников государственных органов, должностных лиц и граждан, подготовку, переподготовку и повышение квалификации юридических кадров, исследование научных основ повышения правовой культуры [8]. На осуществление мер Национальной программы были широко вовлечены и государственные и общественные организации. Значительно улуч-

пились деятельность средств массовой информации, общественных организаций, эффективно использовались различные формы правового обучения и правового воспитания. В стране постепенно повышается общественная-политическая активность населения. При поддержке государства стали развиваться общественные организации, получили второе рождение институты гражданского общества.

Одним из важных задач после приобретения страной независимости в Республике Узбекистан была задача создания новой местной исполнительной власти, отвечающая новым требованиям и условиям Республики. По инициативе Президента Республики Ислама Абдуганиевича Каримова, в стране руководствовались принципом «Не построив новое, не ломай старое», согласно которому считали нужным сохранить областные, районные и городские звена представительных органов. На основе новой Конституции было осуществлено разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную [7, ст. 11].

XXI раздел новой Конституции, которая была принята 8 декабря 1992 года, называется «Основы местной государственной власти», где система, статус, права и обязанности представительных и исполнительных органов государственной власти закреплены конституционными нормами. При этом отделяется друг от друга представительные органы и органы местного самоуправления.

На новой исторической платформе воссоздана новая система местных органов государственной власти, центральное место в которой составляет институт хокимов, которые объединяют функции руководителя исполнительной и представительной власти. Согласно Закону «О государственной власти на местах» была введена новая система местного управления во главе хокима, который «является

высшим должностным лицом области, района, города и одновременно возглавляет представительную и исполнительную власть на соответствующей территории. Хоким области, г. Ташкента подотчетен Президенту Республики Узбекистан и соответствующему Кенгашу народных депутатов. Хоким района, города подотчетен вышестоящему хокиму и соответствующему Кенгашу народных депутатов» [3]. В Законе четко определены принципы управления, права, задачи, ответственность местных органов государственной власти.

Хокимы, согласно установленному порядку Кабинетом Министров, имеют первого заместителя и заместителей. Аппарат хокима состоит из секретариатов, управлений, разделов и подразделов. Деятельность заместителей и аппарата устанавливается Уставом, утверждённым Кабинетом Министров республики.

Согласно статье 100 Конституции Республики Узбекистан «К ведению местных органов власти относятся:

- обеспечение законности, правопорядка и безопасности граждан;
- вопросы экономического, социального и культурного развития территорий;
- формирование и исполнение местного бюджета, установление местных налогов, сборов, формирование внебюджетных фондов;
- руководство местным коммунальным хозяйством;
- охрана окружающей среды;
- обеспечение регистрации актов гражданского состояния;
- принятие нормативных актов и иные полномочия, не противоречащие Конституции и законодательству Республики Узбекистан».

Для своевременного и качественного разрешения проблем соответствующей территории, при хокиме создаётся Совет, куда входят заместители хокима, заведу-

ющие секретариатов, при необходимости представители организаций и депутаты. Советом руководствует хоким и созывается этот Совет по решению хокима по необходимости.

Повестка дня совещания Кенгаша народных депутатов утверждается хокимом. В рассмотрении вопросов совещания участвуют постоянные комиссии Кенгаша народных депутатов, руководители отделов и подотделов аппарата, руководители предприятий и организаций, представители общественных и неправительственных организаций и представители средств массовой информации. Совещание проводится согласно регламенту, предложенный Кенгашом и утверждённый хокимом. На каждом совещании ведётся протокол собрания, принимаются соответствующие решения и утверждаются хокимом. Выполнение этих решений считается обязательным для всех предприятий и организаций соответствующей территории (исключения обязательно указываются в протоколе). Народные депутаты областных, городских и районных Кенгашов Республики Узбекистан избираются путём тайного голосования на основе общего, равноправного и непосредственного права выбора граждан.

В целях изучения эффективности управления местной власти на местах для наших исследований в мае месяце 2010 года было проведено социологическое исследование при помощи анкетирования со стороны слушателей Академии государственного и гражданского строительства при Президенте Республики Узбекистан в городе Ургенч и в районах Хива, Ханка Хорезмской области, результаты которого мы сейчас рассмотрим [1].

На вопрос «Органы местной власти достаточно обеспечивают социальные, финансовые, культурные и моральные требования населения?» «13 % респондентов и на вопрос «Знакомы ли вы со всеми реше-

ниями местных хокимиятов по разным отраслям?» 15 % респондентов дали отрицательный ответ. Кроме этого, на вопросы, затрагивающие качество оказанных услуг со стороны служащих в местной власти 35 % дали отрицательный ответ.

В практике были случаи, когда единовластный хоким работал, ставя свои личные интересы на первый план, где интересы общества отодвигались. Об этом не раз подчеркнул Президент Республики Узбекистан в своих выступлениях на внеочередных сессиях некоторых областей республики. Естественно, где нет координации общественных интересов, развитие общества и рост благосостояния народа заметно падает.

Назначение хокимов со стороны Президента и слабая деятельность политических партий и отсутствие местной конкуренции между ними может привести к ослаблению деятельности местных Кенгашов народных депутатов. На вопрос «есть ли влияние политических партий на деятельность местных властей?» «53 % респондентов дали отрицательный ответ. На вопрос «Как вы оцениваете деятельность политических партий?» 45 % дали положительный, остальные дали отрицательный ответ. Вместе с этим подчеркнули, что деятельность партий заметно улучшилась с принятием Конституционного Закона «Об усилении роли политических партий в обновлении и дальнейшей демократизации государственного управления и модернизации страны» и Закона «О внесении поправок в статьи Конституции Республики Узбекистан», подписанные Президентом страны в 2007 году. Новые нормы Конституционного закона определяли новый порядок формирования как центральных, так и местных органов исполнительной власти. Эти законы повысили роль политических партий в процессе демократического обновления и модернизации страны.

Если 1994 году в выборах на первый созыв Олий Мажлиса Республики Узбекистан участвовали две партии: Народно-демократическая партия Узбекистана и «Ватан тараккиёти», где от Народно-демократической партии избраны 69 депутатов, а от «Ватан тараккиёти» – 14 депутатов. Остальные 167 депутатов были избраны от местных органов исполнительной власти, депутаты от партий составили 33 %, то в 1999 году количество партий стало больше. На выборах в парламент участвовали пять партий. От Народно-демократической партии 49 депутатов, от партии «Ватан тараккиёти» 20 депутатов, от социал-демократической партии «Адолат» 11 депутатов, от Демократической партии Узбекистана «Миллий тикланиш» 10 депутатов, от национально-демократической партии «Фидо-корлар» 34 депутата были избраны в парламент, где 45 % депутатов были избраны от политических партий.

В 2004 году от пяти партий – 34,3 % депутата от Либерально-демократической партии Узбекистана, 23,3 % депутата от Народно-демократической партии Узбекистана, в общей сложности от партий были избраны 88,4 % депутата.

В 2009 году из 150 депутатов: 53 депутата от Либерально-демократической партии Узбекистана, 32 депутата от Народно-демократической партии Узбекистана, 31 депутата от Демократической партии Узбекистана «Миллий тикланиш», 19 депутатов от социал-демократической партии «Адолат».

«Практика выдвижения кандидатов в депутаты от исполнительных органов государственной власти была упразднена, и это явилось важным шагом на пути углубления демократических преобразований, проводимых в нашей стране» [4].

2014 году, как сообщает Центральная Избирательная Комиссия Республики Узбекистан, по итогам выборов депутатов

Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан избраны 150 депутатов, из которых 53 депутата от Движения предпринимателей и деловых людей – Либерально-демократической партии Узбекистана, 36 депутатов от Демократической партии Узбекистана «Миллий тикланиш», 27 депутатов от Народно-демократической партии Узбекистана, 20 депутатов от Социал-демократической партии Узбекистана «Адолат». 15 депутатов являются представителями Экологического движения Узбекистана. Из 150 избранных депутатов 24 депутата были женщины.

В 2007 году из Конституции Республики Узбекистан была исключена норма, которая устанавливала, что Президент страны является одновременно главой исполнительной власти. Статья 89 Конституции определяет, что «Президент Республики Узбекистан является главой государства и обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти». Важным шагом на пути либерализации стало упразднение должности председателя Кабинета Министров, которую ранее занимал Президент Республики Узбекистан. В соответствии с принятыми законами Премьер-министр теперь не только организует, но и руководит деятельностью Кабинета Министров, несет персональную ответственность за эффективность его работы, председательствует на заседаниях Кабинета Министров, подписывает его документы, принимает решения по вопросам государственного и хозяйственного управления [4]. Внесённые в Конституцию изменения расширяют полномочия органов законодательной власти в вопросах назначения и контроля над деятельностью органов исполнительной власти всех уровней, создают условия для повышения роли и ответственности политических

партий в реализации реформ, которые продолжаются в Республике по сей день.

Следует особо отметить, что все вышеперечисленные цели и направления объединены под единым принципом «От сильного государства к сильному гражданскому обществу», который предусматривает постепенное демократическое преобразование общества. На основе этого принципа важное значение имеет передача определённых полномочий центральных органов власти местным органам. Здесь огромное значение имеет совершенствование существующих законодательных актов и принятие новых нужных законов, учитывая новые требования времени.

Одним из важных направлений при этом является усиление полномочий и роли органов самоуправления, которые после приобретения независимости обрели значительное место в жизни общества. В настоящее время большое внимание уделяется полному устранению органов государственной власти в деятельность органов самоуправления, дальнейшему усилению органов самоуправления граждан, махаллей, прежде всего в решении экономических и социальных вопросов, финансирования коммунального хозяйства и работ по благоустройству, обеспечении занятости населения и защите интересов граждан. На местах уделяется особое внимание на тесное взаимодействие органов государственной власти и управления с органами самоуправления в целях широкого информирования общественности о реализации государственных социальных программ. «Мы строим гражданское общество. Это значит, что по мере становления нашей государственности многообразные функции управления будут передаваться самому народу, общественным органам самоуправления», – отмечает Президент Республики И. Каримов [5, с. 9].

В Республике Узбекистан вопрос передачи определённых полномочий центральной власти органам местного управления является важным аспектом процесса децентрализации. При осуществлении децентрализации актуальна задача – изучить и внедрять в жизнь международную практику по этому вопросу.

В Республике Узбекистан актуальность децентрализации органов государственной власти вызвана по следующим причинам:

во-первых, учитывая качественные изменения, достижения республики во всех отраслях народного хозяйства, можно с уверенностью сказать, что в стране появились новые условия и возможности для новых преобразований. Рост активности и правовой культуры граждан требует реформировать и поднять на новый уровень деятельность органов управления;

во-вторых, в результате осуществления кардинальных экономических реформ в стране наблюдался рост внутри валового продукта. Значительный и положительные финансовые показатели привели к профициту государственного бюджета. «Узбекская модель» развития оправдала себя на всех уровнях.

Таким образом, можно сделать выводы, что требование времени и экономический рост страны, повышение политической и правовой культуры населения явились одним из основных факторов модернизации страны, строительства гражданского общества и осуществления принципа «От сильного государства к сильному гражданскому обществу».

Переход страны к демократическому обществу – весьма длительный процесс, который требует решения огромных по масштабу качественных изменений в жизни общества. Для претворения в жизнь этих изменений важную роль играет человеческий фактор, который требует постоянного повышения правовых, культурных,

финансово-экономических знаний каждого члена общества. Поэтому этот процесс будет осуществляться поэтапно, без всяких скачков.

Процесс обновления и построения качественно нового демократического общества в Республике Узбекистан продолжается. Страна постепенно совершенствует свою законодательную систему, принимает усилия по повышению роли и места политических партий и институтов гражданского общества в жизни страны.

Библиографический список

1. Аннакличев С., Юсупов А. Социологическое исследование в форме анкетирования в городе Урганч, районах Хива и Ханка Хорезмской области. Май 2010 год.
2. Доклад ООН о человеческом развитии за 2001 г. – С. 9.
3. Закон «О государственной власти на местах». 1993 г., № 9, ст. 320; Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан.
4. Каримов И. А. Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране. Доклад на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 12 ноября 2010 г.
5. Каримов И. А. Основные принципы общественно-политического и экономического развития Узбекистана // Родина священна для каждого. – Т. 3. – Ташкент : Ўзбекистон, 1996. – С. 9.
6. Каримов И. А. Узбекистан по пути углубления экономических реформ. Ташкент : Ўзбекистон, 1995. – С. 112.
7. Конституция Республики Узбекистан. Ст. 11. – Ташкент : Ўзбекистон, 1992.
8. Национальная программа повышения правовой культуры в обществе. Утверждена Постановлением Олий Мажлиса Республики Узбекистан от 29 августа 1997 г.

Bibliografickij spisok

1. Annaklichev S., Jusupov A. Sociologicheskoe issledovanie v forme anketirovanija v gorode Urganch, rajonah Hiva i Hanka Horezmskoj oblasti. Maj 2010 god.
2. Doklad OON o chelovecheskom razvitii za 2001 g. – S. 9.
3. Zakon «O gosudarstvennoj vlasti na mestah». 1993 g., № 9, st. 320; Vedomosti Olij Mazhlisa Respubliki Uzbekistan.
4. Karimov I. A. Konceptija dal'nejshego uglublenija demokraticeskikh reform i formirovanija grazhdanskogo obshhestva v strane. Doklad na sovmestnom zasedanii Zakonodatel'noj palaty i Senata Olij Mazhlisa Respubliki Uzbekistan. 12 nojabrja 2010 g.
5. Karimov I. A. Osnovnye principy obshhestvenno-politicheskogo i jekonomi-cheskogo razvitija Uzbekistana // Rodina svjashhenna dlja kazhdogo. – T. 3. – Tashkent : Uzbekiston, 1996. – S. 9.
6. Karimov I. A. Uzbekistan po puti uglublenija jekonomicheskikh reform. Tashkent : Uzbekiston, 1995. – S. 112.
7. Konstitucija Respubliki Uzbekistan. St. 11. – Tashkent : Uzbekiston, 1992.
8. Nacional'naja programma povyshenija pravovoj kul'tury v obshhestve. Utver-zhdena Postanovleniem Olij Mazhlisa Respubliki Uzbekistan ot 29 avgusta 1997 g.

© Журабекова Х. М., 2016

УДК 94(470)''18/19''_(093.3)+37.014.521:271.2

**И ЧТЕЦ, И ЖНЕЦ, И НА ДУДЕ ИГРЕЦ?
(О преподавании медицины и сельского хозяйства
в духовных семинариях в середине XIX века)**

О. Д. Попова
А. Д. Попова

*Доктор исторических наук, профессор
доктор исторических наук, профессор
Рязанский государственный университет
имени С. А. Есенина, Рязань, Россия*

**AND THE READER, AND THE REAPER AND THE FIFER?
(About the teaching of medicine and agriculture
in the seminaries in the mid-nineteenth century)**

O. D. Popova
A. D. Popova

*Doctor of Historical Sciences, professor
Doctor of Historical Sciences, professor
Ryazan State University named for S. Esenin
Ryazan, Russia*

Abstract. The article shows the process of reflection at the turn of XIX–XX centuries clergy its mission in society. Authors on the basis of archival materials and memoirs of graduates of theological seminaries analyze attempts to train in the middle of the XIX century. Future priests the basics of medicine and agriculture, as well as the attitude of the society to this experience at the turn of XIX–XX centuries. The article demonstrates that the level of teaching these disciplines represent a mosaic picture. Pupils themselves remembered these lessons as an interesting, but not serious subjects. The article concludes that the introduction of these subjects in the course of theological seminaries were unsuccessful way to solve social problems. The real added value they brought. However, this experience was actively discussed in the early twentieth century in the discussions on the ways of spiritual school reform.

Keywords: clergy; education; seminaries; medicine; agriculture.

Рубеж XIX–XX веков был отмечен обширными дискуссиями о путях развития духовного образования. Они были порождены желанием правительства сохранить сословную замкнутость духовенства, с тем, чтобы сохранить процесс пополнения рядов служителей культа. Сами же представители духовного сословия видели для себя более перспективными уже другие социальные роли. Поэтому в этот период активно обсуждался вопрос о содержании семинарского курса, который менялся в XIX веке неоднократно. Немалое место процесс осмысления семинарского курса занимал в мемуарах воспитанников духовных семинарий. В воспоминаниях семинаристов, которые

учились в середине XIX века, нашли место и мысли об изучении ими основ сельского хозяйства и медицины.

Появление этих предметов в учебном плане семинарий относится к середине XIX века. Представляется, что осмысление истории преподавания естественнонаучного цикла в курсе духовных семинарий позволит наиболее полно представить попытки правительства вписать учебные программы этих учебных заведений в нужды общества. А обращение к воспоминаниям тех, кому приходилось изучать данные предметы, позволит гораздо глубже понять процесс восприятия обществом

на рубеже XIX–XX веков проблем духовных учебных заведений.

В 1840 году были изданы утвержденные Николаем I «Новые правила» преподавания в духовно-учебных заведениях. Для семинаристов, наравне с общеобразовательными и богословскими предметами, было введено изучение медицины, сельского хозяйства, земледелия [9, с. 179]. Официально «Новые правила» объясняли такое нововведение стремлением приблизить духовенство к нуждам своей паствы.

Однако как показывают исследования С. В. Римского и В. Н. Федорчука, нововведения в учебном плане были частью сложной реформы в управлении духовно-учебных заведений и итогом противостояния министра государственного имущества графа П. Д. Киселева и обер-прокурора графа Н. А. Протасова.

Идея, что священник мог бы закрыть брешь нехватки специалистов в деревне, пришла в голову министру государственного имущества графу П. В. Киселеву, который видел в невежестве народа причину слабого развития сельского хозяйства. Заботясь о развитии государственной деревни, стремясь улучшить быт государственных крестьян, он открывал школы, больницы в своем ведомстве, а также высказал мысль, что священник должен оказывать не только духовную помощь крестьянству, но и медицинскую. Впервые подобные предложения прозвучали в 1838 году, на что последовало резкое несогласие Московского митрополита Филарета [9, с. 177]. Тогда П. Д. Киселев выступил с инициативой открыть в своем ведомстве духовные семинарии для подготовки универсальных священников. Чтобы не допустить этого графу Протасову пришлось ввести эти необычные для духовной семинарии учебные предметы в свое ведомство [5, с. 159]. В целом семинарский курс вырос до 26 предметов, который необходимо было уложить в 36 недельных

часов. Для этого пришлось сократить курс некоторых богословских дисциплин. На уроки по сельскохозяйственному циклу отводилось по одному уроку в среднем отделении, на медицину по одному уроку в неделю в старшем отделении.

На практике оказалось все гораздо сложнее, чем просто прописать новые предметы в нормативно-правых документах. С введением сельскохозяйственных предметов пришлось повременить, поскольку не было соответствующих педагогов. Духовное ведомство послало около 60 семинаристов в Горы-горецкую сельскохозяйственную школу [8, с. 99]. Пока они не окончили курс обучения, преподавание основ сельского хозяйства и естественной истории не началось. Основам медицинских знаний должны были научить будущих пастырей врачи, которые работали при семинариях.

Реально сельскохозяйственные курсы появились только к 1851 году и то только в 21 семинариях, а медицина к этому году преподавалась в 32 семинариях. Как показывают документы Св. Синода, руководство старалось следить за преподаванием этих новых дисциплин и отдельной строкой требовало отчеты с мест. Эти документы позволяют сделать вывод, что содержательная часть преподаваемых дисциплин представляла собой очень мозаичную картину. Например, отчет Воронежской духовной семинарии в 1860/61 году свидетельствует, что семинаристам из курса медицины ученикам высшего отделения семинарии прочитаны: анатомия, физиология, диететика (сохранение здоровья), патология и терапия. Опыты практических занятий по оспопрививанию производимы были местным врачом в семинарской больнице [3, Л. 59]. В то же время рамки курса медицины в Орловской духовной семинарии были обозначены иначе: А) о составе человеческого организма, где о костях, о связках, о мышцах, о железах и

нервной системе; Б) о внутренностях человеческого организма, о дыхательных органах, о легких и сердце, о пищеварительном канале, о желудке, о печени, о селезенке, о почках; В) о болезнях, о признаках указывающих на опасность болезни и скорую смерть, о лихорадке, о гнилой лихорадке; Г) о воспалении вообще, о жалобах, о крупе, о свинке, о воспалении легких, о воспалении подреберной плевры, о воспалении языка, о воспалении сердца, и сердцевой сумки, о воспалении желудка, о воспалении кишок, о воспалении печени, о воспалении мозга [3, с. Л. 66]. Трудно представить, что за весьма маленькое количество учебных часов будущие пастыри могли освоить курс наук, премудрости которых современные будущие врачи изучают в течение 6 лет.

Не менее широкую и академическую тенденцию заявляли некоторые семинарии и в курсе сельскохозяйственных дисциплин. В Воронежской семинарии, как свидетельствуют отчеты, учащиеся знакомились с основами скотоводства, лесоводства, пчеловодства, шелководства, садоводства [2, Л. 119]. В то же время в Одесской духовной семинарии преподаватель счел необходимым знакомить слушателей с основами сельскохозяйственной архитектуры: устройство фундаментов, устройство погребов, устройство потолок и пола, устройство крыши, устройство печи, устройство кухни, бани [2, Л. 108].

Не менее разнообразная картина была и в практических занятиях. Большинство семинарий заявляло о проведении практических занятий по медицине в семинарской больнице, где «при всяком удобном случае были объясняемые ученикам болезни в семинарской больнице и в приготовлении под надзором врача домашних средств для лечения» [2, Л. 108 об.]. А вот занятия по сельскому хозяйству не все учебные заведения обеспечить были в состоянии. В частности, Одесская семина-

рия отмечала, что не имеет для этого подходящего участка. В то время как семинаристы из Воронежа, если исходить из отчетов руководства семинарии, практиковались в выращивании даже некоторых сортов винограда и баклажан.

А вот мемуары бывших воспитанников духовных семинарий, которые активно публиковались на рубеже XIX–XX веков, позволяют выявить еще более удручающую картину. В частности, в воспоминаниях Воронежского семинариста, чье обучение пришлось на 1859–1865 годы, отмечалось, что занятия по сельскому хозяйству велись по запискам, которые не отличались высокой научностью: «записки по сельскому хозяйству тоже не могли сделать нас даже сколько-нибудь сносными агрономами: из любой популярной статьи можно было извлечь больше пользы, чем из них» [6, с. 247]. Одновременно у автора остались в памяти и практические занятия по сельскому хозяйству. Он оценивал такие занятия как рекреацией для семинаристов, т. е. отдыхом и развлечением. А вот практические занятия по медицине, заявляемые в отчетах руководства Воронежской духовной семинарии, в памяти этого автора не отложились. Также его воспоминания показывают, что не реализовалась и обширная программа медицинского курса. Врач семинарии Федяевский основное внимание сосредотачивал внимание на гигиене и диететике. Вопросов же лечения болезней, их диагностики и фармакологии касался лишь эпизодично [7, с. 696].

Также отзывается весьма скептически о практической пользе курса медицины выпускник Вологодской духовной семинарии Е. Грязнов: «Преподавание этого предмета оставалось совсем бесплодным, несмотря на то, многие, может большинство слушателей, питали интерес к этой науке» [1, с. 131]. По словам автора, лекции отличались обилием сложных терминов, совершенно удаленных от практики.

Слушатели экзамен сдали лишь при очень снисходительном требовании лектора.

Кроме того, рассказы о преподаваемых дисциплинах вносили определенный вклад в дискуссию о содержании семинарского курса и социальном предназначении духовенства. В частности, Е. Грязнов пишет, что если цель была «научить простейшим способам оказывать посильную помощь населению своего прихода», то «цель эта была, конечно, почетная, зато способы к достижению этой цели были выбраны неудачные: они были построены на ложном, легкомысленном основании» [1, с. 131].

Для другого выпускника Воронежской духовной семинарии – П. В. Цезаревского преподавание сельского хозяйства и медицины в духовных семинариях являлось наиболее ярким примером непродуманности системы обучения семинаристов [10, с. 254]. Именно такая смесь учебных курсов с особой остротой ставила проблему, кем же должны быть дети духовенства. Он также отмечает, что преподавание основ сельского хозяйства «вносило бодрость и живой интерес в молодую среду, возбуждая любознательность», но в то же время, совершенно не достигало своей основной цели. Антука, как высказывается автор, т. е. универсального специалиста, умеющего решать различные вопросы, из выпускников семинарии не получилось. Более того, он указывал на то, что часть сведений, помещаемых в отчет, вообще были сильно преувеличены, а порой просто вымышлены. Так, например, семинарский огород занимал очень маленький участок, на котором «разводились там разные диковинки, да и то в количестве лишь десятка-другого колосков и былинки какой-нибудь египетской пшеницы, китайского проса или иерусалимской сосны, были даже шелковичные черви, т. е. раритеты, не имеющие никого отношения ни к местному сельскому хозяйству, но даже к интересам теоретического преподавания»

[11, с. 274]. Как об особом курьезе он рассказывает о медали, полученной семинарией на местной сельхозхозяйственной выставке. На деле этот приз был вручен за огромного размера редьку, выращенную на навозе. Таким образом, наверное, можно согласиться с мнением Титлинова, что «Протасовская реформа сделала то, что сделать решительно невозможно – она хотела сделать семинарский курс одновременно классическим и реальным» [8, с. 19].

Следует отметить, что сей неудачный опыт обучения естественным наукам будущих пастырей, не давал покоя и в будущем некоторым реформаторам духовного образования. В 1890 году министр Государственного имущества обратился с предложением к обер-прокурору обучать учащихся духовных семинарий садоводству и огородничеству. Это предложение было обусловлено тем, что основы сельского хозяйства были введены в программы церковно-приходских школ [4, Л. 14]. Данный вопрос был предложен на обсуждение правлениям духовных семинарий. С энтузиазмом на такое предложение откликнулось лишь несколько учебных заведений: Якутская семинария и несколько духовных училищ. Большинство заведений эту идею не поддерживали. В частности, Черниговская, Владимирская, Вятская, Ярославская, Самарская, Астраханская, Костромская, Литовская семинарии ответили категорическим отказом – «нет ни средств, ни педагогов, ни инструмента этим всем заниматься» [4, Л. 56]. Кроме того, Тульская семинария отметила, что занятие садоводством будет мешать учебным занятиям весной, когда воспитанникам надо заниматься подготовкой к экзаменам и одновременно вспомнила опыт 50-х годов, в которых обучение воспитанников сельскому хозяйству, но признанию обучавшимся ему не принесло никакой практической пользы. Поэтому реального повторения опыта 50-х годов не последовало.

При этом следует отметить, что авторы мемуаров не были однозначными противниками естественно-научных дисциплин в курсе семинарии. Более того, П. В. Цезаревский сожалел о том, что в соответствии с Уставом 1867 года все подобные дисциплины были исключены. По его мнению, в условиях общего интереса к естественно-научному знанию, отсутствие подобных дисциплин в семинарском курсе приводило к тому, что семинаристы начали увлекаться наиболее крайними выводами естественных наук [11, с. 277]. Предложения Е. Грязнова более практичны. Он предлагал обучать семинаристов наиболее простым сведениям из гигиены и мерам предотвращения заразных болезней. У автора этих строк была и реальная подоплека к этому: в период учебы в семинарии он с братом завез в свое село эпидемию тифа, которым заразился в семинарской больнице, где беспрепятственно навещал своего брата.

Таким образом, введение курса естественнонаучных и медицинских дисциплин можно назвать как весьма неумелую попытку за счет духовенства решить наиболее явные социальные проблемы общества. В начале XX века этот опыт в общественном сознании духовенства воспринимался как одна из страниц неумелого руководства системой духовно-учебных заведений. Сами выпускники, которым выпало изучать данные курсы, широко использовали этот неудачный опыт как аргумент того, что духовные семинарии находятся в состоянии кризиса.

Библиографический список

1. Грязнов Е. Из школьных воспоминаний бывшего семинариста. Вологодская семинария. – Вологда, 1903.
2. РГИА. Ф. 802. Оп. 8. Д. 24058.
3. РГИА. Ф. 802. Оп. 8. Д. 25218.
4. РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 7.

УДК 316.356.2(620)

5. Римский С.В. Российская церковь в эпоху Великих реформ. Церковные реформы в России в 1860–1870-х годов. – М., 1999.
6. С-к-й. Воспоминания Воронежского семинариста 1859–1865 годов // Воронежские епархиальные ведомости. 1900. № 6. Часть неофиц. – С. 238–249.
7. С-к-й. Воспоминания Воронежского семинариста 1859–1865 годов // Воронежские епархиальные ведомости. 1900. № 16. Часть неофиц. – С. 685–697.
8. Титлинов Б. В. Духовная школа в России в XIX веке. Вып. 2. – Вильна, 1909.
9. Федорук В. Н. Реформа духовно-учебных заведений при обер-прокуроре Н. А. Протасове // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – Вып. 2. – С. 176–181.
10. Цезаревский П. В. Шестидесятые годы в духовной семинарии Воспоминания // Звонарь. 1906. – № 1. – С. 247–281.
11. Цезаревский П. В. Шестидесятые годы в духовной семинарии Воспоминания // Звонарь. – 1906. – № 2/3. – С. 272–294.

Bibliografickij spisok

1. Grijaznov E. Iz shkol'nyh vospominanij byvshego seminarista. Vologodskaja seminarija. – Vologda, 1903.
2. RGIA. F. 802. Op. 8. D. 24058.
3. RGIA. F. 802. Op. 8. D. 25218.
4. RGIA. F. 802. Op. 9. D. 7.
5. Rimskij S.V. Rossijskaja cerkov' v jepohu Velikih reform. Cerkovnye reformy v Rossii v 1860–1870-h godov. – M., 1999.
6. S-k-j. Vospominanija Voronezhskogo seminarista 1859–1865 godov // Voronezhskie eparhial'nye vedomosti. 1900. № 6. Chast' neofic. – S. 238–249.
7. S-k-j. Vospominanija Voronezhskogo seminarista 1859–1865 godov // Voronezhskie eparhial'nye vedomosti. 1900. № 16. Chast' neofic. – S. 685–697.
8. Titlinov B. V. Duhovnaja shkola v Rossii v XIX veke. Vyp. 2. – Vil'na, 1909.
9. Fedoruk V. N. Reforma duhovno-uchebnyh zavedenij pri ober-prokurore N. A. Protasove // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. – 2010. – Vyp. 2. – S. 176–181.
10. Cezarevskij P. V. Shestidesjatye gody v duhovnoj seminarii Vospo-minanija // Zvonar'. 1906. – № 1. – S. 247–281.
11. Cezarevskij P. V. Shestidesjatye gody v duhovnoj seminarii Vospo-minanija // Zvonar'. – 1906. – № 2/3. – S. 272–294.

© Попова О. Д., Попова А. Д., 2016

БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ

С. Н. Турк

*Кандидат исторических наук
старший преподаватель
Кубанский государственный аграрный
университет, Краснодар, Россия*

MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS IN MODERN EGYPT

S. N. Turk

*Candidate of Historical Sciences
senior teacher
Kuban State Agrarian University, Krasnodar Russia*

Abstract. The article discusses the features of the Muslim family law – sharia, described the ceremony to sign the marriage. The national traditions of the Egyptian wedding are described. Many features are typical for Islam in general. The author lists the conditions required for marriage. It gave details of the ceremony the wedding feast. Special attention is paid to the issues of polygamy and divorce on the initiative of women. The new phenomenon in modern Egypt – conditional or temporary marriage – is mentioned. The author concludes that the transformation of marriage and family relations in modern Egypt.

Keywords: Egypt; sharia institution of marriage (nikah); marriage; divorce; ORFI-marriage; monogamy; polygamy.

Одним из самых самобытных социальных институтов арабской культуры является брак – по-арабски «никах». Египетское общественное мнение освящает семью и самым важным делом жизни считает женитьбу, мало того, улемы-богословы сходятся во мнении, что безбрачие безнравственно и является преступлением перед религией и обществом, – отмечает востоковед А. М. Васильев [1].

«Худший из мертвых тот, кто умер холостым», – предупреждает один из хадисов. Согласно Шариату мужчины имеют право жениться на немусульманках, принадлежащих к “ахль аль-Китаб” (людям Писания), то есть на христианках и иудейках, а также зороастрийках [2].

Однако египтянкам запрещается выходить замуж за мужчин других национальностей, и в частности коптов. Это связано с тем, что у египтян нет как таковой фамилии, а к своему имени добавляется имя отца, и это происходит только по мужской

линии. Поэтому для сохранения рода женщина египтянка не может выходить замуж за мужчин других национальностей.

Египтяне редко могут позволить себе жениться рано – из финансовых соображений. Среди египтян старше 35 лет 5,5 млн. холостых мужчин и 3,5 млн. незамужних женщин [3].

Лет до 30 рядовой египтянин и не помышляет о женитьбе, поскольку должен, прежде всего, обзавестись приличной работой с достаточным жалованьем, приобрести автомобиль, затем построить дом или купить квартиру, обустроить ее, и, наконец, иметь достаточно денег для того, чтобы заплатить хороший махр за невесту и сделать ей достаточно дорогой свадебный подарок (шабку) [4].

Девушек обычно стараются выдать замуж пораньше (особенно в деревнях). Официально заключение брака возможно, если оба супруга достигли возраста 18 лет. Однако до сих пор в деревнях бывают слу-

чаи, когда процедуру никах (брака в мечети) проводят, когда невесте 14–16 лет.

Для признания брака действительным необходимо соблюдение процедуры, которая состоит из помолвки (предложения о заключении брака) и проведения самой свадьбы.

Помолвка аль-хитаб – очень важный обряд, предшествующий браку, публичное объявление, что мужчина и женщина стали женихом и невестой.

Ислам установил этот обычай, чтобы супруги перед составлением брачного контракта могли больше узнать друг друга, а вступление в брак было бы взвешенным и обдуманым.

При заключении брака жених уплачивает родителям невесты выкуп – «махр», а самой невесте дарит подарок – «шабку», который останется с ней даже в случае расстройства свадьбы. Минимальная «шабка» – подарок золотом (обычно это комплект – например, ожерелье, кольцо и браслет). Шабка остаётся у жены даже после развода.

После помолвки жених с невестой могут проводить вместе больше времени, выходить гулять и так далее. Однако они по-прежнему не должны оставаться наедине, тем более – жить вместе.

Традиционное время проведения свадьбы – вечер, традиционный сезон – лето (хотя бывают исключения). Также свадьбы часто отмечают накануне и сразу после окончания месяца Рамадан. Египтяне любят устраивать перед торжеством свадебную процессию «заффа», на котором танцуют молодожены и танцоры.

После этого читается Коран, жених и невеста дают брачный обет. Приглашенные танцовщицы исполняют танец живота, мужчины танцовщики исполняют танцы с мечами и горящими факелами.

При этом самая скромная свадьба в Египте (с участием только ближайших родственников) обходится примерно в ты-

сячу долларов. Для простого человека это очень большая сумма.

На солидное же торжество, где гостей одаривают золотыми монетами, придется тратить примерно от 5 до 15 тысяч долларов (для сравнения: однокомнатную квартиру в Каире можно купить за четыре-пять тысяч) [5]. Для простого человека это очень большая сумма.

Еще древние египтяне первыми придумали надевать обручальные кольца на палец. Они надевали друг другу кольца на левый средний палец. Считалось, что именно через этот палец проходит вена, которая ведет прямо к сердцу. Египтяне твердо верили, что если кольцо надеть на средний палец левой руки, то можно на всю жизнь удержать любовь в сердцах друг друга. Так что эта традиция сохранилась до сегодняшних дней.

За стол мужчины и женщины рассаживаются отдельно. Из еды приняты сладости, торт, напитки. Спиртное исключено. Обязательно готовят свадебный плов «мак-любе», реже просто отварной рис с бараниной и соусом из кислого молока. На столе много закусок и сладостей.

Особого внимания заслуживает египетский свадебный суп, который готовится с добавлением афродизиаков, с множеством приправ, в том числе с мятой, паприкой, корицей и гвоздикой и предназначен для того, чтобы распалить чувства влюбленных и ускорить появление потомства.

Постепенно в Египте утрачивает свою актуальность проблема полигамии. Согласно Корану мусульманину можно иметь до четырёх жен.

Это право ему дано Кораном: «...и женитесь на тех женщинах, что приятны вам – двух, трех или четырех...», однако там же ставится условие: «А если боитесь вы, что не будете одинаково справедливы [к ним во всем], то – на одной...» [6].

К числу основных причин распространения полигамии можно отнести: вероят-

ность иметь много сыновей – защитников и наследников имущества отца; добавочные рабочие руки; удовлетворение сексуальных потребностей при существующем табу на период беременности и родов.

Последний из указанных аргументов можно рассматривать как весьма гуманный в отношении женщины: беременная, рожаящая женщина получала таким образом свободу от супружеских обязанностей на период от 24 до 36 лунных месяцев, поскольку материнство (беременность, роды, кормление, уход за новорожденным и пр.) отнимают, как известно, у женщины много сил [7].

Еще в XIX в. французский путешественник Клот-бей констатировал: “У египтян большей частью, по одной жене ... Сверх того, содержание большого гарема требует огромных издержек и доступно только богачам: вот почему многоженство встречается только в высших кругах общества” [8].

Шариат не призывает к полигамии. А наоборот, рассматривает это скорее как исключение, так как «Вы никогда не сможете быть справедливы к нескольким женам, даже если очень постараетесь» [9].

По исламу египтянин имеет право официально иметь 4 жены. В 2011 году вышла книга египтянина Ихэб Маавуда с названием «Я женюсь снова». Сам автор согласен с мнением мужчин, но многие египтянки заявили, что не хотят иметь «полмужчины» и осуждают женщин, которые выходят замуж за женатых мужчин.

Каноны исламского законодательства о браке исходят из того, что наиболее разумным, соответствующим религиозным представлениям о богобоязненности и благочестии является моногамный брак.

Сегодня далеко не каждый араб может позволить себе многоженство. В Египте количество полигамных браков не велико и составляет по неофициальным данным около 5 %.

Поэтому семья, состоящая из одного мужа, нескольких жен и гарема – привилегия состоятельных людей. К тому же перспектива выплачивать алименты нескольким женщинам уменьшает в целом количество полигамных браков.

Еще в 1979 году, во времена правления Анвара Садата, был принят закон-декрет называемый в народе «Закон Джихана» (по имени жены президента), в которых официально многоженству ставилась некая преграда. Жениться второй раз муж мог только с письменного разрешения первой жены [10]. Но этот закон существовал недолго.

В 1985 году в правлении Х. Мубарака Верховный Конституционный суд отменил этот закон, сославшись на то, что он был принят не по конституционным правилам. Согласно египетским законам муж должен уведомить жену в случае его повторной женитьбы. В такой ситуации первая жена имеет право подать на развод.

Одной из тенденций модернизации брачно-семейных отношений явилось получение египтянками права на развод. В Египте, по новому закону о брачном контракте, принятому в 2000 г., женщинам предоставлено право развода, аналогичное тому, какое традиционно принадлежит мужчинам.

Египетский парламент (Народное собрание) в ходе ожесточенных дебатов принял закон, в соответствии с которым египетские женщины получили право инициировать бракоразводный процесс, мотивировав его несовместимостью характеров и невозможностью дальнейшего совместного проживания (иск должен быть рассмотрен в течение трех месяцев). Это новая юридическая акция получила наименование “hula – хула”, т. е. развод по инициативе жены [11].

Правда, в этом случае сохраняется существенная оговорка: женщина должна вернуть махр, т. е. выкуп, который буду-

щий муж в свое время уплатил родителям невесты.

Так как появлению закона содействовала жена экс-президента Мубарака, в народе среди недоброжелателей прежнего режима он получил название “Закон Сюзанны Мубарак”, по аналогии с законом первой леди Джихан Садат.

По старому закону мужчинам предоставлялось одностороннее и безусловное право развода с женой, тогда как женщинам приходилось преодолевать большие трудности, чтобы получить развод через суд и добиться решения об алиментах [12].

Женщине, подающей на развод, нужно было еще доказать факты плохого обращения со стороны мужа (процедура весьма сложная и запутанная, бывало, что женщины по 10 лет ожидали разрешения бракоразводной тяжбы).

Предлагаемые поправки существенно упрощают процедуру развода для женщин. В противоположность Библии, Коран ограничивает максимальное количество жен четырьмя при строгом условии справедливого отношения к женам и равноправия между ними [13].

Поскольку соблюдение данного условия зачастую сопряжено с трудностями – как материальными, так и психологическими и сексуальными, – многие предпочитают моногамные браки [14].

В Египте количество полигамных браков не велико и составляет по неофициальным данным около 5 %. Они распространены, главным образом, в сельской местности, где женского населения намного больше, чем мужского.

В городах такое явление большая редкость, а если и встречается, то, в основном, в религиозной среде. Иногда для овдовевшей или разведённой женщины вступление в полигамный брак – это единственная возможность ещё раз выйти замуж.

В Египте в последние годы получил

широкое распространение неофициальный брак по согласию. Так называемый “орфи”, что переводится на русский язык как “частный”, “условный”, “неофициальный”.

До 2001 года орфи-браки не признавались в суде, если были заключены с иностранками. Законом о гражданском состоянии от 2001 года министерство юстиции узаконило такие браки.

Для многих египтян заключение брака-орфи – это единственная возможность вести любовную жизнь, так как для того, чтобы заключить официальный брак, требуется выполнить много условий.

В 90-гг. XX в. мода на брак “орфи” получила распространение в первую очередь среди студентов высших учебных заведений.

Молодые люди, которые не в состоянии вступить в брак в соответствии с исламскими традициями, заключают такой союз, который позволяет им вступить в интимные отношения и не подвергаться при этом обвинениям в прелюбодеянии.

Новое явление в молодежной среде беспокоит местные власти и официальное духовенство, которое видит в этих браках угрозу подрыва моральных устоев мусульманского общества [15].

Но, несмотря на все изменения, которые коснулись семьи за последние десятилетия, существенно этот социальный институт не изменился и продолжает оставаться одним из самых важных в египетском обществе.

Библиографический список

1. Васильев А. М. Египет и египтяне. – М., 2000. – С. 130.
2. Шмельёва, Т. Свадебные обряды: история и современность: Египет // Азия и Африка сегодня. – 2003. – № 9. – С. 69.
3. Крылова Л. Н. Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации. – М., 1996. – С. 50.

4. Шмелёва Т. Свадебные обряды: история и современность: Египет // Азия и Африка сегодня. – 2003. – № 9. – С. 70.
5. Беляков В. Русские женщины в Египте// Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 9. – С. 48.
6. Шмелёва Т. Свадебные обряды: история и современность: Египет // Азия и Африка сегодня. – 2003. – № 9. – С. 70.
7. Крылова Л. Н. Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации. – М., 1996. – С. 96.
8. Клот-бей А. Б. Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии. – СПб., 1842. Ч. 1. – С. 269.
9. Коран / пер. И. Ю. Крачковского. – М., 2000. Сura 4, аят 129.
10. Неклюдова О. Через тернии к праву на развод. «МК в Египте», № 15 (045), 21 августа – 3 сентября 2011 года. <http://mkegypt.net/semya/956-15-045-2011>.
11. Шагаль В. Э. Арабский мир: Пути познания: Межкультурная коммуникация и арабский язык». – М., 2001. – С. 163.
12. Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы. – М., 2001. – С. 124.
13. Любовь и секс в исламе : сборник статей и фетв. – М., 2004. – С. 139.
14. Шмелёва Т. Свадебные обряды: история и современность: Египет // Азия и Африка сегодня. – 2003. – № 9. – С. 67–72.
15. Шагаль В. Э. Арабский мир: Пути познания: Межкультурная коммуникация и арабский язык». – М., 2001. – С. 160.

Bibliografickij spisok

1. Vasil'ev A. M. Egipet i egiptjane. – М., 2000. – С. 130.
2. Shmeljova, T. Svadebnye obrjady: istorija i sovremennost': Egipet // Azija i Afrika segodnja. – 2003. – № 9. – С. 69.
3. Krylova L. N. Russkie zhenshhiny v Afrike. Problemy adaptacii. – М., 1996. – С. 50.
4. Shmeljova T. Svadebnye obrjady: istorija i sovremennost': Egipet // Azija i Afrika segodnja. – 2003. – № 9. – С. 70.
5. Beljakov V. Russkie zhenshhiny v Egipte// Azija i Afrika sego-dnja. – 2008. – № 9. – С. 48.
6. Shmeljova T. Svadebnye obrjady: istorija i sovremennost': Egipet // Azija i Afrika segodnja. – 2003. – № 9. – С. 70.
7. Krylova L. N. Russkie zhenshhiny v Afrike. Problemy adaptacii. – М., 1996. – С. 96.
8. Klot-bej A. B. Egipet v prezhnem i nyneshnem svoem sostojanii. – SPb., 1842. Ch. 1. – С. 269.
9. Koran / per. I. Ju. Krachkovskogo. – М., 2000. Sura 4, aiat 129.
10. Nekljudova O. Cherez ternii k pravu na развод. «МК в Египте», № 15 (045), 21 avgusta - 3 sentjabrja 2011 goda. <http://mkegypt.net/semya/956-15-045-2011>.
11. Shagal' V. Je. Arabskij mir: Puti poznaniya: Mezhkul'turnaja kommunikacija i arabskij jazyk». – М., 2001. – С. 163.
12. Gendernye problemy i razvitie. Stimulirovanie razvitija cherez gendernoe ravenstvo v pravah, v dostupnosti resursov i vozmozhno-sti vyrzhat' svoi interesy. – М., 2001. – С. 124.
13. Ljubov' i seks v islame : sbornik statej i fetv. – М., 2004. – С. 139.
14. Shmeljova T. Svadebnye obrjady: istorija i sovremennost': Egipet // Azija i Afrika segodnja. – 2003. – № 9. – С. 67–72.
15. Shagal' V. Je. Arabskij mir: Puti poznaniya: Mezhkul'turnaja kommunikacija i arabskij jazyk». – М., 2001. – С. 160.

© Тупк С. Н., 2016

УДК 94(47) «1941/45»

**ОБЗОРЫ АРХИВНЫХ ФОНДОВ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ
ПО ИСТОРИИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ 1941–1945 ГГ.****Е. Л. Храмкова***Доктор исторических наук, профессор
Самарский государственный
социально-педагогический университет
г. Самара, Россия***REVIEWS OF ARCHIVAL FUNDS AND SOURCE STUDY PUBLICATIONS
ON HISTORY OF THE SAMARA REGION
1941–1945 YEARS****E. L. Khramkova***Doctor of Historical Sciences, professor
Samara State University of Social Sciences
and Education
Samara, Russia*

Abstract. In article the works of source study character devoted to various aspects of history of Kuibyshev (Samara) region of the period of the Great Patriotic War, published at a boundary of the XX–XXI centuries are for the first time classified and analyzed. Isolated and studied three groups of publications: articles in which an overall assessment of the documents archives of the Samara region as the largest database on the history of the Great Patriotic War; Reviews funds state and local archives and publications of sources thematic nature; work, which reveals the cognitive capabilities of the individual types of sources in the study of military history of the Samara region.

Keywords: Kuibyshev (Samara) region; Great Patriotic War; federal and local archives; review of archival funds; classification of source study publications.

Историография Куйбышевской (Самарской области) военного времени насчитывает сотни разнообразных научных работ, среди которых особое место занимают обзоры архивных фондов и источниковедческие публикации. Их количественный рост в конце XX – начале XXI вв. обусловлен известными изменениями в области методологии, рассекречивания документальной базы по Великой Отечественной войне, стремлением к переосмыслению традиционных и новых сюжетов событий 1941–1945 гг. Значительную роль сыграла переориентация исследовательской проблематики в сторону региональной истории, что в свою очередь актуализировало задачу пересмотра накопленной источниковой базы в от-

дельных субъектах Российской Федерации и объективного анализа информационного потенциала, прежде всего, местных архивов – областных, городских, муниципальных, архивов музеев, библиотек, образовательных учреждений, личных архивов. Указанная тенденция нашла отражение в научно-исследовательской практике самарских историков, архивистов, библиотечных и музейных сотрудников, преподавателей высшей и средней школы.

Интересующие нас работы были выявлены в материалах международных, всероссийских, региональных, вузовских научных конференций, научной периодике самарских и других вузов и в некоторых других изданиях. На наш взгляд, данный комплекс может быть объектом специаль-

ного источниковедческого и историографического изучения. В его основу был положен метод классификации по целевому предназначению публикаций. В итоге были выделены три основные группы.

В первую из них вошли статьи, в которых дается общая оценка документов архивных фондов Самарской области как крупнейшей информационной базы, являющейся прочной основой для научного изучения множества аспектов военной истории края [22; 64; 35; 2; 68].

Самая крупная и сложная по составу это вторая группа. Ее составили обзоры фондов федеральных и местных архивов и источниковедческие публикации тематического характера, авторы которых поставили задачу выявления, систематизации и анализа документов по отдельным конкретно-историческим сюжетам. Указанная группа интересна по нескольким причинам. Во-первых, большинство интерпретируемых материалов впервые вводились в научный оборот. Во-вторых, впервые раскрывались информационные возможности рассекреченных, а также не привлекавших ранее внимания специалистов фондов, что способствовало расширению проблематики исторических исследований. В-третьих, пополнилось представление о научном и социокультурном значении архивов Самарской области в изучении истории Великой Отечественной войны.

В количественном отношении превалирует история военно-промышленного комплекса Куйбышевской области в целом, ее городов и районов [58; 59; 63; 46; 67; 39; 23], отдельных отраслей индустрии – авиационной [27; 36; 52], шарикоподшипниковой [29], нефтяной [25], местной [44; 45], пищевой [68], строительства [3], транспорта [11–13] и связи [33; 34]. Впервые был дан видовой обзор документов по истории уникального предприятия – испытательного полигона в г. Чапаевске (ЧОЗИП), хранящихся в Центральном государственном

архиве Самарской области (ЦГАСО) и Самарском областном государственном архиве социально-политической истории (СОГАСПИ) [1].

Следующий сюжет, во многом связанный с предыдущими темами, это трудовая деятельность заключенных на территории области накануне и в годы Великой Отечественной войны [16; 49; 50]. В 2008 г. был выпущен уникальный сборник документов по истории ГУЛАГа в Самарском Поволжье [18], в котором каждый из четырех документальных разделов предваряется анализом архивных документов.

Также можно выделить источниковедческие публикации, посвященные отражению эвакуационно-реэвакуационным процессов на территории края в материалах местных архивов [61; 62].

Следует отметить редкую, но весьма перспективную для разработки тему – изучение зарубежных источников о «запасной» столице в 1941–1943 гг. [7; 14]. С точки зрения проблематики к ним примыкает оригинальная публикация, посвященная интерпретации новых источников о военном параде в городе Куйбышеве в 1941 г. [17].

В двух статьях проанализированы документы СОГАСПИ, в которых получила отражение повседневная жизнь тылового города Куйбышева [30; 13].

В одной публикации рассмотрены материалы Государственного архива Ульяновской области, запечатлевшие деятельность комсомольских органов в начале Великой Отечественной войны [19].

В 2000-х гг. появились первые источниковедческие исследования по проблеме социальной защиты детей в Куйбышевской области в военный период [40–42].

Особый блок составляют обзоры архивных фондов и источниковедческие публикации по истории образования [24], науки [66; 15] и культуры [48; 51; 57] края в годы Великой Отечественной войны. В

него входят и аналогичные работы по истории религиозных учреждений в 1941–1945 гг. [69; 38].

В третью группу вошли работы, в которых раскрываются познавательные возможности отдельных видов источников в изучении военной истории Самарской области. В связи с «антропологическим поворотом» в исторической науке усилился интерес к анализу источников личного происхождения – воспоминаниям, материалам переписки и др. [47; 21; 26; 31; 37]. При этом нередко указанные документы хранятся в личных архивах авторов [43; 54; 28]. Значительный интерес представляет изучение такой специфической разновидности «эго-источников» как жалобы населения [65].

В единичных статьях рассмотрены как исторические источники нормативно-правовая документация военного времени [32] и материалы устной истории [20; 60].

Новые источниковедческие ракурсы были выявлены в материалах центральной, местной и зарубежной периодической печати периода Великой Отечественной войны [55; 56; 4–6; 53].

Впервые в региональной историографии был глубоко раскрыт информационный потенциал Книги Памяти Самарской области как массового источника и ее электронного аналога, что позволило рассматривать базу данных по безвозвратным потерям населения региона в 1941–1945 гг. как действенный инструмент получения достоверных данных о погибших уроженцах нашего края [8–10].

Рассмотренные группы работ имеют несомненную тенденцию к расширению, соответственно возрастает и их значение в историографическом комплексе работ по истории Самарской области Великой Отечественной войны. Обзоры архивных фондов и специальные источниковедческие публикации влияют на проблематику, уровень научного осмысления региональной

военной истории и нуждаются в более глубоко и обстоятельном изучении с точки зрения информационного значения.

Bibliography

1. Алферова Е. С. История Чапаевского опытного завода измерительных приборов (по материалам самарских архивов) // Историко-археологические изыскания: сб. тр. молодых ученых. – Самара, 2006. – Вып. 9. – С. 111–115.
2. Белорусцев В. А. Архивный фонд Самарской области как источниковедческая и информационная база изучения истории Великой Отечественной войны // Проблемы изучения военной истории: матер. Второй Всерос. науч. конф. – Самара, 2012. – Т. 1. – С. 11–16.
3. Богданов Е. Г. Материалы Центрального государственного архива Самарской области о деятельности Приволжского окружного военно-строительного управления в годы Великой Отечественной войны // Телескоп: науч. альманах. Спец. вып. «Память о прошлом»: матер. Второго молодеж. ист.-арх. форума, посв. 95-летию Государственной архивной службы Российской Федерации. – Самара, 2013. – С. 5–12.
4. Буранок С. Куйбышев? Это конец света! // Самарские судьбы. – 2011. – № 1. – С. 138–143.
5. Буранок С. О. Создание образа Куйбышева в американской прессе // Проблемы изучения военной истории: матер. Второй всероссийской науч. конф. – Самара, 2012. – Т. 2. – С. 89–96.
6. Буранок С. О. Американцы в СССР: оценки и восприятие г. Куйбышева военных лет // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2014. – № 2 (139). – С. 42–52.
7. Буранок С. О. Куйбышев – запасная столица в документах американских архивов // Проблемы изучения военной истории. Третья Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Самара, 2015. – С. 305–310.
8. Бушуева О. Ю. Создание базы данных безвозвратных людских потерь Самарской области в годы Великой Отечественной войны // Платоновские чтения: матер. и докл. XIV Всерос. конф. молодых историков. – Самара, 2008. – С. 170–172.
9. Бушуева О. Ю. Создание банка данных о безвозвратных людских потерях в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. – 2010. – № 1. – С. 53–54.

10. Бушуева О. Ю. Опыт создания базы данных безвозвратных людских потерь Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2012. – № 7 (15). – С. 30–31.
11. Горшенин А. В. История электротранспорта города Куйбышева в 1941–1945 гг. в документах местных архивов // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. – М., 2013. – С. 115–120.
12. Горшенин А. В. Начало развития троллейбусного сообщения в городе Куйбышеве в материалах архивов и периодической печати // Телескоп: науч. альманах. Спец. вып. «Память о прошлом»: матер. Второго молодеж. ист.-арх. форума, посв. 95-летию Государственной архивной службы Российской Федерации. – Самара, 2013. – С. 19–26.
13. Горшенин А. В. Документы партийных архивов о повседневной жизни работников общественного транспорта городов Среднего Поволжья в 1941–1950 гг. // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. – М., 2016. – С. 141–146.
14. Димитрова П. Донесения посланника царства Болгарии в СССР Ивана Стаменова как источник о жизни дипкорпуса в Куйбышеве (1941–1943) // Проблемы изучения военной истории. Третья Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Самара, 2015. – С. 310–319.
15. Дымова Е. В. Фонды Государственного архива Самарской области по истории архива периода Великой Отечественной войны // Архивный фонд Самарской области как информационный ресурс общественно-экономического развития региона. – Самара, 2004. – С. 223–227.
16. Захарченко А. В. Архивные документы по истории экономической деятельности НКВД в Поволжье в 1930–1940-е годы // Телескоп: науч. альманах. Спец. вып.: Историко-архивное восстановление имен и достижений Отечества. – Самара, 2008. – С. 26–33.
17. Захарченко А. В. Военный парад в Куйбышеве 7 ноября 1941 г. – новые источники и интерпретации (по материалам ГА РФ) // Проблемы изучения военной истории. Третья Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Самара, 2015. – С. 323–327.
18. Захарченко А. В., Репинецкий А. И. Строго секретно. Особстрой-Безымянлаг. 1940–1946. (Из истории системы лагерей НКВД в Куйбышевской области). – Самара : НТЦ, 2008. – 552 с.
19. Ильязова Р. В. Деятельность органов ВЛКСМ на начальном этапе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на территории Куйбышевской области в документах ОГБУ «ГАНИ УО» // Симбирский научный вестник. – 2014. – № 3 (17). – С. 173–180.
20. Кабытова Н. П. Тыловая повседневность военного лихолетья по материалам устной истории // Великая Победа в памяти народа: матер. Всерос. науч. конф. – Самара, 2010. – Т. I. – С. 81–84.
21. Карпенко Л. Б. Сквозь всю войну – от первого призыва: война и Победа в воспоминаниях и письмах Д. И. Алексеева // Великая Победа в памяти народа: матер. Всерос. науч. конф. – Самара, 2010. – Т. I. – С. 31–36.
22. Катренко К. О малоизвестных событиях и фактах периода Великой Отечественной войны // Эхо войны: краевед. записки. – Самара, 2005. – Вып. 3. – С. 5–11.
23. Косицына А. П. Хроника военной жизни провинциальной Сызрани в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Начало. По документам Сызранского филиала ГБУСО «ЦГАСО» // Великая Отечественная: К 70-летию народной Победы: матер. междунар. науч. конф. «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в памяти народа и документах Архивного фонда российской Федерации и зарубежных архивах. Проблемы изучения и публикации». – М., 2015. – С. 728–744.
24. Кузнецова С. В. Обзор архивных источников по теме: «Интеллигенция вузов Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» // Проблемы истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Самара, 1996. – Вып. 3. – С. 12–14.
25. Курятников В. Н. «Второе Баку»: [об архив. док. по истории становления и развития нефтяного комплекса Урало-Поволжья в 1930–1950-е годы] // Семь революций города Новокуйбышевска: краевед. записки. – Самара, 2005. – С. 71–73.
26. Лазарева И. Н. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник: по материалам фондов СОИКМ им. П. В. Алабина // Проблемы изучения военной истории: Третья Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Самара, 2015. – С. 398–401.
27. Ларичев А. А. Неизвестные страницы по истории авиационной промышленности в годы Великой Отечественной войны (по рассекреченным документам Центрального государствен-

- ного архива Самарской области) // Архивы и общество: исторический и социальный аспекты: матер. межрегион. науч.-практ. конф. – Самара, 2008. – С. 250–258.
28. Лосева И. В. «Солдатские впечатления» И. М. Шорохова как исторический источник о военных событиях 1939–1945 годов // Человек и общество в условиях войн и революций: матер. II Всерос. науч. конф. – Самара, 2015. – Вып. 2. – С. 134–141.
 29. Максакова О. С. Из истории 4-ГПЗ // Телескоп: науч. альманах. – Самара, 2007. – Вып. 18. – С. 281–289.
 30. Малинкин Е. М. Повседневная жизнь и быт жителей г. Куйбышева в годы Великой Отечественной войны в документах Самарского областного государственного архива социально-политической истории // Проблемы изучения военной истории. Третья Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Самара, 2015. – С. 338–342.
 31. Маршалова М. С. Проблема отражения Великой Отечественной войны в воспоминаниях ветеранов (по краеведческим материалам СО-УНБ) // Проблемы изучения военной истории. Третья Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Самара, 2015. – С. 507–510.
 32. Мокина Н. Н. Нормативно-законодательная документация по истории почтового дела в 1941–1945 гг. в федеральных и местных архивах // Телескоп: науч. альманах. Спец. вып. «Память о прошлом»: матер. Второго молодеж. ист.-арх. форума, посв. 95-летию Государственной архивной службы Российской Федерации. – Самара, 2013. – С. 65–71.
 33. Мокина Н. Н. Почтовая связь Среднего Поволжья 1941–1945 гг. в документах федеральных и местных архивов // Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. – М., 2013. – С. 303–306.
 34. Мокина Н. Н. Специальная связь Среднего Поволжья 1941–1945 гг. в документах местных архивов // Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. – М., 2014. – С. 287–291.
 35. Нефедова К. Ф. Архивные документы по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в государственных архивах Самарской области: источниковедческий обзор // Великая Отечественная война и Самарский край. К 65-летию победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Воспоминания. Исследования. Документы. – Самара, 2010. – С. 246–252.
 36. Парамонов В. Н. Экономические факторы Победы: проблемы изучения // Великая Победа в памяти народа: матер. Всерос. науч. конф. – Самара, 2010. – Т. 2. – С. 59–65.
 37. Плетнева В. Н., Ермолаева Е. П. Личные комплексы участников Великой Отечественной войны в фондах СОИМК им. П. В. Алабина // Проблемы изучения военной истории. Третья Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Самара, 2015. – С. 519–521.
 38. Подмарицын А. Г. Неизвестный источник по истории Куйбышевской епархии РПЦ периода 1942–1945 гг. // Вестн. Самар. гос. ун-та. – 2013. – № 8/1(109). – С. 200–203.
 39. Пономаренко И. В. Материалы федеральных и местных архивов о деятельности военно-промышленных предприятий малых городов Среднего Поволжья в 1941–1945 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2013. – Т. 15. – № 5–1. – С. 238–241.
 40. Рокутова О. А. Документы Государственного архива Самарской области (ГАСО) как источник исследования проблем социальной защиты детей и подростков в Куйбышевской области в 1941–1945 гг. // Архивные документы как источник формирования представлений об истории Отечества: матер. 37-й Всерос. заоч. науч. конф. – СПб., 2005. – С. 236–239.
 41. Рокутова О. А. Проблема социальной адаптации детей и подростков Среднего Поволжья в 1941–1945 гг. в документах местных архивов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Спец. вып. «Актуальные проблемы истории и археологии». – 2006. – С. 110–114.
 42. Рокутова О. А. Источниковедческие аспекты изучения деятельности детских учреждений НКВД-МВД СССР в 1941–1950 гг. // Телескоп: науч. альманах. Спец. вып. «Память о прошлом»: матер. Второго молодеж. ист.-арх. форума, посв. 95-летию Государственной архивной службы Российской Федерации. – Самара, 2013. – С. 104–112.
 43. Самарцев В. Письма с фронта Николая Самарцева к Нине Беловой // Самарские судьбы. – 2010. – № 9. – С. 98–107.
 44. Санникова Н. А. Архивные фонды по истории местной промышленности и промысловой кооперации Среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны // Государственному архивному фонду России – 80 лет. – Самара, 1998. – С. 103–106.

45. Санникова Н. А. Архивные материалы по истории местной промышленности в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // XX век – веку грядущему: материалы науч.-практ. конф. – Самара, 2001. – С. 102–105.
46. Санникова Н. А. Неопубликованные документы по истории военно-промышленного комплекса Куйбышевской области 1941–1945 гг. // Проблемы истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Самара, 2005. – Вып. 8. – С. 76–82.
47. Санникова Н. А. Великая Отечественная война в переписке и творчестве Н. К. Тиханова // Самарский земский сборник. – 2007. – № 2 (16). – С. 44–49.
48. Санникова Н. А. Из истории культурной жизни Самары XX века: (архивные материалы из жизни и творчества Н. К. Тиханова) // Славянский мир: вера и культура: XXX-е Кирилло-Мефодиев. чтения. – Самара, 2008. – С. 253–260.
49. Санникова Н. А. Материалы фонда Особстрой НКВД СССР Центрального государственного архива Самарской области как источник по экономическому развитию региона в 1940–1946 гг. // Архивы и общество: исторический и социальный аспекты: матер. науч.-практ. конф. – Самара, 2008. – С. 283–285.
50. Санникова Н. А. Особстрой КВД СССР в Куйбышевской области. Обзор документов фонда ГУСО «ЦГАСО» // Проблемы изучения военной истории: матер. Второй всероссийской науч. конф. – Самара, 2012. – Т. 2. – С. 103–109.
51. Санникова Н. А. Культура Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны. Источниковедческий обзор фондов СОГАСПИ // Проблемы изучения военной истории. Третья Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Самара, 2015. – С. 413–417.
52. Семенов С. В. Создание двухместной модификации штурмовика Ил-2 на государственном авиационном заводе № 1 в г. Куйбышеве: источниковедческий анализ // Телескоп: науч. альманах. – Самара, 2014. – Вып. 29. – С. 25–30.
53. Симатов С. А. Периодическая печать в городе Куйбышеве во время Великой Отечественной войны. Иностранная и отечественная пресса // Проблемы изучения военной истории: матер. Второй всероссийской науч. конф. – Самара, 2012. – Т. 2. – С. 206–210.
54. Татаренкова Н. А. Биография участника Великой Отечественной войны как инструмент реконструкции образа фронтового поколения // Человек и общество в условиях войн и революций: сб. матер. Всерос. науч. конф. – Самара, 2014. – С. 194–200.
55. Тузова О. В. Периодическая печать как исторический источник изучения городской музыкальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в контексте российской истории: сб. науч. тр. – Саратов, 2000. – С. 27–32.
56. Тузова О. В. Периодическая печать как источник изучения музыкальной культуры в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Историко-археологические изыскания: сб. тр. молодых ученых. – Самара, 2001. – Вып. 4. – С. 90–95.
57. Тузова О. В. Информационный потенциал местных архивов по истории региональной музыкальной культуры периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на примере Среднего Поволжья) // Телескоп: науч. альманах. Спец. вып. «Память о прошлом»: матер. Второго молодеж. ист.-арх. форума, посв. 95-летию Государственной архивной службы российской Федерации. – Самара, 2013. – С. 104–112.
58. Тунина А. Н. Документальные источники по истории военно-промышленного комплекса Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в контексте российской истории : сб. науч. тр. – Саратов, 2000. – С. 32–37.
59. Тунина А. Н. История военно-промышленного комплекса Поволжья в архивах региона // XX век – веку грядущему: матер. науч.-практ. конф. – Самара, 2001. – С. 97–101.
60. Турганова О. В. Гвардии ефрейтор Попов Семен Григорьевич (1917–2005). Судьба рядового разведчика, участника Великой Отечественной войны: по материалам устной истории // Великая Победа в памяти народа: матер. Всерос. науч. конф. – Самара, 2010. – Т. I. – С. 116–118.
61. Федотов В. В. Материалы архивов Самарской области об эвакуированном населении в годы Великой Отечественной войны // Самарский земский сборник. – 2003. – № 1. – С. 98–100.
62. Федотов В. В. Эвакуация и межнациональные отношения в годы Великой Отечественной войны (по материалам архивов Поволжья) // Человек и общество в условиях войн и революций: матер. II Всерос. науч. конф. – Самара, 2015. – Вып. 2. – С. 55–59.
63. Храмов Л. В. Военно-промышленный комплекс Самарской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Архивный фонд Самарской области как информационный ресурс общественно-экономического развития региона. – Самара, 2003. – С. 45–51.

64. Храмов Л. В. Архивы Самарской области как документальная база поволжской школы историков Великой Отечественной войны // Архивы и общество: исторический и социальный аспекты: матер. науч.-практ. конф. – Самара, 2008. – С. 27–30.
65. Чиркова Н. В. Общественные настроения в поволжской деревне в 1943–1953 гг. // История и культура страны-победительницы: к 65-летию Победы в Великой Отечеств. войне: тр. Междунар. науч. конф. – Самара, 2010. – С. 559–567.
66. Широков Г. А. Источники по истории науки Поволжья периода Великой Отечественной войны (1941–1945) // Самарский край в контексте российской истории: сб. ст. и матер. – Самара, 2002. – С. 262–268.
67. Шматова В. В. История войны в документах архивного отдела администрации муниципального района Хворостянский // Проблемы изучения военной истории: матер. Второй все-российской науч. конф. – Самара, 2012. – Т. 2. – С. 114–116.
68. Юсупова Ю. Н. Архивные источники по истории пищевой промышленности в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // XX век – веку грядущему: матер. науч.-практ. конф. – Самара, 2001. – С. 106–110.
69. Якунин В. Н. Положение и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны в архивных источниках // Государственному архивному фонду России – 80 лет. – Самара, 1998. – С. 119–122.
4. Buranok S. Kujbyshev? Jeto konec sveta! // Samarskie sud'by. – 2011. – № 1. – С. 138–143.
5. Buranok S. O. Sozdanie obraza Kujbysheva v amerikanskoj presse // Problemy izuchenija voennoj istorii: mater. Vtoroj vsrossijskoj nauch. konf. – Samara, 2012. – Т. 2. – С. 89–96.
6. Buranok S. O. Amerikancy v SSSR: ocenki i vospriyatie g. Kujbysheva voennyh let // Vestn. Adygejskogo gos. un-ta. Ser. 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija. – 2014. – № 2 (139). – С. 42–52.
7. Buranok S. O. Kujbyshev – zapasnaja stolica v dokumentah amerikanskih arhivov // Problemy izuchenija voennoj istorii. Tret'ja Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. – Samara, 2015. – С. 305–310.
8. Bushueva O. Ju. Sozdanie bazy dannyh bezvozvratnyh ljudskih poter' Samarskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Platonovskie chtenija: mater. i dokl. XIV Vseros. konf. molodyh istorikov. – Samara, 2008. – С. 170–172.
9. Bushueva O. Ju. Sozdanie banka dannyh o bezvozvratnyh ljudskih poterjah v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. // Voennostoricheskij zhurnal. – 2010. – № 1. – С. 53–54.
10. Bushueva O. Ju. Opyt sozdaniya bazy dannyh bezvozvratnyh ljudskih poter' Kujbyshevskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) // Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija». – 2012. – № 7 (15). – С. 30–31.
11. Gorshenin A. V. Istorija jelektrortransporta goroda Kujbysheva v 1941–1945 gg. v dokumentah mestnyh arhivov // Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arheografii, istochnikovedenija, rossijskoj i vseobshhej istorii novogo i novejshego vremeni. – M., 2013. – С. 115–120.
12. Gorshenin A. V. Nachalo razvitiya trolleybusnogo soobshhenija v gorode Kujbysheve v materialah arhivov i periodicheskoj pečati // Teleskop: nauch. al'manah. Spec. vyp. «Pamjat' o prošlom»: mater. Vtorogo molodezh. ist.-arh. foruma, posv. 95-letiju Gosudarstvennoj arhivnoj sluzhby Rossijskoj Federacii. – Samara, 2013. – С. 19–26.
13. Gorshenin A. V. Dokumenty partijnyh arhivov o povsednevnoj zhizni rabotnikov obshhestvennogo transporta gorodov Srednego Povolzh'ja v 1941–1950 gg. // Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arheografii, istochnikovedenija, rossijskoj i vseobshhej istorii novogo i novejshego vremeni. – M., 2016. – С. 141–146.

Bibliography

1. Alferova E. S. Istorija Chapaevskogo opytnogo zavoda izmeritel'nyh priborov (po materialam samarskih arhivov) // Istoriko-arheologičeskije izyskanija: sb. tr. molodyh uchenyh. – Samara, 2006. – Vyp. 9. – С. 111–115.
2. Beloruscev V. A. Arhivnyj fond Samarskoj oblasti kak istochnikovedčeskaja i informacionnaja baza izuchenija istorii Velikoj Otechestvennoj vojny // Problemy izuchenija voennoj istorii: mater. Vtoroj Vseros. nauch. konf. – Samara, 2012. – Т. 1. – С. 11–16.
3. Bogdanov E. G. Materialy Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Samarskoj oblasti o dejatel'nosti Privolzhskogo okružnogo voenno-stroitel'nogo upravlenija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Teleskop: nauch. al'manah. Spec. vyp. «Pamjat' o prošlom»: mater. Vtorogo molodezh. ist.-arh. foruma, posv. 95-letiju Gosudarstvennoj arhivnoj sluzhby Rossijskoj Federacii. – Samara, 2013. – С. 19–26.

14. Dimitrova P. Donesenija poslannika carstva Bolgarii v SSSR Ivana Stamenova kak istochnik o zhizni dipkorporusa v Kujbysheve (1941–1943) // Problemy izuchenija voennoj istorii. Tret'ja Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. – Samara, 2015. – S. 310–319.
15. Dymova E. V. Fondy Gosudarstvennogo arhiva Samarskoj oblasti po istorii arhiva perioda Velikoj Otechestvennoj vojny // Arhivnyj fond Samarskoj oblasti kak informacionnyj resurs obshhestvenno-jekonomicheskogo razvitiya regiona. – Samara, 2004. – S. 223–227.
16. Zaharchenko A. V. Arhivnye dokumenty po istorii jekonomicheskoy dejatel'nosti NKVD v Povolzh'e v 1930–1940-e gody // Teleskop: nauch. al'manah. Spec. vyp.: Istoriko-arhivnoe vostanovlenie imen i dostizhenij Otechestva. – Samara, 2008. – S. 26–33.
17. Zaharchenko A. V. Voennyj parad v Kujbysheve 7 nojabrja 1941 g. – novye istochniki i interpretacii (po materialam GA RF) // Problemy izuchenija voennoj istorii. Tret'ja Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. – Samara, 2015. – S. 323–327.
18. Zaharchenko A. V., Repineckij A. I. Strogo sekretno. Osobstroj-Bezymjanlag. 1940–1946. (Iz istorii sistemy lagerej NKVD v Kujbyshevskoj oblasti). – Samara : NTC, 2008. – 552 s.
19. Il'jazova R. V. Dejatel'nost' organov VLKSM na nachal'nom jetape Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. na territorii Kujbyshevskoj oblasti v dokumentah OGBU «GANI UO» // Simbirskij nauchnyj vestnik. – 2014. – № 3 (17). – S. 173–180.
20. Kabytova N. P. Tylovaja povsednevnost' voennogo liholet'ja po materialam ustnoj istorii // Velikaja Pobeda v pamjati naroda: mater. Vseros. nauch. konf. – Samara, 2010. – T. I. – S. 81–84.
21. Karpenko L. B. Skvoz' vsju vojnu – ot pervogo prizyva: vojna i Pobeda v vospominanijah i pis'mah D. I. Alekseeva // Velikaja Pobeda v pamjati naroda: mater. Vseros. nauch. konf. – Samara, 2010. – T. I. – S. 31–36.
22. Katrenko K. O maloizvestnyh sobytijah i faktah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny // Jeho vojny: kraeved. zapiski. – Samara, 2005. – Vyp. 3. – S. 5–11.
23. Kosicyna A. P. Hronika voennoj zhizni provincial'noj Syzrani v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. Nachalo. Po dokumentam Syzranskogo filiala GBUSO «CGASO» // Velikaja Otechestvennaja: K 70-letiju narodnoj Pobedy: mater. mezhdunar. nauch. konf. «Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 gg. v pamjati naroda i dokumentah Arhivnogo fonda rossijskoj Federacii i zarubezhnyh arhivah. Problemy izuchenija i publikacii». – M., 2015. – S. 728–744.
24. Kuznecova S. V. Obzor arhivnyh istochnikov po teme: «Intelligencija vuzov Povolzh'ja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.» // Problemy istorii Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. – Samara, 1996. – Vyp. 3. – S. 12–14.
25. Kurjatnikov V. N. «Vtoroe Baku»: [ob arhiv. dok. po istorii stanovlenija i razvitiya neftjanogo kompleksa Uralo-Povolzh'ja v 1930–1950-e gody] // Sem' revoljucij goroda Novokujbyshevskaja: kraeved. zapiski. – Samara, 2005. – S. 71–73.
26. Lazareva I.N. Frontovye pis'ma uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny kak istoricheskij istochnik: po materialam fondov SOIKM im. P. V. Alabina // Problemy izuchenija voennoj istorii: Tret'ja Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. – Samara, 2015. – S. 398–401.
27. Larichev A. A. Neizvestnye stranicy po istorii aviacionnoj promyshlennosti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (po rassekrechennym dokumentam Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Samarskoj oblasti) // Arhivy i obshhestvo: istoricheskij i social'nyj aspekty: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Samara, 2008. – S. 250–258.
28. Loseva I. V. «Soldatskie vpečatlenija» I. M. Shorohova kak istoricheskij istochnik o voennyh sobytijah 1939–1945 godov // Chelovek i obshhestvo v uslovijah vojn i revoljucij: mater. II Vseros. nauch. konf. – Samara, 2015. – Vyp. 2. – S. 134–141.
29. Maksakova O. S. Iz istorii 4-GPZ // Teleskop: nauch. al'manah. – Samara, 2007. – Vyp. 18. – S. 281–289.
30. Malinkin E. M. Povsednevnaja zhizn' i byt zhitelej g. Kujbysheva v gody Velikoj Otechestvennoj vojny v dokumentah Samarskogo oblastnogo gosudarstvennogo arhiva social'no-politicheskij istorii // Problemy izuchenija voennoj istorii. Tret'ja Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. – Samara, 2015. – S. 338–342.
31. Marshalova M. S. Problema otrazhenija Velikoj Otechestvennoj vojny v vospominanijah veteranov (po kraevedcheskim materialam SOUNB) // Problemy izuchenija voennoj istorii. Tret'ja Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. – Samara, 2015. – S. 507–510.
32. Mokina N. N. Normativno-zakonodatel'naja dokumentacija po istorii pochtovogo dela v 1941–1945 gg. v federal'nyh i mestnyh arhivah // Teleskop: nauch. al'manah. Spec. vyp. «Pamjat' o prošlom»: mater. Vtorogo molodezh. ist.-arh. foruma, posv. 95-letiju Gosudarstvennoj arhivnoj sluzhby Rossijskoj Federacii. – Samara, 2013. – S. 65–71.

33. Mokina N. N. Pochtovaja svjaz' Srednego Povolzh'ja 1941–1945 gg. v dokumentah federal'nyh i mestnyh arhivov // Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arheografii, istochnikovedenija, otechestvennoj i vseobshhej istorii novogo i novejshego vremeni. – M., 2013. – S. 303–306.
34. Mokina N. N. Special'naja svjaz' Srednego Povolzh'ja 1941–1945 gg. v dokumentah mestnyh arhivov // Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arheografii, istochnikovedenija, otechestvennoj i vseobshhej istorii novogo i novejshego vremeni. – M., 2014. – S. 287–291.
35. Nefedova K. F. Arhivnye dokumenty po istorii Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. v gosudarstvennyh arhivah Samarskoj oblasti: istochnikovedcheskij obzor // Velikaja Otechestvennaja vojna i Samarskij kraj. K 65-letiju pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.: Vospominanija. Issledovanija. Dokumenty. – Samara, 2010. – S. 246–252.
36. Paramonov V. N. Jekonomicheskie faktory Pobedy: problemy izuchenija // Velikaja Pobeda v pamjati naroda: mater. Vseros. nauch. konf. – Samara, 2010. – T. 2. – S. 59–65.
37. Pletneva V. N., Ermolaeva E. P. Lichnye komplekxy uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny v fondah SOIKM im. P. V. Alabina // Problemy izuchenija voennoj istorii. Tret'ja Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. – Samara, 2015. – S. 519–521.
38. Podmaricyn A. G. Neizvestnyj istochnik po istorii Kujbyshevskoj eparhii RPC perioda 1942–1945 gg. // Vestn. Samar. gos. un-ta. – 2013. – № 8/1(109). – S. 200–203.
39. Ponomarenko I. V. Materialy federal'nyh i mestnyh arhivov o dejatel'nosti voenno-promyshlennyh predpriyatij malych gorodov Srednego Povolzh'ja v 1941–1945 gg. // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. – 2013. – T. 15. – № 5–1. – S. 238–241.
40. Rokutova O. A. Dokumenty Gosudarstvennogo arhiva Samarskoj oblasti (GASO) kak istochnik issledovanija problem social'noj zashhity detej i podrostkov v Kujbyshevskoj oblasti v 1941–1945 gg. // Arhivnye dokumenty kak istochnik formirovanija predstavlenij ob istorii Otechestva: mater. 37-j Vseros. zaoch. nauch. konf. – Spb., 2005. – S. 236–239.
41. Rokutova O. A. Problema social'noj adaptacii detej i podrostkov Srednego Povolzh'ja v 1941–1945 gg. v dokumentah mestnyh arhivov // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Spec. vyp. «Aktual'nye problemy istorii i arheologii». – 2006. – S. 110–114.
42. Rokutova O. A. Istochnikovedcheskie aspekty izuchenija dejatel'nosti detskih uchrezhdenij NKVD-MVD SSSR v 1941–1950 gg. // Teleskop: nauch. al'manah. Spec. vyp. «Pamjat' o proshlom»: mater. Vtorogo molodezh. ist.-arh. foruma, posv. 95-letiju Gosudarstvennoj arhivnoj sluzhby Rossijskoj Federacii. – Samara, 2013. – S. 104–112.
43. Samarcev V. Pis'ma s fronta Nikolaja Samarceva k Nine Belovoj // Samarskie sud'by. – 2010. – № 9. – S. 98–107.
44. Sannikova N. A. Arhivnye fondy po istorii mestnoj promyshlennosti i promyslovoj kooperacii Srednego Povolzh'ja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Gosudarstvennomu arhivnomu fondu Rossii – 80 let. – Samara, 1998. – S. 103–106.
45. Sannikova N. A. Arhivnye materialy po istorii mestnoj promyshlennosti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. // XX vek – veku grjadushhemu: materialy nauch.-prakt. konf. – Samara, 2001. – S. 102–105.
46. Sannikova N. A. Neopublikovannye dokumenty po istorii voenno-promyshlennogo kompleksa Kujbyshevskoj oblasti 1941–1945 gg. // Problemy istorii Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. – Samara, 2005. – Vyp. 8. – S. 76–82.
47. Sannikova N. A. Velikaja Otechestvennaja vojna v perepiske i tvorchestve N. K. Tihanova // Samarskij zemskij sbornik. – 2007. – № 2 (16). – S. 44–49.
48. Sannikova N. A. Iz istorii kul'turnoj zhizni Samary HH veka: (arhivnye materialy iz zhizni i tvorchestva N. K. Tihanova) // Slavjanskij mir: vera i kul'tura: HHH-e Kirillo-Mefodiev. chtenija. – Samara, 2008. – S. 253–260.
49. Sannikova N. A. Materialy fonda Osobstroja NKVD SSSR Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Samarskoj oblasti kak istochnik po jekonomicheskomu razvitiyu regiona v 1940–1946 gg. // Arhivy i obshhestvo: istoricheskij i social'nyj aspekty: mater. nauch.-prakt. konf. – Samara, 2008. – S. 283–285.
50. Sannikova N. A. Osobstroj KVD SSSR v Kujbyshevskoj oblasti. Obzor dokumentov fonda GUSO «CGASO» // Problemy izuchenija voennoj istorii: mater. Vtoroj vserossijskoj nauch. konf. – Samara, 2012. – T. 2. – S. 103–109.
51. Sannikova N. A. Kul'tura Kujbyshevskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Istochnikovedcheskij obzor fondov SOGASPI // Problemy izuchenija voennoj istorii. Tret'ja Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem. – Samara, 2015. – S. 413–417.
52. Semenov S. V. Sozdanie dvuhmestnoj modifikacii shтурмовика Ил-2 na gosudarstvennom avi-

- acionnom zavode № 1 v g. Kujbysheve: istochnikovedcheskij analiz // Teleskop: nauch. al'manah. – Samara, 2014. – Vyp. 29. – S. 25–30.
53. Simatov S. A. Periodicheskaja pečat' v gorode Kujbysheve vo vremja Velikoj Otechestvennoj vojny. Inostrannaja i otechestvennaja pressa // Problemy izuchenija voennoj istorii: mater. Vtoroj vserossijskoj nauch. konf. – Samara, 2012. – T. 2. – S. 206–210.
54. Tatarenkova N. A. Biografija uchastnika Velikoj Otechestvennoj vojny kak instrument rekonstrukcii obraza frontovogo pokolenija // Chelovek i obshhestvo v uslovijah vojn i revolucij: sb. mater. Vseros. nauch. konf. – Samara, 2014. – S. 194–200.
55. Tuzova O. V. Periodicheskaja pečat' kak istoricheskij istochnik izuchenija gorodskoj muzykal'noj kul'tury v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Velikaja Otechestvennaja vojna v kontekste rossijskoj istorii: sb. nauch. tr. – Saratov, 2000. – S. 27–32.
56. Tuzova O. V. Periodicheskaja pečat' kak istochnik izuchenija muzykal'noj kul'tury v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) // Istoriko-arheologičeskie izyskanija: sb. tr. molodyh uchenyh. – Samara, 2001. – Vyp. 4. – S. 90–95.
57. Tuzova O. V. Informacionnyj potencial mestnyh arhivov po istorii regional'noj muzykal'noj kul'tury perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. (na primere Srednego Povolzh'ja) // Teleskop: nauch. al'manah. Spec. vyp. «Pamjat' o prošlom»: mater. Vtorogo molodezh. ist.-arh. foruma, posv. 95-letiju Gosudarstvennoj arhivnoj sluzhby rossijskoj Federacii. – Samara, 2013. – S. 104–112.
58. Tunina A. N. Dokumental'nye istochniki po istorii voenno-promyshlennogo kompleksa Kujbyshevskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Velikaja Otechestvennaja vojna v kontekste rossijskoj istorii: sb. nauch. tr. – Saratov, 2000. – S. 32–37.
59. Tunina A. N. Istorija voenno-promyshlennogo kompleksa Povolzh'ja v arhivah regiona // XX vek – veku grjadushhemu: mater. nauch.-prakt. konf. – Samara, 2001. – S. 97–101.
60. Turganova O. V. Gvardii efrejtor Popov Semen Grigor'evich (1917–2005). Sud'ba rjadovogo razvedchika, uchastnika Velikoj Otechestvennoj vojny: po materialam ustnoj istorii // Velikaja Pobeda v pamjati naroda: mater. Vseros. nauch. konf. – Samara, 2010. – T. I. – S. 116–118.
61. Fedotov V. V. Materialy arhivov Samarskoj oblasti ob jevakuirovannom naselenii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Samarskij zemskij sbornik. – 2003. – № 1. – S. 98–100.
62. Fedotov V. V. Jevakuacija i mezhnacional'nye otnoshenija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (po materialam arhivov Povolzh'ja) // Chelovek i obshhestvo v uslovijah vojn i revolucij: mater. II Vseros. nauch. konf. – Samara, 2015. – Vyp. 2. – S. 55–59.
63. Hramkov L. V. Voенно-промышленный комплекс Самарской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Архивный фонд Самарской области как информационный ресурс общественно-экономического развития региона. – Samara, 2003. – S. 45–51.
64. Hramkov L. V. Arhivy Samarskoj oblasti kak dokumental'naja baza povolzhskoj shkoly istorikov Velikoj Otechestvennoj vojny // Arhivy i obshhestvo: istoricheskij i social'nyj aspekty: mater. nauch.-prakt. konf. – Samara, 2008. – S. 27–30.
65. Chirkova N. V. Obshhestvennye nastroyenija v povolzhskoj derevne v 1943–1953 gg. // Istorija i kul'tura strany-pobeditel'nicy: k 65-letiju Pobedy v Velikoj Otechestv. vojne: tr. Mezhdunar. nauch. konf. – Samara, 2010. – S. 559–567.
66. Shirokov G. A. Istochniki po istorii nauki Povolzh'ja perioda Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) // Samarskij kraj v kontekste rossijskoj istorii: sb. st. i mater. – Samara, 2002. – S. 262–268.
67. Shmatova V. V. Istorija vojny v dokumentah arhivnogo otdela administracii municipal'nogo rajona Hvorostjanskij // Problemy izuchenija voennoj istorii: mater. Vtoroj vserossijskoj nauch. konf. – Samara, 2012. – T. 2. – S. 114–116.
68. Jusupova Ju. N. Arhivnye istochniki po istorii pishhevoj promyshlennosti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. // XX vek – veku grjadushhemu: mater. nauch.-prakt. konf. – Samara, 2001. – S. 106–110.
69. Jakunin V. N. Polozhenie i dejatel'nost' Russkoj pravoslavnoj cerkvi v gody Velikoj Otechestvennoj vojny v arhivnyh istochnikah // Gosudarstvennomu arhivnomu fondu Rossii – 80 let. – Samara, 1998. – S. 119–122.

© Храмкова Е. Л., 2016

Ekonomické vědy

UDC 330.341

**CORRUPTION AS A FACTOR OF INSTITUTIONAL INEFFICIENCY
OF THE ECONOMY OF UKRAINE****O. O. Demydiuk***Postgraduate student
Kyiv National University
named after Taras Shevchenko
Kyiv, Ukraine*

Abstract. The paper examines the ineffectiveness of institutional reforms in Ukraine in the period of independence that is a precondition for a high level of shadow economy in post transformation period. The study analyzes the destructive impact of corruption on institutional effectiveness of national economy, on the harmonious development and functioning of the economic system of Ukraine. The paper assesses the level of corruption perception in Ukraine and neighboring countries. The results of the study highlight the priority directions and means of rationalizing the institutional environment of the national economy.

Keywords: institutional effectiveness; economic system; corruption; shadow economy; corruption perception; institutional environment.

One of the urgent issues of our time is to increase effectiveness of economic systems in order to achieve sustainable development, an important component of which is a creation and modification of institutional environment of the country. At the same time, the institutional efficiency of the economic system is a manifestation of economic system efficiency in general and simultaneously the main objective of its transformation.

Analysis of the current stage of evolution of the economic system of Ukraine confirms the existence of many problems in the functioning of the established institutional environment related to systemic economic deformations, negative impact of corruption, high level of shadow economy, low protection of property rights, business interests, development of innovative businesses, etc. On the way to quick and qualitative changes of conditions of economic development, Ukraine demonstrates quite low achievements in this area compared to other post-socialist countries. One of the main braking

factors to achieve an effective institutional environment in Ukraine is corruption, which is essentially a negative social phenomenon associated with abuse of state power, selfish usage of official authority, prestige and capacity to implement them for personal benefits [8, p. 50].

In these circumstances, the effective counteraction of corruption in Ukraine, in addition to the appropriate political will, requires a proper legislative support, formation of an effective system of public authorities, ensure proper coordination of formation and implementation of anticorruption policies, measures to prevent corruption and its minimization. Construction of such institutional system must meet international standards (in particular UN conventions and Council of Europe against corruption, and the recommendations of GRECO and the Istanbul Action Plan of anticorruption Network OECD) and best international practice, taking into account the features of national legal systems.

Analysis of key studies and publications.

Subject of institutional efficiency of economic systems attracts attention of many domestic and foreign scholars. Among foreign scientists should be called authors such as D. Nort, R. Tompson, Dzh. Aron, V. Kasper, A. Williams, D. Hrosman, O. Hart, D. Romer, S. La Porta, A. Shleyfer, E. Hleyzer, D. Asemohlu, S. Jonson, D. Robynson and others [15]. The impact of institutions on economic development of Ukraine's economy are studying scientists such as V. Bazylevych, A. Hrytsenko, B. Hawrylyshyn T. Gaidai, B. Geyets, I. Hrabynskyy, N. Hrazhevska, V. Dementyev, B. Kulchytsky, A. Maslov, Y. Pakhomov, A. Filipenko and others [9]. Some aspects of international experience in combating and fighting corruption we borrowed from international organizations such as the United Nations, the Organization for Economic Co-operation and Development, Organization of American States, the Council of Europe, European Union, African Union.

However, despite the specific issues resolving of this problem, borrowing foreign experience in counteraction of corruption and unconditional demand for these scientists, the continuous improvement of forms and methods of combating this phenomenon remains a very important task and requires further research to achieve an effective institutional environment of the country.

Goal of this article is to identify the negative impact of corruption on institutional efficiency of the economic system in Ukraine and develop on this basis the priority directions and means of rationalizing the institutional framework of the national economy.

Main material. It is worth recalling that by the 1990s in Western political science was suggested that corruption is characteristic only of undemocratic regimes or developing countries [6, p. 5–6]. Today the world recognizes the corruption problem that is more or less common to all societies without excep-

tion, and its size depends on the efforts efficiency of state to combat it and activation of civil society. According to the Soviet approach to this problem in the Soviet Union there weren't corruption at all, this “defect” attributed exclusively to bourgeois societies [5, p. 213–224]. There is no a political regime that can foresee absolute protection against corruption, including developed democracy. The presence of corruption in the country threatens the fundamental values of society, of sovereignty of state, undermines the legitimacy of authorities in the eyes of citizens, and has a very destructive impact on institutional environment of the economy. The recognition of corruption as a challenge that is inherent to all societies now is on international level. The UN Convention against Corruption was signed in 2003 and joined by 164 states – members of the United Nations. In order to Convention indeed became effective legal instrument to fight corruption, in 2009 the Member States approved the mechanism for evaluating its implementation, which consists of two parts: State' self-assessment of its progress and external assessment of independent experts. In 2013 there was a presentation of the UN report on the implementation of the UN Convention against Corruption in legal base of Ukraine and on the status of combating this phenomenon [12, p. 20]. In recent years, Ukraine has adopted a number of anti-corruption regulations, the new Law of Ukraine “On Principles of Prevention and Combating Corruption” (2011), the national anti-corruption strategy for 2011–2015 and the State Programme on Prevention and Combating Corruption in 2011–2015. In addition, Ukraine has joined the global initiative “Partnership “Open Government”, aimed at fighting corruption, increasing transparency and accountability of the state apparatus, the introduction of e-governance, the involvement of active citizens in the processes of governance and so on. A significant positive innovation

of political life in Ukraine was the established cooperation between public authorities and civil society.

Despite the important steps taken in this direction, the most significant obstacles to increasing institutional efficiency of the current economic system of Ukraine are:

1. Lack of efficiency of regulation of the business environment, as evidenced by the deteriorating of global index of competitiveness of the national economy in 2015–2016 ranked 79th among 140 countries in the world, losing three positions for the year (previous ranking occupies 76th position), the conditions of ease of doing business (83 among 189 countries) and the decrease the competitiveness of domestic enterprises [2; 3]. Talking about inefficiency of the legislative and executive authorities, the judicial system and complexity of regulatory procedures that cause corruption in public services and the shadow of some economic activities.

2. Inconsistent, inappropriate and non-systematic structural reforms and insufficient target orientation of program measures of economic and social reforms oriented on legalization of economy [7]. This leads to negative effects even in those sectors and areas in which reforms are implemented. As a kind of “shock absorber” of the transition process in the short term, the shadow economy undermines the fundamental principles of civilized development of Ukraine in strategic terms. Program of economic and social reforms are not provided mechanisms to enhance control over the domestic financial and capital assets that are located in offshore jurisdictions. As we know, the countries that in different ratings relating to classical offshore, are Cyprus, the British Virgin Islands, Netherlands Antilles Islands, Switzerland and Austria, but these countries are not included in the list of offshore jurisdictions approved by the Cabinet of Ministers of Ukraine that creates the possibility of using them to mini-

mize taxation and “money laundering” by entities of Ukraine.

3. The contradictory and duplication of legislative and regulatory framework in some sectors, as evidenced by decrease of the structural components of the Index of Economic Freedom (Ukraine takes 162 place with 46.8 index indicator that worsened compared to 2014 year on 0.1) [4]. Gaps and contradictions of law generating impunity in carrying out economic activities outside the legal sector, causing problems in the functioning of law enforcement agencies, which reduces the effectiveness of countering the “shadowing” of socio-economic relations.

4. Ineffectiveness of organizational and institutional mechanisms of anti-corruption legislation. According to GRECO experts, inefficiency actions of Ukrainian authorities to combat corruption linked to insufficient legislative base [11].

Thus, at the present stage of development of the national economy the most important institutional factors of “shadow” and braking ability of progressive social and economic reforms is the corruption, inefficiency of the judiciary, tax administration, excessive bureaucracy of the entrepreneurial activity and low efficiency of the customs service. Analysis of institutional environment in countries with transitional economies shows that one of the key performance indicators of their institutional environment is society's attitude towards corruption. Generally accepted that corruption has a negative impact on the formation of the system of effective institutions and institutional environment that is conducive to sustainable socio-economic development [9; 10].

The impact of corruption on institutional effectiveness of CEE countries and Ukraine in particular can be detected by analyzing the Corruption Perceptions Index (CPI – Corruption Perceptions Index), calculated annually by the international civic organization Transparency International (the global coalition

against corruption), based on estimates of businessmen and analysts. In the ranking for 2015 reflected perceptions of corruption in 167 countries on a scale from 100 (no corruption) to 0 (high corruption), which provides a quantitative assessment of the perception of corruption in a given country. The methodology of this calculation is based on several independent surveys, which involve international financial and human rights experts, including the Asian and African Development Bank, World Bank and the inter-

national organization Freedom House. The index is constructed in such a way that the lower its value, the higher the level of corruption in socio-economic and political processes in society, and vice versa [1].

Analysis of the Corruption Perception Index in CEE, including Ukraine in 2012 and 2015 (Fig. 3) shows that the highest values of CPI-index have Poland (62 in 2015), Slovenia (60) and Czech Republic (56), on the same level are such countries, as Hungary (51), Croatia (51) and Slovakia (51).

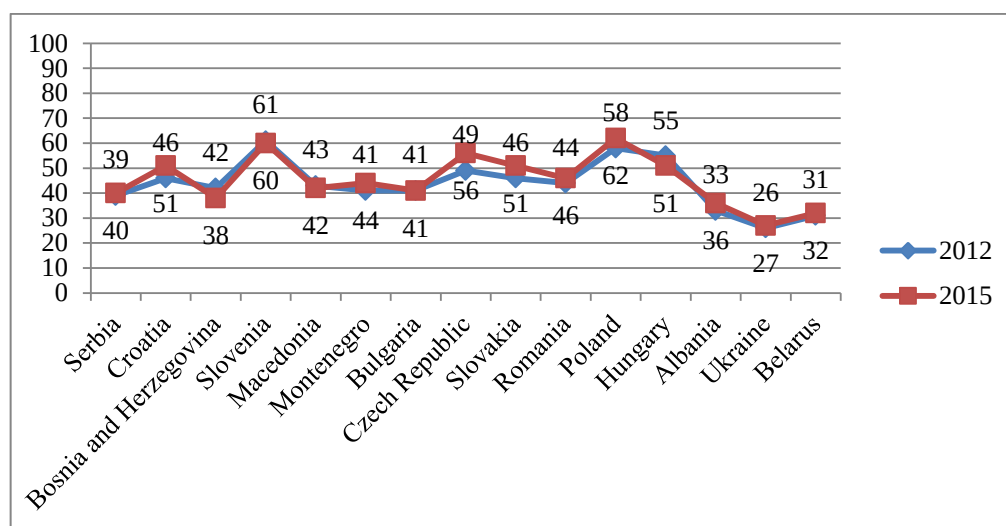

Fig. 1. Corruption Perceptions Index in CEE in 2012 and 2015 y.

Source: compiled by the author based on: [1]

Thus, within the period under review the index of perception of corruption has increased in all CEE countries. The only exception is Bosnia and Herzegovina, Macedonia, Slovenia and Hungary, but the CPI value reduction in these countries, first of all, is negligible, and secondly, can be attributed to methodological features of evaluation. However, these figures demonstrate the high level of corruption in socio-economic and political processes in the society of these countries. It

is important to note that in the Ukraine, Belarus, the index of perception of corruption is very low. For example, Ukraine is still among the most corrupted countries in the world, occupying 130 seats from 167. Upon receipt of only one additional point compared to 2012 (27 compared to 26), it refers to a totally corrupt states.

These disappointing results, according to researchers, are caused by slow destruction of corruption schemes obtained by inher-

itance from all the ruling regimes time of independence of Ukraine. Recently adopted laws (in particular – the creation of the National Anti-Corruption Bureau) have not given tangible results in anti-corruption struggle. According to O. Hmara, executive director of the Ukrainian representative office Transparency International, adopting certain laws the government has shown intent to move towards reforms, but it's not enough [18].

In order to have occurred in Ukraine real anti-corruption changes Transparency International Ukraine calls upon the Government, Parliament and the President to make five immediate steps, including:

1. Properly organize the work of the new anti-corruption bodies, providing the necessary resources to create institutions and recruitment of qualified personnel, adopting amendments to the anti-corruption laws.

2. Urgently adopt legislation developed by experts on full transparency finance of political parties and election campaigns.

3. Based on the adopted Anti-Corruption Strategy of Ukraine to develop a detailed plan of action of the Government in combating corruption, the implementation of which involve the general public and media.

4. Ensure the actual release of data derived of state registries, primarily real estate register and cadaster.

5. Start a regular check on the integrity of public officials, including by comparing their lifestyle with the declared property and fortune [18].

Given the above, the priority areas of institutional reforms in the context of reducing the shadow economy are:

1. Improvement of anti-corruption legislation, taking into account GRECO recommendations and the UN:

- reviewing the system of responsibility for corruption violations so that corruption is clearly recognized as a criminal offense;

- ensuring the independence of prosecutors from political influence and clarify their authority;
- introducing corporate liability for corruption violations, which provides for effective, proportionate and dissuasive sanctions;
- creating a public database of entities that were brought to liability (register of companies involved in corruption);
- adoption of model code of conduct for civil servants;
- settlement of the conflict of interests of officials, bound by common business interests or family business;
- protection of the rights whistleblowers – bureaucrats who report to supervisory authorities about suspicious and possibly corruption acts of their colleagues;
- adoption of new rules for confiscation and seizure of proceeds gained by criminal pursuits which would, unlike existing ones, create an opportunity to apply measures to direct as well as indirect (converted) proceeds, equivalent to confiscation of the proceeds and income of a third party in accordance with the Criminal Law Convention on Corruption [14, p. 192].

2. Changes to tax laws:

- defining clear regulations on taxation of intellectual property rights;
- introducing mandatory declaration of income when purchasing goods and services belonging to luxury, with a clear delineation of goods and services belonging to the luxury.

3. Improving the regulatory framework on public procurement, including broad coverage of the preparatory process, procedures and results of public procurement on official website of the State Property Fund [17].

4. Ensure the rights of entrepreneurs in the implementation of the principle of “single window”. For this aim, it's necessary to adopt the Law of Ukraine “On establishing the re-

sponsibility of officials, supervising bodies for failing their control procedures and damage caused by the entity”.

5. Improvement of state regulation in the market of state and municipal property by improving efficiency of auction trade practice with open and transparent access of all citizens of Ukraine to information about passage on auctions and the results of their functioning on websites of State Property Fund of Ukraine and regional state administrations [16].

6. Development of the State concept of contraband prevention of flows and abuse in the customs area that would provide for the following tasks:

- implementing the principles of “electronic government”;
- improving the content of the official web page of the State Customs Service of Ukraine;
- empowering customs authorities in terms of access to information contained in the databases of other government bodies, including the Ministry of Internal Affairs of Ukraine, Security Service of Ukraine;
- improve the quality of technical and infrastructure equipping of border and institutions of the State Customs Service of Ukraine on outlining the clear priorities for further improvement of the state border of Ukraine;
- initiate establishment of joint customs posts with neighboring countries that should reduce corruption in this area;
- ensuring conditions for wider application of the principles of “post audit control” in customs control and the gradual elimination of practice of complete physical inspection of goods at the border Ukraine [13, p. 165].

7. Introduction of testing proposed legislative and regulatory initiatives by the independent administrative research institutions for the purpose of checking the probability of

increasing the level of shadow economy and corruption as a result of their establishment.

Study results.

The performed analysis in the article about the impact of corruption on institutional effectiveness of the economic system of Ukraine and neighboring countries allows highlighting the following conclusions:

1. In the institutional context corruption has a destructive effect on the harmonious development and functioning of the economic system of Ukraine. The most significant preconditions for such a high level of shadow economy of Ukraine are: lack of effectiveness of the legislative and executive authorities, the judicial system and complexity of regulatory procedures; inconsistent, inappropriate and non-systematic structural reforms and insufficient target orientation of program of economic and social reforms to “non-shadowing” of the economy; gaps and contradictions of law, impunity in carrying out economic activities outside the legal sector; ineffectiveness of organizational and institutional mechanisms of anti-corruption legislation.

2. The impact of corruption on institutional effectiveness of CEE countries and Ukraine especially, revealed by analyzing the Corruption Perceptions Index. In Ukraine, the Index of Perception of Corruption is very low compared to neighboring countries. Ukraine remains among the most corrupt countries in the world, taking 130-th place among 167 countries, it refers to a totally corrupt states. These disappointing results caused by a number of reasons, including slow destruction of the corrupt schemes received by inheritance from all the ruling regimes since independence Ukraine.

3. Formed during the years of post-socialist transformations in Ukraine institutional environment is ineffective. In this connection, one of the main priorities of institutional and structural reforms in Ukraine has become effective policies aimed at combating

illegal economic manifestations of the shadow economy, combating corruption, criminalization and “shadowing” of the economy and society. Solution of this problem is possible by ensuring efficiency of normative acts (About the National Anti-Corruption Bureau, about openness (publicity) state registries of property and property rights, etc.). However, equally important task is to establish a clear system of control (first and foremost - from society) for compliance with these standards by the state and business.

Bibliography

1. Corruption Perceptions Index. Transparency International. URL: <https://www.transparency.org/cpi2015/#results-table>
2. Economy Rankings. Doing Business – World Bank Group. URL: <http://www.doingbusiness.org/rankings>
3. Global Competitiveness Report, Global Competitiveness Report. URL: <https://www.weforum.org/issues/global-competitiveness>
4. Index of Economic Freedom – Wall Street Journal & Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org/index/ranking>
5. Kramer J. Political Corruption in USSR // Political Research Quarterly. – 1977. – № 30. – P. 213–224.
6. Pandey S. Public Financial Management Reforms // Indian Journal of Public Audit and Accountability. – 2007. – № 1. – P. 5–6.
7. Transition Report 2015–16. European Bank for reconstruction and Development. Available at: <http://www.ebrd.com/news/publications/transition-report/ebd-transition-report-201516.html>
8. Базилевич В. Д. Економічна теорія: Політекономія: Підручник / За ред. В. Д. Базилевича. – 6-те вид., перероб. і доп. – К. : Знання-Прес, 2007. – 719 с.
9. Гайдай Т. В. Парадигма інституціоналізму: методологічний контекст : монографія. – К. : ВПЦ «Київський університет», 2008. – 295 с.
10. Єріна А. М., Захожай В. Б., Єрін Д. Л. Методологія наукових досліджень : навч. посіб. – К. : ЦНЛ, 2004. – 212 с.
11. Закон України «Про засади державної антикорупційної політики в Україні (Антикорупційна стратегія) на 2014–2017 роки». URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1699-18>

12. Інформація «Про імплементацію у 2013 році Порядку денного асоціації Україна – ЄС». URL: <http://www.zoda.gov.ua/images/article/original/00030/30653/informatsiya-pro-implementatsiju-u-2013-rotsi-poryadku-dennogo-asotsiatsiji-ukrajina-jes.pdf>
13. Коляда С. П. Економічна складова діяльності митних органів у системі забезпечення державних пріоритетів України : моногр. Держ. мит. служба України, Акад. мит. служби України. – Д., 2007. – С. 165.
14. Новіков О. В. Окремі аспекти реформування правового забезпечення протидії корупції у сфері державного управління України. URL: <http://academy.gov.ua/ej/ej19/PDF/24.pdf>
15. Постсоветский институционализм / под ред. Р. М. Нуреева, В. В. Дементьева. – Донецк : «Каштан», 2005. – 480 с.
16. Проблеми законодавчого регулювання ринку нерухомості України // Оф. сайт Рахункової палати України. URL: http://www.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=10252811
17. Реформа державних закупівель. Міністерство економічного розвитку і торгівлі України. URL: <http://www.me.gov.ua/Documents/Detail?lang=uk-UA&id=38c083f3-2571-466a-9583-3b43c2804ad9&title=ReformaDerzhavnikhZakupivel>
18. Україна залишається в клубі найкорумпованіших країн світу – Transparency International. URL: http://dt.ua/ECONOMICS/ukrayina-zalishayetsya-v-klubu-naykorumpovanishih-krayin-svitu-transparency-international-158151_.html

Bibliography

1. Corruption Perceptions Index. Transparency International. URL: <https://www.transparency.org/cpi2015/#results-table>
2. Economy Rankings. Doing Business – World Bank Group. URL: <http://www.doingbusiness.org/rankings>
3. Global Competitiveness Report, Global Competitiveness Report. URL: <https://www.weforum.org/issues/global-competitiveness>
4. Index of Economic Freedom – Wall Street Journal & Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org/index/ranking>
5. Kramer J. Political Corruption in USSR // Political Research Quarterly. – 1977. – № 30. – P. 213–224.

6. Pandey S. Public Financial Management Reforms // Indian Journal of Public Audit and Accountability. – 2007. – № 1. – R. 5–6.
7. Transition Report 2015–16. European Bank for reconstruction and Development. Available at:
8. <http://www.ebrd.com/news/publications/transition-report/ebrd-transition-report-201516.html>
9. Bazilevich V. D. Ekonomichna teorija: Politekonomija: Pidručnik / Za red. V. D. Bazilevicha. – 6-te vid., pererob. i dop. – K. : Znaniha-Pres, 2007. – 719 s.
10. Gajdaj T. V. Paradigma institucionalizmu: metodologichnij kontekst : monografija. – K. : VPC «Kiivs'kij universitet», 2008. – 295 s.
11. Crina A. M., Zahozhaj V. B., Crin D. L. Metodologija naukovih doslidzhen' : navch. posib. – K. : CNL, 2004. – 212 s.
12. Zakon Ukraïni «Pro zasadi derzhavnoï antikorupcijnoï politiki v Ukraïni (Antikorupcijna strategija) na 2014–2017 roki». URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1699-18>
13. Informacija «Pro implementaciju u 2013 roci Porjadku dennogo asociacii Ukraïna – ĖS». URL: <http://www.zoda.gov.ua/images/article/original/000030/30653/informatsiya-pro-implementatsiju-u-2013-rotsi-poryadku-dennogo-asotsiatsiji-ukrajina--jes.pdf>
14. Koljada S. P. Ekonomichna skladova dijial'nosti mitnih organiv u sistemi zabezpečennja derzhavnih prioritetiv Ukraïni : monogr. Derzh. mit. sluzhba Ukraïni, Akad. mit. sluzhbi Ukraïni. – D., 2007. – C. 165.
15. Novikov O. V. Okremi aspekti reformuvannja pravovogo zabezpečennja protidii korupcii u sferi derzhavnogo upravlinnja Ukraïni. URL: <http://academy.gov.ua/ej/ej19/PDF/24.pdf>
16. Postsovetskij institucionalizm / pod red. R. M. Nureeva, V. V. Dement'eva. – Doneck : «Kashtan», 2005. – 480 s.
17. Problemi zakonodavchogo reguljuvannja rinku neruhomosti Ukraïni // Of. sajť Rahunkovoï palati Ukraïni. URL: http://www.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=10252811
18. Reforma derzhavnih zakupivel'. Ministerstvo ekonomichnogo rozvitku i torgivli Ukraïni. URL: <http://www.me.gov.ua/Documents/Detail?lang=uk-UA&id=38c083f3-2571-466a-9583-3b43c2804ad9&title=ReformaDerzhavnikhZakupivel>
19. Ukraïna zalishaet'sja v klubi najkorumpovanishih kraïn svitu – Transparency International. URL: http://dt.ua/ECONOMICS/ukrayina-zalishayetsya-v-klubi-naykorumpovanishih-krayin-svitu-transparency-international-158151_.html

© Demydiuk O. O., 2016

Filologické vědy

УДК 339.138

РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙНОГО МАРКЕТИНГА
В РЕСТОРАННОМ БИЗНЕСЕ

О. В. Иванченко
О. В. Миргородская
А. О. Перепелица

*Кандидат экономических наук, доцент
кандидат экономических наук, доцент
студентка
Ростовский государственный
экономический университет
г. Ростов-на-Дону, Россия*

THE DEVELOPMENT OF EVENT MARKETING
IN THE RESTAURANT BUSINESS

O. V. Ivanchenko
O. N. Mirgorodskaya
A. O. Perepelitsa

*Candidate of Economic Sciences
assistant professor
Candidate of Economic Sciences,
assistant professor
student,
Rostov State Economic University
Rostov-on-don, Russia*

Abstract. The article discusses the development of modern trends in marketing communications – event marketing in the restaurant business. Using the example of catering companies, the authors proved the relevance of the use of the tools of event marketing as when entering a new restaurant to the regional market and forming long-term relationships with customers of the existing restaurant. Shows the different types of event and main areas of event marketing in a concept restaurant. It is proved that event-marketing is one of the most effective and powerful of the parties to the communication technologies of the restaurant, which increases brand loyalty by creating some emotional connection between brand and consumer.

Keywords: event marketing; marketing communications; catering business; promotion.

В настоящее время усиливающиеся кризисные явления в экономике, снижение спроса актуализирует использование в сфере общественного питания малозатратных способов продвижения услуг. Одним из таких направлений развития маркетинговых коммуникаций в ресторанном бизнесе является организация и проведение event-мероприятий. Событий-

ный маркетинг (event-маркетинг) представляет собой вид маркетинговых коммуникаций, основанный на проведении специально спланированного мероприятия развлекательного или познавательного характера, связанного с позиционированием торговой марки, в рамках которого акцентируется внимание на ней и поддерживается ее имидж [1].

При верной организации событийного маркетинга, правильно подобранной целевой аудитории, эффект не заставит себя ждать. Грамотно проведенное мероприятие способствует повышению узнаваемости марки, стимулированию сбыта, а также повышает лояльность к бренду за счет создания некой эмоциональной связи между брендом и потребителем. В условиях жесткой конкуренции маркетинговая стратегия предприятий, работающих на рынке услуг, должна быть направлена в первую очередь на формирование долгосрочных отношений с клиентом [2, с. 134].

Организация event-мероприятий становится все более популярным подходом к продвижению в сфере услуг, специальные мероприятия и акции способны не только сформировать личностного отношения к заведению и запомниться, но и в ряде случаев стать новостью [3; 4].

Использование событийного маркетинга предполагает информационную поддержку мероприятия. Каждый событийный проект содержит в себе мощную новостную составляющую, связанную, например, с участием в мероприятии известных личностей, а ведь все издания заинтересованы в поиске новостей, особенно если компания организует присутствие максимально возможного количества гостей и журналистов, то мощная PR-поддержка компании гарантирована в виде последующих публикаций в СМИ [5].

Несмотря на то, что событийный маркетинг является эффективным направлением маркетинговых коммуникаций, он еще не получил достаточного распространения в ресторанном бизнесе на региональных рынках. Так например, концептуальный ресторан «Schneider Weisse Brauhaus» действует на рынке общественного питания в г. Ростове-на-Дону с 2013 года [6]. Однако, событийный маркетинг в деятельности ресторана Шнайдер явление достаточно редкое. За 2,5 года, которые

существует ресторан, к event-мероприятиям прибегали лишь несколько раз в период вхождения ресторана на рынок общественного питания города. Мероприятия проводились в формате гастрономических вечеров, проводимых в формате «открытой кухни» с разработкой специального предложения по блюдам и приглашением известных личностей.

Так, одним из самых первых фестивалей стал вечер «Колбасы & пива». В рамках мероприятия была обустроена открытая кухня внутри заведения, где каждый гость мог подойти, пообщаться с шеф-поваром, поделиться опытом, понаблюдать за процессом приготовления, и, конечно же, отведать немецких колбас. Похожим событием ресторан заявил о себе еще через месяц: был проведен гастрономический ужин, посвященный локальной кухне Дона и дню рыбака – «Roast.Локальная кухня Дона». В рамках этого обеда шеф-повар готовил уху с карпом на костре и другие изыски.

Следующим мероприятием, которое было организовано на летней площадке ресторана, стала «Кулинарная битва». На кулинарный «ринг» вышел серебряный призер Олимпийских игр 2000 года, чемпион мира по боксу в тяжёлом весе Султан Ибрагимов и «Миссис Европа-2013» и «Миссис Вселенная-2011» Мария Ерошенко. Интересно, что в Ростове мероприятие такого формата проходило впервые. Стоит отметить, что гостей на празднике было очень много, а так же оно было освещено во многих СМИ г. Ростов-на-Дону.

Как видно, при открытии ресторана, администрация сделала упор на продвижение с помощью событийного маркетинга, однако после «наработки» клиентской базы подобные мероприятия прекратились. Но, поскольку event-маркетинг достаточно мощный элемент коммуникации, который позволяет сформировать имидж бренда и повысить его узнаваемость, а

также увеличить лояльность потребителя, то нельзя отказываться от данного инструмента. Поскольку ресторан уже имеет наработанную гостевую базу, то возобновление event-мероприятий способно «напомнить» снова о себе и увеличить объём продаж.

В этом случае, стоит подразделить мероприятия event-маркетинга в ресторанном бизнесе на следующие виды:

1. Досуговые – ориентированные на организацию свободного времени, путём общения и развлечения целевой аудитории, что предполагает сильное эмоциональное воздействие: соревнования, шоу, фестивали и т.п.

2. Деловые – ориентированные на продвижение бренда в сферу B2B.

3. Корпоративные мероприятия, направленные на укрепление внутренних связей между коллегами в неформальной обстановке – внутренний event-маркетинг.

Что касается досуговых мероприятий, концептуальному ресторану стоит возобновить проведение тематических фестивалей. Это позволит компании «открыть» дополнительную возможность дохода, поскольку, как показывала практика, прибыль от фестиваля была гораздо выше, чем выручка с позиции в выходной день.

Представление бренда может проходить так же в праздничные дни. Поводов для «события» гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Кроме Нового года и Рождества существует множество больших и маленьких праздников: общегосударственные, политические, городские, сезонные, социальные, религиозные, военные, исторические и конечно, гастрономические. Отдельное внимание стоит уделить проведению детских мероприятий. Такие «ивенты» могут проводиться без повода. Так, например, организация детского мастер-класса по приготовлению бургеров/колбасок/пельменей/пиццы понравится не только детям, которые как известно об-

ладают высокой эмоциональной восприимчивостью, но и их родителям, которые смогут отдохнуть в это время.

Майские праздники могут ознаменоваться в ресторане фестивалем стейков. Многие горожане на выходные в мае выезжают за город, чтобы пожарить мясо, насладиться природой и окружением родных и друзей. Такую уютную атмосферу можно создать в самом ресторане – организовав во внутреннем дворике ресторана открытую кухню и позволяя гостям участвовать в процессе приготовления, делиться опытом и приобретать его, а так же отдохнуть и расслабиться вместе с семьей.

В последнее время становится модным отмечать дни рождения разных исторических персонажей. Конечно, предполагается, чтобы именинник был представителем страны кухни ресторана. Так, например, в ресторане «Schneider Weisse» можно устроить отмечание дня рождения основателя династии и пивоварни Георга Шнайдера.

Продвижение организуемых мероприятий может осуществляться (помимо традиционных инструментов ATL) с помощью функции в социальных сетях «Мероприятия», где можно оповещать своих клиентов о предстоящих событиях. В «Мероприятиях» содержится вся необходимая информация – адрес, время, телефон или электронная почта. Участники могут посмотреть фотоальбом встречи, общаться друг с другом и с организаторами. Такой инструмент достаточно эффективен в виду развитости и популярности социальных медиа среди потребителей.

Деловой event-маркетинг будет направлен на развитие и расширение деловых контактов ресторана, а также повышение узнаваемости бренда среди потенциальных партнеров/инвесторов/дилеров. Инструментарий данного вида событийного маркетинга состоит в том, что ресторану следует принимать участие в гастрономических вы-

ставках, ярмарках, презентациях, форумах и мастер-классах. Такие мероприятия помогают в привлечении деловой ответственности, а также построении серьезного имиджа компании, которая выступает за ответственный бизнес. Как правило, бизнес мероприятия проводятся для прессы, обеспечивающей публикации в СМИ.

К тому же, ресторан может стать площадкой для проведения подобного рода мероприятий. Например, на территории ресторана может проводиться так называемое «After-party» – неформальное мероприятие для участников основного события. Делиться впечатлениями, поздравлять друг друга, отдыхать и веселиться лучше всего за накрытым столом, поэтому для таких вечеринок ресторан подходит идеально. Такой вид event-маркетинга способствует выделению статуса компании, укрепит партнерские взаимоотношения, а так же повысит внимание к бренду.

Корпоративные мероприятия или внутренний event-маркетинг направлен на формирование команды и укрепление внутренних связей между коллегами. Это некая тактика стимулирования сотрудников. Праздничный банкет или выезд на природу, корпоративный выход на каток или в кино – такие нематериальные формы мотивации персонала отлично формируют командный дух. В современных условиях, когда часто приходится экономить и снижать затраты, нематериальная мотивация сотрудников в компании возможна и необходима, это повышает лояльность, укрепляет командный дух, это недорого и быстро приносит плоды – сотрудники получают удовольствие от труда. А это значит, что они будут снова и снова стремиться работать в заведении и стремиться показать лучший результат.

Таким образом, удержание своих позиций на рынке общественного питания требует создания какого-либо конкурентного преимущества, что актуализирует

исследования, посвященные вопросам маркетинговой деятельности ресторана. При этом event-маркетинг является одним из самых действенных и сильных сторон коммуникационных технологий ресторана, направленный на создание и поддержание эмоциональной связи с целевой аудиторией.

Библиографический список

1. Событийный маркетинг. URL: http://www.marketing.spb.ru/lib-mm/btl/special_events.htm (дата обращения 14.08.2016 г.).
2. Иванченко О. В., Зверева С. Р. Маркетинговые инструменты развития клиентоориентированного подхода в деятельности предприятий общественного питания // Сборник трудов Междун. молодеж. мультидисциплинар. науч.-практ. конференции. Международный исследовательский центр "Научное сотрудничество"; 2015. – С. 134–138.
3. Березина Ю. Событие-праздник. URL: <http://www.psychology.ru/library/3419> (дата обращения 14.08.2016 г.).
4. Event Marketing как он есть. URL: http://www.marketing.spb.ru/lib-mm/btl/event_marketing.htm (дата обращения 18.08.2016 г.).
5. Тултаев В. В., Корокошко Ю. В. Событийный маркетинг предприятия общественного питания и оказания досуговых услуг. URL: <http://http://sisupr.mrsu.ru/2011-4/PDF/12/Tultaev.pdf> (дата обращения 18.08.2016 г.).
6. Иванченко О. В., Перепелица А. О. К вопросу о совершенствовании маркетинговой деятельности концептуального ресторана // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 2. – С. 606–610. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46139.htm>. (дата обращения 04.07.2016 г.).

Bibliografickij spisok

1. Sobytijnyj marketing. URL: http://www.marketing.spb.ru/lib-mm/btl/special_events.htm (data obrashhenija 14.08.2016 g.).
2. Ivanchenko O. V., Zvereva S. R. Marketingovyje instrumenty razvitija klientoorientirovannogo podhoda v dejatel'nosti predpriyatij

- obshhestvennogo pitaniya // Sbornik trudov Mezhdun. molodezh. mul'tidiscip. nauch-prakt. konferencii. Mezhdunarodnyj issledovatel'skij centr "Nauchnoe sotrudnichestvo"; 2015. – S. 134–138.
3. Berezina Ju. Sobytie-prazdnik. URL: <http://www.psycho.ru/library/3419> (data obrashhenija 14.08.2016g).
 4. Event Marketing kak on est'. URL: http://www.marketing.spb.ru/lib-mm/btl/event_marketing.htm (data obrashhenija 18.08.2016 g.).
 5. Tultaev V. V., Korokoshko Ju. V. Sobytijnyj marketing predprijatija obshhestvennogo pitaniya i okazaniya dosugovyh uslug. URL: <http://http://sisupr.mrsu.ru/2011-4/PDF/12/Tultaev.pdf> (data obrashhenija 18.08.2016 g.).
 6. Ivanchenko O. V., Perepelica A. O. K voprosu o sovershenstvovanii marketingovoj dejatel'nosti konceptual'nogo restorana // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». – 2016. – T. 2. – S. 606–610. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46139.htm>. (data obrashhenija 04.07.2016 g.).

© Иванченко О. В., Миргородская О. В.,
Перепелица А. О., 2016

TRANSLATIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS AND PROVERBS OF “BOBURNOMA” INTO ENGLISH

Z. Teshaboyeva

*Senior researcher
Uzbekistan State University of World Languages
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The present article is devoted to the study of phraseological units and proverbs in “Boburnoma” which was translated by the English scientists John Leyden, William Erskine (1826), Annette Susannah Beveridge (1921) and Wheeler Thackston (1996). The author compares and reviews different peculiarities of translations of phraseological units and proverbs translated by the English scientists. The adequate equivalents of phraseological units have been analyzed in this article. The translation variants of the phraseological units have been compared with the original and revealed the most adequate variants of translation.

Keywords: “Boburnoma”; scientist; research; historical; geography; equivalent; works; custom; phraseological unit; proverb; adequacy; translation; generation; language; adequacy of translation; originality; contribute development.

“Boburnoma” is a very famous, valuable book written by the Uzbek classic writer, poet and the great military leader Z. M. Bobur. It’s a historical, geographical and rare novel. It is very rich with its own traditions, customs and other meaningful characteristics. That’s why we can see the cultural words, phrases, set expressions.

Uzbek scientists who worked on Boburnoma such as: A. Fitrat, S. Azimjonova, Kh. Yoqubov, Y. Gulomov, V. Zohidov, I. Sultonov, A. Qayumov, A. Khayitmetov, F. Sulaymonova, S. Khasanov, N. Mallayev, Kh. Nazarova, P. Qodirov, S. Jamolov, B. Valikhodjayev, P. Nabiyev, A. Abdugafurov, B. Qosimov, N. Komilov, J. Sharipov, M. Kholbekov, A. Abduazizov, B. Mamatov, S. Rahimov, G. Khojayev, L. Khojayeva, F. Salimova, S. Shukrullayeva, G. Salomov, V. Rahmonov, K. Mullahojayeva, M. Sobirov, N. Otajonov, G. Satimov achieved to create Uzbek aburology (people who worked on Boburnoma). They studied it historical, literally, geographically, translation and etymologically [4; 5; 10].

“Boburnoma” was translated by European scientists of oriental studies, such as: D. Vitsen, J. Leyden, W. Erskine,

R. M. Caldecott, S.L. Poole, E. Holden, M. Elfinston, J. J. Lui, B. Grammon, and G. M. Eliot. V. Moreland, P. Kurteil, F. G. Talbot, A. Denison, A.S. Beveridge, H. Beveridge, H. Lamb, A. M. Shimmel.

Russian scientists: N. I. Ilminskiy, N. N. Pantusov, V. V. Viyatkin, N. I. Vesedovskiy, V. V. Bartold, A. N. Samoilovich, M. Salye, A. A. Semeyonov, A. Y. Yakubovskiy, I.V. Stebleva and Afghan scientists: Ahmad Ali Kohzod, Abdulhay Habibiy, Gulchin Maoniy, Indian scientists: Zokir Husayin, Nurul Khasan, Muni La’l, S. A. Sharmi, R. P. Tripathi, P. Saran, Muhibul Khasan and others.

After the Independence of our Republic many dissertations and theses on Boburnoma were defended for obtaining a Candidate’s Degree on Philological Sciences Specialty, such as: “Lexicographical and Textological Characteristics of Eastern-Turkic Languages Dictionary” by Pav de Kurteil («Лексикографические и текстологические характеристики восточное-тюркского словаря» Пав де Куртейля и перевода «Бабурнаме») by Fotima Salimova, “The Meaning Peculiarities of Numbers in “Baburnama” by Nazokat Jiyanova, “The Problems of Recreating Lit-

erary and Author's Style in English Translations" by Mahamatismoil Sobirov, "Translation and Expressive Means of Historical-Archaic Lexics in Translation" by N. Ormonova, "A Comparative Analysis of Poems in Foreign Translations of "Boburnoma" by R. Karimov, "A Comparative Analysis of "Boburnoma" and "Shajarai Turk" by M. Abdullayeva [7; 8; 9].

During 1826–1985 "Boburnoma" was translated four times into English (1826, 1905, 1921, 1922) three times into French (1878, 1980, 1985) and only once into German. Among them there are such novels "Boburnoma", which was written by Flora Ann Stealing (Paris, 1940), "Bobur" by Fernand Grenardning (Paris, 1930), "Bobur – the Tiger" by Harold Lamb (New York, 1980) by Vamber Gaskin.

Russian and West European scientists such as Veselovskiy, Ilminskiy, Erskine, Edward Holden, and Elfinston appreciated "Boburnoma". Javaharlal Neru wrote in his book "Discovering India" about Bobur and Bobur's generation's influence on development of India and the world's civilization.

"Boburnoma" offers a lot of information on political social history and gender relations, material culture and techniques, social behavior, kinship (mainly of the Temurids), languages, religions, literature, medicine, warfare and military organization, demography, geography, minerals, animals and plants, agriculture, handicraft, trade, roads, irrigation, settlement and fortifications of different size and type, cuisine, sports, poetry, music many others-and this not only for Western Turkistan, but also for what is today Afghanistan, Pakistan and India.

John Leyden and William Erskine made the first translation of "Boburnoma" in 1826. Annete Susannah Beveridge and Henry Beveridge translated it in 1921. The last and adequate version of translation of "Boburnoma" was made by the gifted translator and the author of "The Great Mughal Empire" Anna

Maria Shimmel's postgraduate Wheeler Thackston in 1996. Three translations were completed and now we can learn their versions through comparative analysis of original text with target texts.

Historical books reveal more about the writers and their age than about their subject matter. We know little enough about our own deep motives, or the people close to us, let alone about our contemporaries, whom we observe directly; yet we delude ourselves that we can learn the truth about generations and individuals in the far distant past from whatever evidence happens to be available.

Our ancestor Bobur made a great work inheriting us "Boburnoma", such a superb memoirs of his life that contributed a great deal of development to the world's literature by his work. Our main idea is to identify the most adequate translation variant of his memoirs "Boburnoma" and the way of translation of phraseological units among several translations into English. Phrases and phraseological units in English translations in "Boburnoma" were expressed differently, for instance, *passed away, took a flight into another world, went from this world, departed from this filthy world, went to God's mercy, went from this mortal world, toppled into the ravine, gave up the ghost.*

We can find phraseological unit in "Boburnoma" in the following extract: *Бу ўмар дунё учун мундоқ ёмон ишлар қилди. Мундоқ бисёр маъмур вилоят ва мунча қалин яроқлиқ навқар била бир мокиён била ҳам тутушмади. Бу тарихда зикри келгусидур* [12, 50.] Bobur characterized the king of Badakhshan Sulton Mahmud Mirzo and felt very sorry for him and his deeds. Here he highlighted his feeling with the help of phraseological unit. This extract sounds in Russian as: *Ради (благ) сей бральной жизни он совершил столько дурных дел! Владея таким множеством благоустроенных областей и столь большим количеством хо-*

пошло снаряженных нукеров, он (ни разу) не схватился даже с курицей [13, p. 26].

If we compare the meaning of Russian translation version with the original text it is closer to word for word translation than a transformational translation. In this extract “не схватился даже с курицей” is a phraseological unit. We were interested how English translators gave this phraseological unit into English in their translation. Let’s search phraseological unit “бир мокиён била ҳам тутушмадибир мокиён била ҳам тутушмади” in different translations done by John Leyden-William Erskine (1826), Susannah Beveridge (1921) and the last in modern English made by Wheeler Thackston (1996).

The English historian, orientalist John Leyden-William Erskine translated it in this way: *These crimes he perpetrated merely to secure the enjoyment of some poor worldly vanities; yet with all the power of his many and populous territories, in spite of his magazines of warlike stores, and the multitude of his servants, he had not the spirit to face a barn-door chicken* [3, p. 31]. The original phraseological unit “бир мокиён била ҳам тутушмади” translated by the English phraseological unit “to face a barn-door chicken”. Actually English people express a word “chicken” for fearful person. Our point of view is that a king shouldn’t be a fearful person but he may be indolent or idle.

Susannah Beveridge gave another translation variant of this extract: *For this world's sake he did his evil deeds and yet, with lands so broad and with such hosts of armed retainers, he had not pluck to stand up to a hen. An account of him will come into this history* [1, p. 50]. She did effort keeping the meaning of original text giving a phraseological unit “бир мокиён била ҳам тутушмади” – “pluck to stand up to a hen” at the same time using a phraseological unit in her translation. But we think that in

her translation she turned the king into a tranquil person more than a lazy.

Wheeler Thackston gave the most adequate variant of translation to express this phraseological unit: *For the sake of this transitory world he did such evil things, but with so much flourishing territory and so many armed retainers he couldn't say boo to a goose. He will be mentioned in this history* [11, p. 34]. But the king Bobur mentioned another thing when he described his uncle Sultan Makhmudkhan who was the governor of Shohruhiya (present Tashkent) using this phraseological unit “бир мокиён била ҳам тутушмади”. He wanted to say the king that governing with a big army under his conduct even he didn’t fight with any other regions during his life of greatness. He described him as a very idle and indolent person by his character in his book.

Here Wheeler Thackston chose more adequate phraseological unit to the original text. His translation corresponds more to the original text in “Boburnoma” than others. Moreover the translator felt the matter in detail and he approached to the text by the transformational way of translation method but he didn’t lose a phraseological unit where it exists, instead he found the most suitable adequate variant of translation.

Culture can be seen in different fields of activity of a nation. It’s developed during the daily activity of life; customs; kinds of activities, ethnicity, way of living, traditions, pass from generation to generation, time after time. These are depicted in their language and cultural properties of a nation can be noticed in their literature as well. In this way traditions, customs, ethnics and literature of the literary relationship among the nations of the world. Culture is seen in its genre, proverbs, sayings and aphorisms of a nation.

We would like to speak about the different translation properties of proverbs in “Boburnoma”. John Leyden-William Erskine (1826), Susannah Beveridge (1921) and

Wheeler Thackston (1996) and other English translators contributed a lot to the development of the world literature with their English translations. And here we draw our attention to the study of proverbs of “Boburnoma” in different translations into English.

“Boburnoma” was translated into more than thirty languages of the world. Therefore there are some arguments about the translation development of the work. Our aim is to study and compare the cultural properties of proverbs in “Boburnoma” and reveal its adequate translation.

92 nationalities have been living in Central Asia since the ancient times. But we can not find the equivalent of Uzbek proverb like: “We are so welcoming, as to share one raisin among forty friends” Russian or English or German languages. In fact if we examine the meaning of the given proverb for example: one dried raisin can be divided into only six pieces not ten, or for twenty. This means that nation’s ideology is they are so friendly, that they can find a way to one’s heart in any case or in difficult time also. We have found many proverbs in “Boburnoma” that were translated into English differently. We compare its translation among one of them: This proverb is sounded in the original text in this way: *Нечукким дебулар:*

*“Даҳ дарвеш дар гилеме бисбанд,
Ду подшоҳ дар иқлиме нагунжанд.
Ним ноне гар хурад марди худой,
Базли дарвешон кунад ними дигар.
Мулки иқлиме бигарад подшоҳ,
Хамчунон дарбанди иқлиме дигар”* [12, p. 103].

After the Independence of our Republic “Boburnoma” was translated into Russian by the Uzbek scientists: Z. Mashrabov, O. Yunusov, S. Hasanov, A. Qayumov. This proverb is sounded in this following way: *Вед сказано:*

Десять дервишей [мирно] спят на одном ковре,

Два государя не уместятся в одном климате.

Когда ест божий человек половину лепешки,

То другую половину он отдает дервишам.

*Если царь захватит одну климат,
Тол хочется ему захватить и другой климат* [13, p. 77].

John Leyden-William Erskine translated this proverb in the following way: *As they say: (Persian) Ten dervishes may repose on one cloak,*

But two sovereigns cannot be continued in the same climate.

*The man of God, when he eats half a loaf.
Divides the other half among the poor and needy.*

If a king subdues a whole kingdom, nay a climate,

Still, as before, he covets yet another [3, p. 129].

Susannah Beveridge gives her translation version to this proverb; *“For they have said:*

‘Ten darvishes can sleep under one blanket,

But two kings cannot find room in one climate.

*If a man of God eat half a loaf,
He gives the other to a darvish;
Let a king grip the rule of a climate,
He dreams of another to grip’* [1, p. 256].

Wheeler Thackston translated it into Modern English in the following way: *as has been said:*

*‘Ten poor men can sleep on one rug,
but two kings cannot fit into one clime.
If a man of God eats half a loaf of bread,
he gives the other half to the poor:
A king may take possession of an entire clime,*

But he will still hunger for another’ [11, p. 144].

If we analyze the translation of the given proverb and compare their meanings, the first

translators John Leyden-William Erskine tried to extend the meaning of it. It is almost like to word for word translation.

Susannah Beveridge paid attention to the literary point of the text in her translation and made an understandable for the reader. In John Leyden's variant the word "cloak" was changed into "blanket" and in Wheeler Thackston it was changed into "rug".

Wheeler Thackston translated that proverb into Modern English and the rhythm of the proverb was clearly kept in his version. We can say here the last translation done by him corresponds to the original text because keeping the color of the Turkic language he created the adequacy of translation.

In conclusion it must be pointed out that it is not easy to keep the originality in translations of such a great historical and autobiographical masterpiece as "Boburnoma". However, all the above mentioned gifted translators made a huge effort to keep and convey the originality of the work.

Bibliography

1. Beveridge A. S. Babur-nama (in Memoirs of Babur) Translated from the original Turki text of Zahiruddin Muhammad Babur Padshah Ghazi. London-1921. – 880 p.
2. Buranov J. B. A Comparative Typology of English and Turkic languages.
3. Leyden J., Erskine W. Memoirs of Zehir-Ed-Din Muhammed Baber: Emperor of Hindustan and. – London, 1826. – 432 p.
4. Mallayev M. Ozbek adabiyoti tarixi. – Toshkent, 1987. – P. 142.
5. Ma'murov Q. Pardayev Y. Ummondan durdonalar. – Toshkent, 2000. – P. 214.
6. Mominov O. M. Translation history. – Toshkent, 2004. – P. 134.
7. Mominov O. M., Gafurov I., Qambarov N. M. Tarjima nazariyasi asoslari. – Toshkent, 2005. – P. 146.

8. Mominov O. M. Tarjima nazariyasi fanidan ma'ruza matnlari. – Toshkent, 1999. – Pp. 63–68.
9. Musayev Q. Tarjima nazariyasi asoslari. – Toshkent, 2005. – P. 146.
10. Salomov G., Otajonov N. Jahongashta Boburnoma. – Toshkent, 1996.
11. Thackston W. The Baburnama. Memoirs of Babur, prince and emperor. The modern library. – New York, 2002. – PP. 554.
12. Захириддин Мухаммад Бобур. Бобурнома. «Шарк». – Тошкент, 2002. – Б. 335.
13. Захириддин Мухаммад Бобур. Бобур-наме. «Шарк». – Ташкент, 2008. – 242 с.

Bibliography

1. Beveridge A. S. Babur-nama (in Memoirs of Babur) Translated from the original Turki text of Zahiruddin Muhammad Babur Padshah Ghazi. London-1921. – 880 r.
2. Buranov J. B. A Comparative Typology of English and Turkic languages.
3. Leyden J., Erskine W. Memoirs of Zehir-Ed-Din Muhammed Baber: Emperor of Hindustan and. – London, 1826. – 432 r.
4. Mallayev M. Ozbek adabiyoti tarixi. – Toshkent, 1987. – R. 142.
5. Ma'murov Q. Pardayev Y. Ummondan durdonalar. – Toshkent, 2000. – P. 214.
6. Mominov O. M. Translation history. – Toshkent, 2004. – P. 134.
7. Mominov O. M., Gafurov I., Qambarov N. M. Tarjima nazariyasi asoslari. – Toshkent, 2005. – P. 146.
8. Mominov O. M. Tarjima nazariyasi fanidan ma'ruza matnlari. – Toshkent, 1999. – Pp. 63–68.
9. Musayev Q. Tarjima nazariyasi asoslari. – Toshkent, 2005. – R. 146.
10. Salomov G., Otajonov N. Jahongashta Boburnoma. – Toshkent, 1996.
11. Thackston W. The Baburnama. Memoirs of Babur, prince and emperor. The modern library. – New York, 2002. – RR. 554.
12. Zahiriddin Muxammad Bobur. Boburnoma. «Shark». – Toshkent, 2002. – B. 335.
13. Zahiriddin Muhammad Bobur. Babur-name. «Shark». – Tashkent, 2008. – 242 s.

© Teshaboyeva Z., 2016

УДК 808.5

ВЫРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕЧИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**С. А. Зияева**

*Кандидат филологических наук, доцент
Узбекский государственный университет
мировых языков
г. Ташкент, Узбекистан*

**EXPRESSION OF SOCIAL RELATIONS IN SPEECH:
GENDER ASPECT****S. A. Ziyayeva**

*Candidate of Philological Sciences
assistant professor
Uzbekistan State University of World Languages
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. The present article deals with the choice of verbal and non-verbal means of communication due to such sociolinguistic component of the situational context as gender of communication participants. Communicative specificities of men and women in the status-role relationship within different situational contexts have been analyzed, which forms socially marked speech on the lexical, phonetic and grammatical levels. Men and women implement special strategies, which determine the difference between male and female behavior. The choice of a particular type of speech behavior of an individual, depending on his/her status and role-based feature, has been revealed on their role-based features: “subordinate”, “superior” and “equal”. Consequently, the system of linguistic expression ways in gender aspect is cited as well. Gender aspect of the language is on the focus of modern linguistics. Various aspects of behavioral acts of male and female are determined by a number of communicative circumstances which have an impact on the participants’ way of speaking, way of thinking and way of using linguistic means.

Keywords: communication; verbal; non-verbal; gender; social role; sociolinguistic paradigm.

Человек – существо биологическое и социальное, что находит непосредственное отражение в его речевой деятельности в виде гендерно-социолингвистических признаков речи, предопределяющих функционирование различных вариантов и вариаций средств языкового выражения.

Как правило, варианты и вариации средств языкового выражения, обусловленные биологическими и ситуативно-социальными факторами, возникают и бывают уместны в том или ином коммуникативно-ситуационном контексте, который предписывает участникам общения определенные типы речевого поведения. Адекватная же реализация этих типов речевого поведения возможна при условии

правильного их определения и выбора соответствующих способов их языкового выражения.

Как утверждает О. А. Данилина, «каждый поведенческий акт детерминирован целым рядом коммуникативных обстоятельств, определяемых в данной работе как совокупность признаков коммуникативной ситуации, влияющих на поведение участников общения. ...В любой коммуникативной ситуации можно вычленить статусно-релевантные зоны поведения: определенные стратегии речевого и неречевого поведения, подчеркивающие принадлежность говорящего к той или иной группе общества, статусные индексы, которые являются помимовольным показа-

телем принадлежности говорящего к определенному слою общества» [3].

Указанные статусно-релевантные зоны поведения обуславливают выбор говорящим соответствующих способов их выражения:

- 1) способы выражения социального статуса;
- 2) способы выражения социально-психологической дистанции;
- 3) способы выражения неравенства в статусе участников общения;
- 4) способы выражения поведения при симметрических коммуникативных контекстах;
- 5) способы выражения нисходящего статусного вектора и т. п. [3].

Система способов языкового выражения, согласно «Словарю социолингвистических терминов», включает в себя:

- 1) формулы речевого этикета: социально-ситуативная обусловленность употребления местоимений *ты/вы*, форм обращения, форм единственного/множественного числа глаголов и т. п.;
- 2) языковые средства выражения социальных отношений в зависимости от статуса говорящих, занимаемого ими в обществе: равный/различный социальный статус, наставник/ученик, начальник/подчиненный, врач/больной и т. п.;
- 3) языковые средства выражения социальных отношений в зависимости от возрастной категории говорящих: старей/молодой, старший/младший и т. п.;
- 4) языковые средства выражения социальных отношений в зависимости от гендерной принадлежности говорящих: мужчина/женщина, девочка/мальчик и т. п.;
- 5) языковые средства выражения социальных отношений в зависимости от характера побуждения: просьба, приказ, пожелание и т. п. «Большинство таких правил нигде не прописаны, однако для эффективного взаимодействия между носителями языка владение ими необходимо» [5, с. 91].

Итак, коммуникативный контекст предписывает участникам общения определение соответствующего данной ситуации типа речевого поведения и выбор конкретных взаимодополняющих друг друга вербальных и невербальных средств его реализации, в совокупности составляющих социолингвистическую парадигму.

В настоящей статье будут прослежены особенности выбора вербальных и невербальных средств коммуникации, обусловленного таким социолингвистическим компонентом ситуативного контекста, как половая принадлежность участников общения.

Гендерные отличия речевого поведения, по утверждению Е. М. Бакушевой, предопределяются статусно-ролевыми характеристиками индивидов: в основе мужского речевого поведения лежит «сравновательный» тип, в основе женского речевого поведения – «сотрудничающий» [1]. Автор указывает на преобладание эмоциональности, субъективности, более развитых языковых особенностей в речевом поведении женщин, в то время как у мужчин больше креативного словотворчества, юмора, а также подчеркивает первостепенность социальных факторов в мужском и женском речевом поведении, на которые наслаиваются биологические характеристики: «Социальное в конечном счете детерминирует состояние биологического: указанные особенности входят в понятие стереотипов маскулинности/фемининности, тем самым они становятся частью общественного образования и подкрепляются общественными нормами поведения» [1].

Мужчины и женщины реализуют разные стратегии, которые и детерминируют отличие между мужским и женским поведением:

- в смешанных диалогах в два раза больше встречаются мужские инициативные реплики: мужчины более инициативны;

- инициативные реплики мужчин чаще всего содержат вопрос – вопросы преимущественно задает тот, кто занимает позицию вышестоящего;

- женщины задают вопросы в противоположных целях: для выражения просьбы, требования, совета;

- язык женщин более вежлив, в то время как в языке мужчин превалирует в два раза стилистически заниженная лексика из разговорной речи, просторечия, арго;

- женщины часто употребляют обращения, что характерно сотрудничающему речевому поведению;

- в речи женщин заметно стремление к самоутверждению в обществе за счет высокой коммуникативной компетенции [1].

Мужчины и женщины по-разному ведут себя не только в статусно-ролевом отношении, но и в разных ситуативных контекстах. Например, в положении нижестоящего женщина будет сдерживать свои эмоции, а мужчина может позволить себе их проявить [1].

В целом же, как утверждает Е. М. Бакушева, социальные отношения между мужчинами и женщинами асимметричны: «Несмотря на демократические процессы, происходящие в современном западном обществе, наблюдается фактическое неравенство женщин, т.к. обязанности, связанные с функцией материнства, воспитания детей, обслуживания семьи не всегда позволяют женщине в полной мере использовать равные с мужчинами права и возможности» [1]. Наблюдаемая асимметричность находит свое отражение и в речевом взаимодействии мужчин и женщин.

М. А. Гусева в статье «Гендерные и социолингвистические характеристики языковой личности» подходит к проблеме социолингвистической обусловленности речи через понятие языковой личности, коммуникативные действия которой осуществляются под воздействием личностных, гендерных и социальных факторов.

Языковая личность, как отмечает автор, может проявляться только в социуме, в котором она занимает свою социальную позицию и в соответствии с ней реализует свои социальные роли: «... в процессе социализации человек приобретает определенную позицию в обществе в соответствии с его уровнем образования, профессией, возрастом, индивидуальными особенностями и т. д. – *социальный (присваиваемый) статус*. Согласно социальному статусу, человеку атрибутируются права и обязанности, а также вытекающий отсюда комплекс стандартных ожиданий поведения – *социальная роль*, обуславливающая речевое поведение в каждой конкретной ситуации общения» [2, с. 27].

Итак, выполняемая индивидом социальная роль предписывает ему определенное речевое поведение. Выбор конкретного вида речевого поведения индивидом зависит от его статусно-ролевого признака: «нижестоящий», «вышестоящий», «равный».

В соответствии с выбранным речевым поведением индивид строит свою речь, которая, в свою очередь, отражает в себе статусно-ролевые и другие признаки говорящего. Иначе говоря, речь становится социально маркированной.

Социальная маркированность речи может отражаться и на лексическом, и на произносительном, и на грамматическом уровнях. Примечателен тот факт, что социально маркированные языковые единицы в речи несут в себе информацию «в первую очередь о субъекте, а не объекте оценки» [2, с. 29].

Следует обратить внимание еще на один аспект в работе М. А. Гусевой – аспект изучения взаимосвязи репрезентации социального статуса и выбора стиля речи. Выбор стиля может выступать одним из средств репрезентации социолингвистической характеристики субъекта речи. Например, беседа на литературном языке

в неформальной ситуации характеризует социальное неравенство участников коммуникации, а разговорный стиль в официальной обстановке – отсутствие между ними социального барьера [2, с. 30].

С. А. Корочкова в работе «Социолингвистическая характеристика рекламных текстов в гендерном аспекте (на материале русскоязычных журналов)» рассматривает специфику языкового оформления рекламных текстов, предназначенных для мужчин и женщин. По результатам исследования, автор делит рекламу на три вида:

1. Мужская реклама – реклама, ориентированная на мужчин.
2. Женская реклама – реклама, ориентированная на женщин.
3. Гендерно-нейтральная реклама – реклама, ориентированная и на мужчин, и на женщин [4].

Основой выделения данных видов рекламы служат такие критерии, как: тема, способы номинации и характеристики товара, невербальные компоненты, речевые стратегии и тактики рекламирования, особенности мужской и женской речи [4].

Определение адресата рекламы в большинстве случаев заложено уже в тематике рекламных текстов: какой товар – мужской или женский – рекламируется. Однако товар может быть предназначен и мужчинам, и женщинам и определить адресата возможно только по лингвистическим особенностям рекламного текста: использование ассоциативных конструкций, сравнений, метафор, лексики, репрезентирующей мир адресата и его характеристики и др.

В целом, как утверждает С. А. Корочкова, гендерная «ориентация рекламных текстов проявляется только на уровне лексики и практически не выражена на остальных языковых уровнях. Также очень редко используются в рекламе особенности речи мужчин и женщин, разли-

чия в коммуникативных стратегиях и тактиках» речи английской аристократии [4].

Констатируя тот факт, что в «гендерно ориентированной рекламе пол адресата во многом определяет ее языковые особенности», автор вместе с тем признает, что «язык и коммуникационные особенности индивида зависят не только от его пола, но также и от других его социальных характеристик, таких, как возраст, образование, социальный статус, место жительства, а также и от ситуации общения» [4].

А. С. Черноусова в своей работе «Лексическая единица и ее запоминание: социолингвистическое исследование» преследует цель определить, как влияют на процесс запоминания биологические, в том числе и гендерные, и социальные характеристики информантов, и методом моделирования процесса запоминания выявляет факторы, способствующие данному процессу.

На процесс запоминания лексических единиц информантами – женщинами и мужчинами разных возрастных категорий и рода деятельности – влияют три основных фактора:

- 1) лексическая единица имеет фонетически маркированную форму;
- 2) лексическая единица семантически неординарна;
- 3) лексическая единица содержит прагматическую информацию, связанную с социально-биологическими характеристиками говорящих [6].

Автору работы удалось построить две модели (лингвистическую и социолингвистическую) с учетом того, что влияет на процесс запоминания лексических единиц: параметры самого слова или же социобиологические характеристики информантов. При этом под параметрами слова автор рассматривает конкретность/абстрактность семантики, типичность/неординарность его формы для русского языка, а под социобиологиче-

скими характеристиками информантов – возраст, пол, специальность [6].

В результате исследования процесса запоминания лексических единиц по указанным двум моделям А. С. Черноусова приходит к ценным выводам о том, что с лингвистической точки зрения легче запоминаются слова с конкретной семантикой и типичной для русского языка формой слова, а с социолингвистической точки зрения на процесс запоминания лексических единиц влияют преимущественно возраст и пол (лучше запоминают информанты в возрасте до 35 лет и женского пола), а специальность при этом не оказывает заметного влияния [6].

Следует обратить внимание еще на одну закономерность, которую удалось установить А. С. Черноусовой: информанты-негуманитарии и информанты-мужчины запоминают слова с абстрактной семантикой и нетипичной для русского языка формой более успешно, чем информанты других подгрупп [6].

Как нам представляется, данные выводы должны найти широкое применение не только в исследованиях научно-теоретического характера, но и непосредственно в лингвометодике.

Итак, в социолингвистической парадигме, сопутствующей каждой сфере и ситуации общения, немаловажное значение имеют гендерные характеристики участников коммуникативного акта, которые прямо или опосредованно влияют на выбор вербальных и невербальных средств выражения коммуникации в целом и речевого поведения в частности.

Библиографический список

1. Бакушева Е. М. Социолингвистический анализ речевого поведения мужчины и женщины (на материале французского языка): Дисс. ...канд. филол. наук. – М., 1995. – 193 с.
2. Гусева М. А. Гендерные и социолингвистические характеристики языковой личности. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2008. – № 1 (1): в 2-х ч. Ч. II. – С. 25–30.
3. Данилина О. А. Выражение типов поведения в письменной речи современного немецкого языка: Дисс. ...канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2002. – 207 с.
4. Корочкова С. А. Социолингвистическая характеристика рекламных текстов в гендерном аспекте (на материале русскоязычных журналов): Дисс. ...канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2004. – 230 с.
5. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.
6. Черноусова А. С. Лексическая единица и ее запоминание: социолингвистическое исследование: Дисс. ...канд. филол. наук. – Пермь, 2008. – 189 с.

Bibliografickij spisok

1. Bakusheva E. M. Sociolingvisticheskij analiz rechevogo povedenija muzhchiny i zhenshhiny (na materiale francuzskogo jazyka): Diss. ...kand. filol. nauk. – M., 1995. – 193 s.
2. Guseva M. A. Gendernye i sociolingvisticheskie harakteristiki jazykovoj lichnosti. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov : Gramota, 2008. – № 1 (1): v 2-h ch. Ch. II. – S. 25–30.
3. Danilina O. A. Vyrazhenie tipov povedenija v pis'mennoj rechi sovremennogo nemeckogo jazyka: Diss. ...kand. filol. nauk. – Nizhnij Novgorod, 2002. – 207 s.
4. Korochkova S. A. Sociolingvisticheskaja harakteristika reklam-nyh tekstov v gendernom aspekte (na materiale russkojazychnyh zhurnalov): Diss. ...kand. filol. nauk. – Sankt-Peterburg, 2004. – 230 s.
5. Slovar' sociolingvisticheskikh terminov / otv. red. V. Ju. Mi-hal'chenko. – M., 2006. – 312 s.
6. Chernousova A. S. Leksicheskaja edinica i ee zapominanie: so-ciolingvisticheskoe issledovanie: Diss. ...kand. filol. nauk. – Perm', 2008. – 189 s.

© Зияева С. А., 2016

Právní vědy

УДК 347.965:061.2

ФОРМИРОВАНИЕ НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ
БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

В. Н. Немечкин
В. С. Юртайкина

*Кандидат юридических наук, доцент
студентка
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва
г. Саранск, Республика Мордовия, Россия*

ETHICAL FOUNDATIONS INTERROGATION OF JUVENILE

V. N. Nemechkin
V. S. Yurtaikina

*Candidate of Legal Sciences
student
Ogarev Mordovia State University
Saransk, Republic of Mordovia, Russia*

Abstract. The Constitution of the Russian Federation clearly has the rights and duties of citizens, one of those rights is the right of citizens to qualified free legal assistance. The article analyzes the system of free legal assistance in the Russian Federation, participants of which are the legal clinics (student legal bureaus, student counseling offices and others.), non-governmental centers of free legal aid and public organizations. Free legal assistance is provided in the form of counseling, both in writing and orally, to help citizens make complaints, petitions, motions and many other legal documents. The article says that the non-state system of providing free legal aid in the Russian Federation is at an early stage of its development, but it is moving in the right direction.

Keywords: free legal assistance; non-government system; legal clinic; centers of free legal aid; public organizations.

В Конституции РФ четко закреплены права и обязанности граждан, одним из таких прав является право граждан на получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой бесплатно.

Участниками негосударственной системы бесплатной юридической помощи в Российской Федерации выступают юридические клиники, негосударственные центры бесплатной юридической помощи и общественные организации.

Практическая деятельность юридических клиник имеет давнюю историю. Первые клиники были открыты еще в середине XIX века в России, а на данный

период времени клиническое движение уже получило широкое развитие по всему миру. В России регулирует работу юридических клиник, такой документ как, Приказ Министерства образования и науки России от 28 ноября 2012 г. № 993, он устанавливает правила создания образовательными учреждениями юридических клиник, а так же порядок их деятельности. Клиники оказывают бесплатную правовую помощь в виде консультирования, как в письменной, так и устной форме, помогают гражданам составлять жалобы, заявления, ходатайства и многие другие документы правового характера.

Бесплатная юридическая помощь, оказывается, по месту нахождения клиники. Помощь осуществляется как в ходе личного приема граждан, так и дистанционно, но и практикуется такой метод как проведение выездных мероприятий.

Особенностью оказания юридических услуг в юридической клинике является ее целевая аудитория, чаще всего услуги предоставляются социально слабо защищенным слоям населения, которые не могут самостоятельно своими силами справиться со стоящими перед ними правовыми проблемами, для них данная услуга проста необходима. Клиники большую роль играют в защите прав человека и гражданина, в разрешение различных правовых споров и конфликтов [2, с. 173–181]. Сегодня юридическая клиника – это одна из немногих организаций в профессиональном юридическом образовании, которая эффективно вводит студента в существующую практическую деятельность юриста и образует его профессиональные навыки, побуждает студента к совершению выбора предстоящей сферы деятельности [1, с. 97].

Юридические клиники также активно взаимодействуют с органами государственной власти, активно сотрудничают с органами прокуратуры [3, с. 83–84]. Во многих субъектах Российской Федерации юридические клиники, которые расположились при вузах, стараются активно взаимодействовать и поддерживать связи с Ассоциацией юристов России, Уполномоченным по правам человека, Уполномоченным по правам ребенка [4, с. 117].

Юридические услуги, наряду с клиниками оказывают также и негосударственные центры бесплатной юридической помощи. Они могут образовываться как самостоятельные юридические лица, либо в форме структурных подразделений юридического лица. Центрам дается право самостоятельно определять виды юриди-

ческих услуг, категории граждан, которым будет оказываться помощь. Данные центры со временем приобретают все больше доверия и популярности, они делают большой вклад в деятельность по оказанию бесплатных правовых услуг нуждающимся гражданам.

В негосударственной системе бесплатной юридической помощи активно развиваются общественные организации, которые так же удовлетворяют потребности граждан в получении бесплатной правовой помощи. Основными видами деятельности данных организаций является правовое просвещение населения и оказание помощи слабозащищенным слоям населения.

Можно сказать, что негосударственная система оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации находится на начальном этапе своего развития, но, несомненно, движется в нужном направлении. На много вопросов, еще нужно найти ответы в данной области. Так же еще рано говорить о полном завершении формирования в субъектах Российской Федерации полной нормативной правовой базы охватывающей данную сферу. Большая часть региональных законов приняты сравнительно недавно, а также подготовка и принятие подзаконных актов завершены не во всех субъектах Российской Федерации. Несомненно, очень важно развивать взаимодействие между участниками, как государственной, так и негосударственной систем бесплатной юридической помощи.

Библиографический список

1. Брыжинская Г. В., Курмаева Н. А. Психологические аспекты первичной беседы с клиентом при оказании ему бесплатной юридической помощи // *Paradigmata poznání*. – 2014. – № 4. – С. 96 – 98.
2. Левин В. Ф., Брыжинский А. А., Худойкина Т. В. Перспективы развития альтернативных форм разрешения правовых споров и

- конфликтов // Вестник Мордовского университета. – 2006. – Т. 16. – № 1. – С. 173–181.
3. Пахомова С. Ю., Сливина И. А. Общественно-государственное партнерство в сфере правового просвещения: проблемы формирования системы оказания бесплатной юридической помощи в регионе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 4 (35). – С. 80–84.
 4. Худойкина Т. В. Законодательные основы и практические проблемы оказания бесплатной юридической помощи в Республике Мордовия // Финно-угорский мир. – 2013. – № 3 (16). – С. 115–119.
- Bibliografickij spisok**
1. Bryzhinskaja G. V., Kurmaeva N. A. Psihologicheskie aspekty pervichnoj besedy s klientom pri okazanii emu besplatnoj juridicheskoy pomoshhi // Paradigmata poznani. – 2014. – № 4. – С. 96–98.
 2. Levin V. F., Bryzhinskij A. A., Hudojkina T. V. Perspektivy razvitiya al'ternativnyh form razresheniya pravovyh sporov i konfliktov // Vestnik Mordovskogo universiteta. – 2006. – Т. 16. – № 1. – С. 173–181.
 3. Pahomova S. Ju., Slivina I. A. Obshhestvenno-gosudarstvennoe partnerstvo v sfere pravovogo prosveshhenija: problemy formirovaniya sistemy okazaniya besplatnoj juridicheskoy pomoshhi v regione // Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. – 2013. – № 4 (35). – С. 80–84.
 4. Hudojkina T. V. Zakonodatel'nye osnovy i prakticheskie problemy okazaniya besplatnoj juridicheskoy pomoshhi v Respublike Mordovija // Finno-ugorskij mir. – 2013. – № 3 (16). – С. 115–119.

© Немечкин В. Н., Юртайкина В. С., 2016

УДК 340. 114. 5

**ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН
КАК ФАКТОР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ****Т. В. Худойкина
Е. В. Домнина***Доктор юридических наук, профессор
студентка
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва
г. Саранск, Республика Мордовия, Россия***IMPROVING LEGAL CITIZENS AS A FACTOR OF PREVENTION
OF CONFLICT OF LAW****T. V. Hudoykina
E. V. Domnina***Doctor of Legal Sciences
student
Ogarev Mordovia State University, Saransk
The Republic of Mordovia, Russia*

Abstract. This article is dedicated to one of the main objectives of the state at the present stage – the problem of raising the level of legal awareness of citizens. An overview of the characteristics of the theoretical categories and reveals the mechanism of raising the level of legal awareness. Showing the role of legal education in raising the level of legal awareness of citizens. It determines the category of "Prevention" factors. Detailed analysis of this form of legal education as legal education. Legal training is seen as a basic condition for raising the level of legal awareness of citizens as a factor in the prevention of legal conflicts. The essence and content of clinical legal education. Particular attention is paid to the activities of legal clinics, and their role in the practice-oriented training.

Keywords: sense of justice; legal education; legal institutions; legal clinics; prevention; factor.

В современном обществе все больше возрастает роль конфликтных ситуаций. Их характер и уровень обуславливаются негативными явлениями, пути преодоления которых составляют факторы предупреждения юридического конфликта [3, с. 52]. Такие факторы представляют собой профилактические мероприятия, которые способствуют устранению возникших противоречий между гражданами путём повышения их правосознания.

Многие юридические конфликты возникают в связи с тем, что субъекты не знают прав и обязанностей, не владеют информацией о способах защиты своих законных интересов. Поэтому для того, чтобы предотвратить многие конфликты в

правовой сфере необходимо повышать уровень правового сознания граждан.

Под правосознанием следует понимать совокупность представлений, чувств, взглядов, эмоций, настроений, которые выражают отношение людей к действующему и желаемому праву. Правосознание дуалистично по своей природе. Оно является отражением права в сознании индивидов и одновременно является результатом этого отражения, влияет на формирование правовых и психологических установок, ценностных ориентаций [1, с. 154–156], регулирующих поведение в определенных юридически значимых ситуациях.

Основную проблему на современном этапе представляет низкий уровень правового сознания и правовой культуры граждан.

дан нашей страны, что ведет к появлению правового нигилизма. Одной из важнейших составных частей всей работы по повышению правосознания, являются активные меры по правовому воспитанию граждан. Под правовым воспитанием следует понимать целенаправленный педагогический процесс, который направлен на сознание индивидов с целью формирования у них высокого уровня правосознания. Правовоспитательный процесс имеет свои формы: правовое обучение, правовая пропаганда, правовая практика. Особую роль в повышении правосознания играет такая форма правового воспитания как правовое обучение.

Российская система юридического образования включает деятельность высших и средних юридических учебных заведений, высших учебных заведений не юридического профиля и учреждений среднего образования. На современном этапе во избежание низкого уровня правового сознания в различных учебных заведениях необходимо вводить специальные курсы по правовой грамотности. Курсы будут включать в себя мероприятия по проведению правовых семинаров и уроков. Можно выделить три этапа мероприятий по повышению правосознания граждан с помощью такой основной формы правового воспитания как правовое обучение.

Первый этап – это правовое информирование школьников. Учеными давно установлено, что чем моложе человек, тем его мозг более восприимчив к новой информации. Поэтому начинать правовое воспитание нужно с детских лет. Для этого школам необходимо вводить в учебную программу специальный предмет, посвященный правам человека и их защите, в результате которого у учеников будут формироваться знания, умения и навыки в правовой сфере. В некоторых вузах преподается учебная дисциплина «Теория и методика обучения праву». Студенты

юридического факультета после определенного количества лекций и семинаров, разрабатывают самостоятельно ход урока, потом согласовывают его с преподавателем, затем студенты отправляются в учреждения среднего образования для преподавания урока по праву.

Второй этап – это клиническое обучение. Оно является дополнением к стандартному юридическому образованию, которое способствует приобретению практического опыта студентами. Во многих вузах действуют юридические клиники, где студенты оказывают бесплатную юридическую помощь малоимущим гражданам и одновременно обучаются навыкам, которые в дальнейшем им пригодятся на практике [2, с. 97]. Студенты работают в клиниках уже в качестве юристов: самостоятельно принимают и опрашивают граждан, дают консультации, составляют различные правовые документы и т. д.

Главная задача, стоящая перед школами, средними специальными учебными заведениями и высшими учебными заведениями – это сформировать высокий уровень правовой грамотности и правосознания учеников и студентов.

Третьим этапом можно ввести тематические курсы, семинары, лекции по правовым вопросам для людей различных профессий, которые могут читать преподаватели различных высших учебных заведений, сотрудники органов государственной власти, что так же будет способствовать повышению уровня правосознания.

Итак, правосознание является важнейшим показателем развития правовой жизни общества. Чем выше будет уровень правового сознания граждан нашей страны, тем меньше будет возникать конфликтных ситуаций и конфликтов в правовой сфере. Повышение правосознания граждан с помощью такой основной формы правового воспитания как правовое

обучение является наиболее эффективным, так как правовое обучение способствует увеличению правовых знаний и позитивного к нему отношения.

Библиографический список

1. Борисов Н. А., Брыжинская Г. В. Психология участников правового конфликта // Евразийский научный журнал. – 2015. – № 6. – С. 154–156.
2. Брыжинская Г. В., Курмаева Н. А. Психологические аспекты первичной беседы с клиентом при оказании ему бесплатной юридической помощи // Paradigmata poznání. – 2014. – № 4. – С. 96–98.
3. Васягина М. М., Захряпин А. В. Факторы предупреждения юридического конфликта // Грамота. – 2015. – № 2 (52): в 2-х ч. Ч. II. – С. 51–54.

Bibliograficheskiy spisok

1. Borisov N. A., Bryzhinskaja G. V. Psihologija uchastnikov pravovogo konflikta // Evrazijskiy nauchnyj zhurnal. – 2015. – № 6. – S. 154–156.
2. Bryzhinskaja G. V., Kurmaeva N. A. Psihologicheskie aspekty pervichnoj besedy s klientom pri okazanii emu besplatnoj juridicheskoy pomoshhi // Paradigmata poznani. – 2014. – № 4. – S. 96–98.
3. Vasjagina M. M., Zahryapin A. V. Faktory preduprezhdenija juridicheskogo konflikta // Gramota. – 2015. – № 2 (52): v 2-h ch. Ch. II. – S. 51–54.

© Худойкина Т. В., Домнина Е. В., 2016

Pedagogické vědy

УДК 37.025.3

РАЗВИТИЕ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
СПОСОБНОСТИ К ПОНИМАНИЮ ЭМОЦИЙ ЧЕЛОВЕКА
В ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДИДАКТИЧЕСКИХ ИГР
(статья первая)

И. О. Карелина

*Кандидат педагогических наук, доцент
Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского
г. Ярославль, Россия*

DEVELOPMENT OF SENIOR PRESCHOOLERS' ABILITY TO UNDERSTANDING
OF HUMAN EMOTIONS IN THE PROCESS OF ORGANIZATION
OF DIDACTIC GAMES
(first article)

I. O. Karelina

*Candidate of Pedagogical Sciences
assistant professor
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky
Yaroslavl, Russia*

Abstract. The article is devoted to the issue of developing emotional and perceptive ability at senior preschoolers. The study object is the process of development of understanding human emotions by preschool children. The data of foreign and native studies of the possibilities of understanding human emotions by children aged 5–7 are provides. The study subject is the content of didactic games, which are lined up in a particular sequence taking into account the level of understanding emotions by preschoolers. At the context of this article the didactic games aimed at development of recognition, verbalization and expression of human emotions by children are considered.

Keywords: emotional and perceptive ability; understanding emotions; identification of facial expressions; didactic game.

Мы не только испытываем эмоции, но и пытаемся различными способами их понять, чтобы предсказать эмоциональные реакции и управлять соответствующим образом собственным поведением.

S. C. Widen, J. A. Russell

Способность к пониманию эмоций составляет когнитивный компонент эмоциональной сферы и интерпретируется в таких аспектах, как: *способность пони-*

мать язык эмоций (I. Bretherton et al., 1986); *каузальное понимание связей* между последовательностью компонентов (понимание лицевой экспрессии, ситуативных причин, связи между желанием и эмоцией и др.), основанное на сложном наборе скриптов для каждой категории эмоций (P. L. Harris, 2008; S. C. Widen, J. A. Russell, 2008); *основа эмоциональной компетентности* (S. A. Denham et al., 2003; C. Saarni, 1999); *компонент эмоцио-*

нального интеллекта, то есть способность понимать и анализировать эмоциональную информацию (P. Salovey et al., 2008); *компонент целостной системы репрезентаций внутренних состояний* (О. А. Прусакова, 2005, 2009); *составляющая эмоционально-перцептивной способности*, формирующейся в процессе взаимодействия ребенка со взрослыми и сверстниками, и обеспечивающей возможность адекватного восприятия и понимания эмоций человека [1].

Понять эмоцию – значит, прежде всего, интерпретировать воспринятое эмоциональное состояние человека: дать вербальное обозначение эмоции, выделить экспрессивные и импрессивные признаки, содержательные характеристики с обозначением причин и последствий возникновения эмоции. На протяжении дошкольного периода дети выстраивают понимание общих эмоциональных ситуаций, создавая сценарии причин возникновения отдельных эмоций по отношению к себе, сверстникам, родителям. Установлено, что дошкольники, которые могут определить лицевую экспрессию сверстников или понять их эмоции в различных социальных контекстах, склонны реагировать просоциально на эмоциональные проявления сверстников [3].

По данным исследований, к 5 годам дети способны словесно обозначить и описать причины возникновения эмоций счастья, печали, гнева, страха, удивления и отвращения [4]. К 5–6 годам дошкольники способны понять простые (*радость, страх, печаль, гнев*) и социальные эмоции (*обида, стыд, вина*), а к 7 годам – сложные эмоции (*отвращение, презрение, удивление*) [1; 2]. Заметим, что своевременное развитие у детей понимания общих аспектов эмоций – способов выражения, ситуативных причин, влияния внешних напоминаний о событии как активаторе эмоции, – необходимое условие по-

нимания детьми менталистских аспектов эмоций и влияния рефлексии и размышлений на возникновение эмоции [4].

Развитие эмоционального интеллекта детей рассматривается в Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования как одно из направлений социально-коммуникативного развития дошкольников, что, в свою очередь, требует от педагогов использования в образовательном процессе адекватных дошкольному возрасту способов развития у детей понимания эмоций человека. Одним из таких способов являются дидактические игры, позволяющие решить задачу обучения старших дошкольников языку эмоций в игровой форме.

Дидактическая (обучающая) игра соединяет в себе познавательное и игровое начала, содержит определенные структурные элементы (дидактическую задачу, игровую задачу, игровые действия, правила игры, результат) и выступает в образовательном процессе как форма организации совместной образовательной деятельности педагогов и детей, как метод обучения, как вид самостоятельной деятельности дошкольников (А. К. Бондаренко, 1991; С. А. Козлова, Т. А. Куликова, 2002; С. Л. Новоселова, 1989; А. И. Сорокина, 1982 и др.).

Вместе с тем, в образовательном процессе детского сада недостаточно используются возможности дидактических игр для развития у старших дошкольников понимания эмоций. И здесь просматривается следующее противоречие: с одной стороны, за прошедшие 20 лет расширился перечень практических пособий по данному направлению развития личности ребенка, в частности, различные варианты настольно-печатных дидактических игр по развитию у детей 5–10 лет умений распознавать и сравнивать эмоции предложены Н. Л. Белопольской (1994),

Ю. Б. Гиппенрейтер (2014), Н. С. Ежковой (2010), П. В. Ждановой (2005), О. Л. Князевой (2003), М. Лебедевой (2011), М. Н. Мамаевой и О. В. Русаковой (2006), В. М. Минаевой (2003), Г. Прохоровой (1999) и др.

С другой стороны, вышеперечисленные игры не имеют четкой структуры дидактической игры; авторы не выстраивают последовательность организации игр с учетом усложнения уровня понимания детьми эмоций; весьма сомнительно, что при использовании наборов карточек с изображениями не только людей, но и зверей, птиц, рыб, сказочных персонажей с различными эмоциональными выражениями, возможно развить у детей способность к пониманию эмоций человека.

Учитывая, что наиболее общей является интерпретация понимания как процесса, состоящего из последовательности уровней, мы считаем целесообразным выделить 3 этапа организации игр с учетом совершенствования уровня понимания детьми эмоций [2]: от понимания эмоций на уровне словесного обозначения и описания экспрессии (I этап) до понимания эмоций на уровне их осмысления в форме описания (II этап) и, наконец, – в форме истолкования и проявления эмпатии (III этап).

На основе данных отечественных и зарубежных исследований особенностей понимания эмоций дошкольниками нами было разработано содержание 10 дидактических игр и определены этапы их организации с целью развития у детей старшего дошкольного возраста понимания основных эмоциональных состояний человека, таких как радость, печаль, гнев, страх, отвращение, стыд-вина, презрение, удивление. Варианты игр были апробированы под нашим руководством в 5 дошкольных образовательных организациях г. Рыбинска, Большесельского и Некоузского районов Ярославской области с участием 86 детей 5–7 лет.

В рамках данной статьи мы остановимся на содержании 5 дидактических игр, относящихся к *первому этапу* развития у старших дошкольников понимания эмоций *на уровне словесного обозначения и описания экспрессивных признаков эмоций*. Распознавание эмоций по лицевой экспрессии составляет ядро эмоционально-перцептивной способности и является механизмом восприятия и понимания эмоций [1]. Степень владения словесными обозначениями эмоций и умение выделять их экспрессивные признаки являются условиями понимания эмоций [2].

На этом этапе организуются следующие *дидактические игры на распознавание, вербализацию и воспроизведение детьми эмоций человека*.

1. Дидактическая игра «Угадай настроение».

Наглядный материал: наборы пиктограмм эмоций различной модальности – радость, печаль, гнев, страх, отвращение, стыд-вина, презрение, удивление (см. ил. в кн.: Изотова Е. И., Никифорова Е. В. «Эмоциональное развитие ребенка: Теория и практика», 2004).

Дидактическая задача: упражнять детей в распознавании и словесном обозначении эмоций по схематическому изображению.

Игровая задача: угадать настроение человека.

Игровое правило: правильно назвать настроение человека и найти карточку со схематичным изображением такого же настроения.

Игровые действия: рассматривание эмоций, изображенных схематически; называние эмоций; поиск пиктограмм; воссоздание эмоций в собственной мимике и позе; рисование эмоционального состояния.

Ход игры. Игра проводится в подгруппе из 4–6 человек, для каждого игрока подготовлен набор пиктограмм. На

столе перед педагогом и детьми выложены 8 пиктограмм. Педагог поочередно показывает пиктограммы, просит детей назвать настроение и выбрать из наборов пиктограмм карточку с изображением такого же настроения. Ведущим отмечаются правильные ответы. *Усложнения:* 1) продемонстрировать эмоцию с помощью мимики; 2) рассказать про свою радость, печаль и т. д. («А с тобой случалось такое, когда ты также радовался / грустил и т. д.?»); 3) дорисовать человека в определенном настроении, используя заготовку (1/2 альбомного листа с изображением одной из 8 пиктограмм); 4) нарисовать схематически выражение лица человека с тем или иным настроением.

2. Дидактическая игра «Расскажи о настроении».

Наглядный материал: карточки с изображениями детей и взрослых в эмоциональных состояниях радости, печали, страха, гнева, стыда-вины, отвращения, удивления (см.: Лебедева М. «Азбука развития эмоций ребенка», 2011; Жданова Л. В. «Театр настроений», 2005).

Дидактическая задача: упражнять детей в идентификации, вербализации и воспроизведении эмоций изображенных людей.

Игровая задача: рассказать о настроении человека.

Игровое правило: правильно назвать настроение человека при восприятии наглядного изображения, по показу (рассказу) водящего.

Игровые действия: рассматривание и называние эмоций изображенных на карточках людей; опознание эмоций, выраженных невербально; узнавание эмоций по словесному описанию экспрессии.

Ход игры. Игра проводится в подгруппе из 4-6 человек. Ведущий, в роли которого сначала выступает педагог, а затем, по мере освоения содержания игры, один из детей, показывает карточки с

изображениями людей в разных состояниях по одной и просит назвать настроения. Ведущим отмечаются правильные ответы. *Усложнения:* 1) назвать и показать эмоцию с помощью мимики и пантомимы; 2) не показывая карточку, выразительно передать эмоцию изображенного человека; 3) не показывая карточку, перечислить элементы экспрессии изображенного человека («улыбается», «уголки губ опущены», «брови нахмурены» и пр.).

3. Дидактическая игра «Веселые – грустные».

Наглядный материал: карточки с изображениями мальчика, девочки, женщины и мужчины в состояниях радости, печали, страха, гнева, стыда-вины (см.: Лебедева М. «Азбука развития эмоций ребенка», 2011).

Дидактическая задача: упражнять детей в умении группировать карточки с изображениями детей и взрослых, объединенных по признаку общности эмоциональных состояний.

Игровая задача: найти всех людей с одинаковым настроением.

Игровое правило: собрать все карточки с изображениями людей с одинаковым настроением, обосновать свой выбор.

Игровое действие: поиск карточек с изображениями людей, объединенных по признаку общности эмоциональных состояний.

Ход игры. Игра проводится в подгруппе из 5 человек. На столе разложены карточки с изображениями детей и взрослых с различными выражениями лица. Педагог предлагает каждому игроку собрать карточки с изображениями людей с определенным настроением (все веселые, все грустные и т. п.). Выигрывает тот, кто быстрее других соберет карточки с изображениями людей с тем или иным настроением. *Усложнение:* придумать историю о детях и взрослых с одинаковым настроением.

4. Дидактическая игра «Найди пару».

Наглядный материал: см. материал к дидактической игре № 1; фотографии лиц людей (детей) с разными эмоциональными состояниями: радость, печаль, гнев, страх, отвращение, стыд, удивление (см.: «Эмоции: дидактические карточки для ознакомления с окружающим миром»).

Дидактическая задача: упражнять детей в умении сопоставлять пиктограммы и изображения людей с различными выражениями лица.

Игровая задача: найти пару для каждого настроения.

Игровое правило: найти пиктограмму с изображением такого же настроения, как у человека на фотографии, обосновать свой выбор.

Игровое действие: поиск и сопоставление пиктограмм и фотографий лиц людей (детей) с различными эмоциональными выражениями.

Ход игры. Игра проводится в подгруппе из 4–6 человек. На столе перед педагогом и детьми разложены отдельно пиктограммы и фотографии (лицевой стороной вниз) с изображениями детей в разных эмоциональных состояниях. Педагог предлагает игрокам выбрать наугад по одной фотографии и подобрать к ней пиктограмму со схематичным изображением такого же настроения, как у ребенка на фотографии. Самые точные ответы детей при обосновании выбора отмечаются ведущим.

Усложнения: 1) предложить мальчикам соотнести пиктограммы и фотографии мальчиков с тем или иным настроением, девочкам – пиктограммы и фотографии девочек; 2) назвать причину конкретного эмоционального состояния девочки (мальчика); 3) соотнести пиктограммы и фотографии лиц детей и взрослых с различными эмоциональными выражениями, положив под каждой пиктограммой соответствующую фотографию (используется расширенный набор фото-

графий, обязательное требование при отборе фотографий – высокая степень интенсивности изображенной эмоции).

5. Дидактическая игра «Театр настроений».

Наглядный материал: см. материал к дидактическим играм № 1, 3.

Дидактическая задача: упражнять детей в умении распознавать экспрессивные признаки эмоций в процессе сопоставления пиктограмм и изображений людей (детей и взрослых) с различными эмоциональными состояниями: радость, печаль, страх, гнев, стыд-вина.

Игровая задача: найти всех людей с таким же настроением, как на карточке (пиктограмме).

Игровое правило: собрать на свою карту (пиктограмму) 4 карточки с изображениями людей с таким же настроением.

Игровое действие: поиск и сопоставление пиктограмм и карточек с изображениями людей, объединенных по признаку общности эмоций.

Ход игры. Игра проводится в подгруппе из 5 человек. Педагог предлагает детям рассмотреть пиктограммы 5 основных эмоций, обратить внимание на внешние признаки эмоций, их отличие и сходство. Далее пиктограммы раздаются игрокам по одной. Затем педагог показывает карточки с изображениями людей с различными эмоциональными выражениями по одной, выбирая наугад. Дети должны собрать на свою пиктограмму 4 карточки с изображениями мальчика, девочки, мужчины и женщины с таким же настроением. Выигрывает тот, кто быстрее других соберет все карточки на свою пиктограмму: на пиктограмму радости – карточки с изображениями радостных людей, на пиктограмму страха – изображения испуганных людей и т. д.

Главный результат реализации дидактических игр на распознавание, вербализацию и воспроизведение детьми 5–7 лет

эмоций человека (I этап) заключается в том, что эмоциональное состояние человека становится для детей значимым объектом познания: у дошкольников расширяется диапазон воспринимаемых эмоциональных состояний, увеличивается объем активного и пассивного словаря эмоций, восприятие экспрессии становится более дифференцированным.

Библиографический список

1. Карелина И. О. Развитие когнитивного компонента эмоциональной сферы ребенка: теоретические аспекты : учебно-методическое пособие. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – 79 с.
2. Щетинина А. М. Восприятие и понимание дошкольниками эмоционального состояния человека // Вопросы психологии. – 1984. – № 3. – С. 60–66.
3. Denham S. A., Burton R. Emotion Understanding and Emotion Regulation: Twin Keys to Preschool SEL // Social and Emotional Prevention and Intervention Programming for Preschoolers /

Denham S. A. et al., Springer Science+Business Media New York, 2003. – P. 97–114.

4. Handbook of emotions / Edited by M. Lewis, J. M. Haviland-Jones, L. F. Barrett. – 3rd ed. – New York : The Guilford Press, 2008. – 848 p.

Bibliografickij spisok

1. Karelina I. O. Razvitie kognitivnogo komponenta jemocional'noj sfery rebenka: teoreticheskie aspekty : uchebno-metodicheskoe posobie. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2010. – 79 s.
2. Shhetinina A. M. Vosprijatie i ponimanie doskol'nikami jemocional'nogo sostojanija cheloveka // Voprosy psihologii. – 1984. – № 3. – S. 60–66.
3. Denham S. A., Burton R. Emotion Understanding and Emotion Regulation: Twin Keys to Preschool SEL // Social and Emotional Prevention and Intervention Programming for Preschoolers / Denham S. A. et al., Springer Science+Business Media New York, 2003. – P. 97–114.
4. Handbook of emotions / Edited by M. Lewis, J. M. Haviland-Jones, L. F. Barrett. – 3rd ed. – New York : The Guilford Press, 2008. – 848 p.

© Карелина И. О., 2016

Uměnověda

UDC 659.1

ARCHETYPES AND SYMBOLS AS SEMANTIC COMPONENTS
OF ADVERTISING IN UZBEKISTAN

S. I. Mukhamedjanova

*Doctoral applicant,
Senior Researcher of the National Institute
of Fine Art and Design named after K. Behzad
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. This article considers advertising as the phenomenon of culture, whose specific feature is to form sense. The author pays attention to symbols and archetypes as the main ways of realization of cultural meanings of advertising. The article discusses the connection between the concepts of "meaning" and "culture". There is given information about the basic psychological archetypes. In addition, the main group of symbols that are often used in modern advertising is discussed in detail. The author pays more attention to the study of the specifics of using universal and ethno-cultural archetypes in outdoor advertising of Uzbekistan.

Keywords: sense; culture; advertising; symbol; archetype; advertising image.

In today's world advertising is increasingly integrated into the socio-cultural processes, developing into one of the most important mechanisms of its functioning. Modern science becomes relevant cultural studies and philosophical understanding of advertising as one of the conflicting phenomena of our reality. On the one hand, advertising is intensifying its utilitarian pragmatic function, promoting the goods and services on the market, and with another – creates the patterns and codes of communication in the universe that allows us to consider it as a significant, largely meaning-of the cultural space and as an important mechanism "directed broadcast meanings" [3, p. 410].

Every phenomenon in our life, whether it's an object or event is endowed with a certain sense. The meaning of all, everything that surrounds us, in the aggregate reflects the culture. The concepts of "meaning" and "culture" are inextricably linked with each other. For example, objects created by human, absorb the information about the time

and era, the attitudes, values, fashion trends, and other. All this information is added as the cultural meanings. Advertising also reflects the specifics of culture of its era. Advertising works endow with a cultural sense that after some time can be variously interpreted. But we live in the world where everything is constantly changing. Based on these judgments, we can say that previously contained in the objects cultural meanings after some time can be read from a different point of view, quite differently. According to V. P. Zinchenko, "Objects can lose its purpose, to lose the original meaning and acquire a new" [6, p. 62]. If we consider this statement as an example of advertising, we can say that the posters of the past, which were originally created for pragmatic purposes, after some time lose their pragmatic goals and objectives. In today's world, they function as an informative, archival material by which we study the specifics of culture and the tendency of the time to which they relate. Or in terms of the

evolution of art, posters of the last century can be regarded as works of art.

Cultural information lay down in the advertising works; appear in the form of special codes, signs and symbols. The essence and meaning of these symbols is considered in semiotic aspect and can be interpreted based on the specifics of the studied subject.

So, the primary carriers of the fundamental meaning in the culture became sign systems, which include the archetypes and symbols.

As we know, the first time the concept of "archetype" had been used in science, by the Carl Gustav Jung, who was a founder of analytical psychology. Archetype in Greek means "the inverse image", "the first principle", "the sample". Archetypes, according to Jung, are basic images that are universal for all existing cultures. Archetypal images are endowed with immense psychic powers. Meeting with them causes strong emotions, which leading to the transformation of individual consciousness [4, p. 31]. The main psychological archetypes are the archetype of the Mother, Baby, Family, Wise old man, the Hero, Women and Men.

The product of advertising, as a kind of mirror reflecting the culture, are increasingly drawn to the above archetypes. Archetypes that are used in visual advertising, with their psychological features confer an advertising composition with sense. In turn, these meanings are associates with the meaning of an advertising appeal (or advertising object). For example, in the advertising practice of Uzbekistan designers often turn in their works to the archetype of Mother. Based on the specifics of eastern mentality, we have a special respect and affection belong to the female gender, in particular to mothers. Creating advertising composition with the participation of Mother Archetype will surely attract the attention of the local consumer. The archetype of the mother in Uzbekistan has many aspects, for example, in social advertis-

ing it can be interpreted as a motherland, mother nature, in the commercial advertisement it often uses as a image of a caring mother, mother and child, etc.

Cultural modification of the archetype of mother is the archetype of a full happy family, with mom, dad, and at least two children. The archetype of a family also as often occurs in local advertising practice of Uzbekistan. By using archetype of the family in the main extends the concept of "All for the happiness and welfare of the family".

Is necessary to note that the interpretation of archetypes in advertising does not require mental effort, because they are perceived at the unconscious level and have the same meaning for all of humanity.

The practice shows, that the most effective exposure to the consumer is the most primitive advertising, which does not use standard solutions and images. This effect arises because of using one or another archetypal image, which calls a direct echo in the soul of any person, because it was extracted from the depths of our unconsciousness [4, p. 149].

As it is known in cultural studies archetypes are divided into two types: universal and ethno-cultural [4, p. 44–45]. Universal archetypes are those archetypes, which in some interpretations are known almost by all nations. The universal archetypes include the archetypes the above.

Ethno-cultural archetypes are decodes by a relatively narrow audience. Their importance is recognized in those a circle to which relates those archetypes. In this case the ethno-cultural archetypes are creates on the basis of national mentality, and contain in itself some elements from myths and ethos. For example, there are some epics about heroes "Alpomish" and "Gur ugli" in Uzbek nation. These figures epitomize the archetype of the hero for Uzbek people. Their personal features as courage, stamina, physical and spiritual power shows the character of this archetype. In the today's advertising practice

of Uzbekistan archetype of the hero often uses in logos of sports and military activities. The ethno-cultural archetypes of Uzbekistan include also a bird "Humo", which symbolizes happiness, peace and tranquility in the life of the people and the country.

The using of universal and ethno-cultural archetypes in advertising easily and positively perceives by the consumer.

Another element of the sense-sign system is a symbol. As noted in the works of E. Cassirer "symbol – the key to human nature. Man lives not only physically, but also in the symbolic universe. Language, myth, art, religion - part of the universe, those different yarns from which the symbolical network is interwoven, it is complex fabric of human experience" [1, p. 29].

There are many theories and concepts about the meaning of the concept of "symbol." In different areas of public life symbol has different specificity. For example, in cultural studies symbol is a special kind of sign, carrying active psychic communication with the being, which he represents [4]. In the sphere of art symbol is a visual representation of an idea, which is the transmitted by the concrete image [5, p. 94].

Symbolization has deep roots in the experience of advertising communication. From the history of advertising of Uzbekistan it may be noted that even in the Temurids era craftsmen praised their goods and their names with specific distinctive signs, symbols. Created by them special stamps had emphasized the individuality and advantages of the master (self-promotion).

Many large retail companies in the world, in their logos and trademarks used all clear symbols – symbols of animals (for example, the symbol of the jaguar is used to grade passenger car), natural phenomena (the symbol of the "lightning" is often marked electric appliances, equipments, for the logo of the textile factory "Continent of Childhood" used the symbol of the "sun") and so on.

Used in modern advertising symbols are divided into three main groups: the anthropological, social and cultural symbols [4, p. 284].

Anthropological symbols are symbols associated with the processes of birth maturation, growth, death, etc. These symbols include the human body, animals and plants. For example, the image of a tree in advertisements can be interpreted as a human, the process plant of a tree to associate with human life. . In most cases, such an interpretation is used to create advertisement for products which related to health career and beauty. Also by using the image of a tree, you can accentuate the career growth, successful and prosperous future. Such kind of meaning of the symbol can be translated in advertisements of private organizations, banking services and companies, pointing to a great experience.

The social symbols are symbols which has the strongest feature and value in society. For example, in Uzbekistan advertising practice image of a family has a dominant position among the other images. The ideal images of a happy family, loving spouses and parents, children surrounded by care, benevolent grandparents are examples of consumer preferences. Such symbols always in demand in the medium with the eastern culture and traditions, which includes Uzbekistan. Local and foreign companies take into account these features of our nation in advertising creating process. For example, the image of the full Uzbek family was used in outdoor advertisement of «CocaCola» drinks, which was created for a consumer audience of Uzbekistan. It shows the socially valuable preferences of Uzbek people.

Cultural symbols in advertisements can be considered in two aspects: common human and geographical-territorial. In the first case, the cultural symbols are interpreted on the basis of universal context, so they are quite conventional. In the geographical and territorial context they are based on associa-

tive connection of geographic places and the value, which acquires over time. Traditionally, there are countries that specialize in the production of certain products and thus personified with a symbol of that product. For example, in the Soviet period economic policy of Uzbekistan was founded on the cotton industry. Because of the huge amount of export of that good, cotton became Uzbekistan's symbol in the world market.

So, our analysis shows that, advertising, as an integral part of the cultural space of the people life, contains in itself ethno-cultural and universal meanings. Successful advertising samples are reproduces by the archetypes and symbols. Advertisement based on archetypes, is a prerequisite for preserving the national identity and universal culture. Symbols in advertising have such socially important characteristics as singleness, imagery, polysemy and generality. Creating advertising,

taking into account the above features, contributes to the rise of its importance in the cultural space of the consumer world and the spiritual life of society.

Bibliography

1. Cassirer E. Experience about human // The problem of man in Western philosophy. Moscow, 1988 – P. 29.
2. Encyclopedic Dictionary of Cultural Studies / I. V. Avdeeva. – Moscow. – P. 346.
3. Leontiev D. A. Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of reality of the sense. – Moscow, 2007. – P. 410.
4. Pendikova I. G. Rakitin L. S. The archetype and a symbol in advertising. Moscow, 2008, – P. 303.
5. Rubtsov N. N. The symbol in art and life: philosophical reflections. – Moscow, 1991. – P. 94.
6. Zinchenko V. P. Culture and Technology // Red book of culture. – Moscow – P. 55–69.

© *Mukhamedjanova S. I., 2016*

Lékařské vědy

УДК 617.731

ОСОБЕННОСТИ ТЕЧЕНИЯ БЛИЗОРУКОСТИ У ДЕТЕЙ
В РЕГИОНЕ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ

М. Курбаназаров

Соискатель
Ташкентский государственный
стоматологический институт
Нукусский филиал
г. Нукус, Узбекистан

THE COURSE OF MYOPIA IN CHILDREN IN THE REGION OF THE SOUTHERN
ARAL SEA REGION

M. Kurbanazarov

Doctoral applicant
Nukus branch of the Tashkent State Dental Institute
Nukus, Uzbekistan

Abstract. In connection with the drying up of the Aral Sea in the surrounding regions an extreme situation related to the change in the water supply and the deteriorating quality of drinking water, air and soil was created, where parallel pollution high rates of general pathology and consequently myopia. One of the causes of myopia consider easing the accommodation apparatus of the eyes, which brings the influence of various factors, internal and external environment. Among the factors that hinder the activities of the accommodative apparatus observed such as the unfavorable hygienic conditions of visual work, anisometropia, astigmatism with a difference in the principal meridians more than 2D, as well as the patient's age, when developed myopia. The unfavorable ecological region in children with myopia astigmatism marked high performance at an earlier age, that influence its course.

Key words: myopia, astigmatism, amblyopia, the Aral Sea region.

Актуальность. Одним из основных причин слабовидения у детей, в основном школьного возраста является аномалии рефракции, в структуре которого ведущее место занимает близорукость (миопия) [1, 6]. По состоянию на 2012 г. около 30 % жителей Земли близорукие. Частота миопии в развитых странах мира в последние десятилетия выросла до 19–42 % [4].

Из них 6–8 % переходит в осложненную форму, которая приводит к снижению зрения, ограничению при занятии спортом и выборе профессии. По данным научной литературы в возникновении ми-

опии имеет значение факторы окружающей среды [1; 9; 10].

В связи с высыханием Аральского моря в прилегающих регионах создавалась экстремальная обстановка, связанная с изменением водообеспечения и ухудшением качества питьевой воды, воздуха и почвы [3]. Плохая экологическая обстановка приводит к развитию различных фоновых заболеваний, что является причиной вариабельности клинических проявлений любых заболеваний. Возникшие вследствие этого патологические состояния в организме могут оказывать неблагоприятное влияние на формирование рас-

тущего организма [5], в том числе органа зрения [9; 10]. Одним из причин возникновения близорукости считают слабость аккомодации, которому приводит влияние различных факторов внешней и внутренней среды. Эти факторы делятся на затрудняющие деятельность аккомодационного аппарата (неблагоприятные гигиенические условия зрительной работы, анизометропия, астигматизм) и «поражающие» аккомодационный аппарат (нарушение регионарной гемодинамики, дисфункция цилиарной мышцы, вследствие расстройства симпатической и парасимпатической иннервации, хронические инфекционные заболевания, общая гиподинамия [1; 4]. Установлены следующие факторы, влияющие на течение близорукости – связь между возрастом, когда развилась миопия-границей, разделяющей между менее благоприятное и более благоприятное течение является 10 лет, а также состоянием аккомодационной функции, наличие астигматизма и анизометропии более 2Д, наличие различных общих заболеваний [1; 2; 7; 8]. Одним из критериев прогнозирования миопии у школьников 10–14 лет является наличие обратного астигматизма [7]. Со временем астигматизм у детей приводит к вторичному снижению остроты зрения и развитию амблиопии [11].

Цель – изучить распространенность и видов астигматизма, как фактор, влияющие на течение близорукости в регионе Южного Приаралья

Материал и методы исследования. Изучены данные рефрактометрии неотобранного контингента у 113 детей (226 глаз), обратившихся в консультативную поликлинику Республиканской офтальмологической больницы министерство здравоохранения Республики Каракалпакстан с нарушением рефракции в возрасте 4–17 лет. Из них 80 (70,8 %) девочки, 33 (29,2 %) мальчиков. Городские жители

составляет 56 %, из сельских местностей отмечено в 44 %. Все дети разделены на 2 группы- с миопией слабой степени 40 детей и миопией средней степени 73 детей. Все больные обследованы на автокератометре фирмы «Hubits» (Южная Корея).

Результаты и обсуждение. Среди обследованных детей с миопией слабой степени мальчиков было 12 (30 %), девочек – 28 (70 %). Астигматизм обнаружен на 61 (79,2 %) глазах. Из них 36 (45 %) глазах отмечен астигматизм с разницей между меридианами свыше 2,0Д, в том числе 30 глазах у девочек и у 7 на одном глазу. По виду астигматизма на 15 (24,6 %) глазах обнаружен прямой астигматизм, на 46 (75,4 %) глазах обратный астигматизм. Городские дети составляло 57,5 % (23), из сельских местностей – 42,5 % (17). Во 2 группе с миопией средней степени мальчики были – 21 (28,8 %), девочек 52 (71,2 %). Астигматизм выявлен на 133 (91 %) глазах, в том числе прямой астигматизм на 6 (4,5 %) глазах и на 127 (95,4 %) глазах обратный астигматизм. Астигматизм с разницей в меридианах свыше 2Д составлял 60,9 % (89 глаз). Городские дети составляли 50,7 % (37), из сельских местностей – 49,3 % (36). При миопии слабой степени дети до 7 лет были 3 (7,5 %), дети 8–10 лет – 5 (12,5 %). При миопии средней степени дети до 7 лет были в 9,5% (7) случаев, дети 8–10 лет – в 21 случаев (28,7 %).

При миопии слабой степени простой миопический астигматизм обнаружен на 12 (19,7 %) глазах, смешанный астигматизм на 7 (11,5 %) глазах. При миопии средней степени простой миопический астигматизм выявлен на 20 (15 %) глазах, смешанный астигматизм на 13 (9,8 %) глазах.

Обсуждение: Как известно астигматизм бывает прямой и обратный. При прямом астигматизме более сильную ре-

фракцию имеет вертикальный главный меридиан, при обратном астигматизме – горизонтальный. В офтальмологической практике астигматизм обратного типа встречается довольно редко. Обратного типа – меридиан с большей силой преломления расположен горизонтально или $\pm 30^\circ$ от горизонтали. По статистическим данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), этот вид заболевания зарегистрирован в 7 % от общего числа патологии зрительных нарушений. Основная причина патологии – это неравномерная распределённая нагрузка (давление) на мышечные ткани глазницы, или наследственная патология [11]. Возможно постоянное прищуривание глаз, вследствие запыленности атмосферного воздуха, привести к неравномерному давлению на глазное яблоко т.к. регион южного Приаралья характеризуется длительными ветряными днями в году и высоким уровнем запыленности.[3]

Некорригированный астигматизм у детей может привести к задержке развития зрительной системы в целом и возникновению косоглазия и амблиопии. У школьников в возрасте 10–14 лет продолжается процесс рефрактогенеза, при котором происходит усиление рефракции (эметропизация и миопизация), увеличение степени астигматизма и сдвиг его оси в сторону обратного типа. При этом процесс миопизации протекает более активно, особенно у девочек. Впервые выявлен (О. В. Проскурина, 2007) у детей поворот сильного меридиана астигматического глаза в сторону горизонтали. Изменение величины и направления сильного меридиана астигматизма связаны с изменением роговичного астигматизма, ростом глаза и усилением рефракции, которое при астигматизме более выражено, чем у детей со сферическим аметропиями [8].

Выводы: в регионе экологического неблагополучия отмечается, что во-

первых при миопической рефракции астигматизм у детей встречается в 79-91% случаев; во-вторых часто встречается астигматизм обратного типа; в-третьих астигматизм с разницей в главных меридианах свыше 2Д встречается в 35–60,9 % случаев и у детей до 10 лет миопический астигматизм встречался больше со средней степенью миопии. Таким образом, у большинства детей имеется риск прогрессированию близорукости и перехода в её осложненную форму, с целью профилактики которой необходимо разработать комплекс мероприятий, включающиеся своевременной оптимальной коррекции астигматизма.

Библиографический список

1. Аветисов Э. С. Близорукость. – М. : Медицина, 2002. – 285 с.
2. Амритдинова Ш. А., Кадырова А. М., Закирова З. И. Астигматизм как проявление начальной близорукости у детей школьного возраста // Болалар офтальмологияси хизмати ва унинг истикболи : тез. науч.-практ. конф. – Ташкент, 2005. – С. 78–80.
3. Атанязова О. А., Константинова Л. Г., Ещанов Т. Б. // Аральский кризис и медико-социальные проблемы Каракалпакстана. – Нукус, 2001. – 116 с.
4. Иомдина Е. Н., Тарутта Е. П. Современный взгляд на проблему миопии: от теории к практике : доклад на конференции Рефракция-2014, г. Самара, Россия).
5. Кутлимуратов Р. С., Мамбетуллаева С. М., Атаназаров К. М. Мониторинг показателей заболеваемости и инвалидности детского населения в условиях Южного Приаралья // «Педиатрия Узбекистана: Реформирование и стратегия развития» : сб. тез. – Т., 2007. – С. 178–179.
6. Махкамова Ш. Г. Анализ распространенности миопии в Республике Узбекистан // Болалар тугма куз касалликлари, тугма катаракта хирургия ва сунъий гавхар куйиш усуллари: II халқаро семинар кенгаш матер. – Тошкент, 2000. – С. 120–124.
7. Онуфрийчук О. Н. Закономерности поздней фазы рефрактогенеза и критерии прогнозирования «школьной» миопии: автореф. дисс. ... канд. мед. наук, 2006.

8. Проскурина О. В. Динамика рефракции, диагностика и принципы очковой коррекции аметропии у детей и подростков : автореферат дисс.. д-ра мед. наук. – М., 2007. – 21с.
9. Стукалов С. Е., Фаустов А. С., Попов В. И. Клиника различных форм близорукости, лечение и профилактика //«Медицина для Вас». – Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. – 128 с.
10. Четыз Р. Р. Роль экстраокулярной патологии в патогенезе близорукости у детей и её комплексное лечение : автореферат дис. ... канд. мед. наук. – М., 2007. – 25 с.
11. www.sarab.eyeportal.ru.
5. Kutlimuratov R. S., Mambetullaeva S. M., Atanazarov K. M. Monitoring po-kazatelej zaboлеваemosti i invalidnosti detskogo naselenija v uslovijah Juzhnogo Priaral'ja // «Pediatrija Uzbekistana: Reformirovanie i strategija razvitija» : sb. tez. – T., 2007. – S. 178–179.
6. Mahkamova Sh. G. Analiz rasprostranennosti miopii v Respublike Uzbeki-stan // Bolalar tugma kuz kasalliklari, tugma katarakta hirurgija va sun'ij gavhar kujish usullari: II halkaro seminar kengash mater. – Toshkent, 2000. – S. 120–124.
7. Onufrijchuk O. N. Zakonomernosti pozdnej fazy refraktogeneza i kriterii prognozirovaniya «shkol'noj» miopii: avtoref. diss. ... kand. med. nauk, 2006.
8. Proskurina O. V. Dinamika refrakcii, diagnostika i principy ochkovoij korrekcii ametropii u detej i podrostkov : avtoreferat diss.. d-ra med. nauk. – M., 2007. – 21s.
9. Stukalov S. E., Faustov A. S., Popov V. I. Klinika razlichnyh form blizoru-kosti, lechenie i profilaktika //«Medicina dlja Vas». – Rostov-na-Donu : Feniks, 2007. – 128 s.
10. Chetyz R. R. Rol' jekstraokul'arnoj patologii v patogeneze blizorukosti u detej i ejo kompleksnoe lechenie : avtoreferat dis. ... kand. med. nauk. – M., 2007. – 25 s.
11. www.sarab.eyeportal.ru.

Bibliograficheskij spisok

1. Avetisov Je. S. Blizorukost'. – M. : Medicina, 2002. – 285 s.
2. Amritdinova Sh. A., Kadyrova A. M., Zakirova Z. I. Astigmatizm kak projavlenie nachal'noj blizorukosti u detej shkol'nogo vozrasta // Bolalar oftal'mologijasi hizmati va uning istikboli : tez. nauch.-prakt. konf. – Tashkent, 2005. – S. 78–80.
3. Atanijazova O. A., Konstantinova L. G., Eshhanov T. B. // Aral'skij krizis i mediko-social'nye problemy Karakalpakstana. – Nukus, 2001. – 116 s.
4. Iomdina E. N., Tarutta E. P. Sovremennij vzgljad na problemu miopii: ot teorii k praktike : doklad na konferencii Refrakcija-2014, g. Samara, Rossija).

© Курбаназаров М., 2016

УДК 616.314.19-08

РЕАБИЛИТАЦИЯ БОЛЬНЫХ С ДЕСТРУКТИВНЫМИ ФОРМАМИ ХРОНИЧЕСКОГО ПЕРИОДОНТИТА

**И. В. Линченко
Т. Н. Радышевская**

*Кандидат медицинских наук
кандидат медицинских наук
Волгоградский государственный
медицинский университет
г. Волгоград, Россия*

REHABILITATION OF PATIENTS WITH DESTRUCTIVE FORMS OF CHRONIC PERIODONTITIS

**I. V Linchenko
T. N Radishevsky**

*Candidate of Medical Science
Candidate of Medical Science
Volgograd State Medical University
Volgograd, Russia*

Abstract. In conventional endodontic treatment of destructive forms of chronic periodontitis bone recovery is delayed in some cases up to 2–3 years. As a result of depoforez procedure is fairly quick recovery destructive hearth with periodontitis (6–12 months). Saving the mechanical stability of the root of the tooth makes it possible to further carry out orthopedic treatment of the teeth indicated. Achieved positive results of the proposed method of complex treatment of destructive forms of chronic apical periodontitis can extend the indications for the use of such teeth in various orthopedic designs, save damaged teeth, their functional capacity, which will improve the quality of life of these patients.

Keywords: chronic periodontitis; tooth saving operations; depoforez; complex treatment

Деструктивные формы периодонтита по сегодняшний день остаются основной причиной удаления зубов, поэтому проблема лечения хронического периодонтита является актуальной в практической стоматологии. При лечении деструктивных форм хронического периодонтита наблюдается большой процент неудач, как в ближайшие, так и в отдаленные сроки, так как даже при технически безупречном пломбировании корневого канала, патологический очаг в периапикальных тканях сохраняется длительное время, создавая опасность рецидивов и осложнений [1].

При проведении традиционной химико-механической обработки корневого канала остаются недостижимыми обшир-

ная апикальная дельта и периапикальный деструктивный очаг [3].

Чем интенсивнее проводится расширение и очистка корневого канала, тем меньше оставшееся микробное загрязнение. В свою очередь интенсивная инструментально-механическая обработка опасна такими осложнениями, как фрактура инструмента, перфорация стенки корня, а также снижение механической стабильности корня из-за потери зубной субстанции.

При невозможности осуществления лечения консервативным методом с гарантированным благоприятным исходом, должно проводиться хирургическое вмешательство – зубосохраняющая операция [4]. Однако даже высококачественное хирургическое лечение связано как с психо-

логическим дискомфортом для пациента, так и со снижением функциональной способности зуба в перспективе. Удаление зуба с деструктивными изменениями в периапикальных тканях при наличии рядом стоящих интактных зубов может привести к необходимости препарирования их под опору мостовидного протеза, что крайне неблагоприятно у пациентов молодого возраста. Очаги хронической инфекции в периапикальных тканях не редкость и в старших возрастных группах, что является причиной частичного отсутствия зубов. Неудачи консервативного лечения периодонтитов в пожилом возрасте составляют 70 %, и, как следствие, удаление до 80 % зубов и корней моляров и развитию серьезных морфологических изменений в зубочелюстной системе – деформациям зубов, зубных рядов и прикуса [5]. В связи с этим, в случаях невозможности использования дистальных моляров в качестве опоры мостовидного протеза, прибегают к изготовлению съемных конструкций.

Применение технологии депофореза гидроокиси меди-кальция позволяет избежать подобных проблем. Метод, предполагающий перманентную стерилизацию всей системы корневых каналов, обеспечивает положительный результат в 95 % случаев [2].

В результате воздействия ионов меди, происходит довольно быстрое восстановление деструктивного очага при периодонтитах (через 6–12 месяцев). При традиционном эндодонтическом лечении восстановление костной ткани затягивается в ряде случаев до 2–3 лет [6].

Метод депофореза гидроокиси меди-кальция позволяет обеспечить постоянную стерилизацию недостижимых для механических инструментов ответвлений и отверстий корневых каналов. Однако вследствие ранее проводимого лечения либо от прогрессирования кариозного

процесса происходит потеря тканей зуба. Восстановление дефекта пломбировочным материалом не всегда эффективно, поэтому на основании собственных клинических наблюдений мы предлагаем следующее ортопедическое лечение. Особенно это важно для пациентов с частичным отсутствием зубов, когда такие зубы могут являться опорными.

Нами было проведено обследование и лечение пациентов с деструктивными формами периодонтита (гранулирующего и гранулематозного) с плохо проходимыми корневыми каналами вследствие некачественного ранее проведенного лечения (неполной obturации корневых каналов, отлома эндодонтического инструмента и др.), искривления и облитерации.

Всего под наблюдением находилось 38 пациентов в возрасте от 26 до 48 лет с деструктивными изменениями в периапикальных тканях, из них 21 – с гранулирующим и 17 – с гранулематозным периодонтитом.

С целью диагностики и контроля эффективности лечения выполнялись рентгенологические исследования: панорамная рентгенограмма, прицельная внутриротовая рентгенограмма зубов.

После проведенного метода депофореза меди-кальция мы наблюдали положительную динамику в ближайшие сроки (1–3 недели) после лечения. На рентгенограммах после лечения через 6 месяцев практически у всех пациентов (36 человек, что соответствует 94,7 %) отмечалось уменьшение периапикальных очагов и признаки остеогенеза, что не всегда наблюдается после традиционного эндодонтического лечения таких зубов. При проведении депофореза происходила гораздо меньшая потеря зубных тканей и в связи с этим сохранялась механическая стабильность корня, что позволяло в дальнейшем проводить ортопедическое лечение таких зубов по показаниям.

Предлагаемая тактика комплексного лечения деструктивных форм хронического верхушечного периодонтита с применением депофореза меди кальция показала хорошие результаты восстановления очагов деструкции костной ткани и купирования обострения хронического воспаления за счёт стерилизации апикальной дельты.

Достигнутые положительные результаты предлагаемой методики комплексного лечения деструктивных форм хронического верхушечного периодонтита позволяют сохранять разрушенные зубы, их функциональные способности, что улучшает качество жизни таких пациентов. Считаем, что можно рекомендовать расширить показания к использованию зубов с деструктивными формами хронического периодонтита в различных ортопедических конструкциях.

Библиографический список

1. Волкова Т. Н., Жданова Е. В., Брагин А. В. Анализ эффективности аппаратных методов лечения деструктивных форм периодонтита // Проблемы стоматологии. – 2011. – Вып. 4. – С. 32–34.
2. Кнаппвост А. Современная эндодонтия депофорез гидроокиси меди-кальция. – Hamburg Humanchemie : GmbH, 1999.
3. Михальченко В. Ф., Триголос Н. Н., Васнев Е. Е., Радышевская Т. Н., Старикова И. В. Применение препаратов на основе гидроксида кальция в качестве временного внутриканального антисептического средства при лечении деструктивных форм хронического периодонтита // Вестник Волгоградской медицинской академии № 7 : сб. научн. трудов, т. 57, вып. 7. – Волгоград : ВМА, 2001. – С. 198–200.
4. Крайнов С. В., Попова А. Н., Линченко И. В. Гемисекция в геронтостоматологии // Инновационная наука. – 2015. – № 10, часть 1. – С. 206–207.
5. Линченко И. В., Цуканова Ф. Н., Стекольников Н. В. Тактика лечения вертикальных форм деформаций зубов и зубных рядов. Наука и образование в XXI веке : сб. научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. Ч. 21. – Тамбов, 2013. – С. 60–61.
6. Темкин Э. С., Триголос Н. Н., Попова А. Н., Рукавишникова Л. И., Радышевская Т. Н. Пломбирование системы корневых каналов различными пломбировочными материалами в научных работах сотрудников кафедры терапевтической стоматологии // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2003. – Т. – № 9. – С. 174–177.

Bibliografickij spisok

1. Volkova T. N., Zhdanova E. V., Bragin A. V. Analiz jeffektivnosti apparatnyh metodov lechenija destruktivnyh form periodontita // Problemy stomatologii. – 2011. – Vyp. 4. – S. 32–34.
2. Knappvost A. Sovremennaja jendodontija depoforez gidrookisi medi -kal'cija. – Hamburg Humanchemie : GmbH, 1999.
3. Mihal'chenko V. F., Trigolos N. N., Vasenev E. E., Radyshevskaja T. N., Starikova I. V. Primenenie preparatov na osnove gidroksida kal'cija v kachestve vremennogo vnutrikanal'nogo antisepticheskogo sredstva pri lechenii destruktivnyh form hronicheskogo periodontita // Vestnik Volgogradskoj medicinskoj akademii № 7 : sb. nauchn. trudov, t. 57, vyp. 7. – Volgograd : VMA, 2001. – S. 198–200.
4. Krajnov S. V., Popova A. N., Linchenko I. V. Gemisekcija v gerontostomatologii // Innovacionnaja nauka. – 2015. – № 10, chast'1. – S. 206–207.
5. Linchenko I. V., Cukanova F. N., Stekol'nikova N. V. Taktika lechenija vertikal'nyh form deformacij zubov i zubnyh rjadov. Nauka i obrazovanie v XXI veke : sb. nauchnyh trudov po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ch. 21. – Tambov, 2013. – S. 60–61.
6. Temkin Je. S., Trigolos N. N., Popova A. N., Rukavishnikova L. I., Radyshevskaja T. N. Plombirovanie sistemy kornevyh kanalov razlichnymi plombirovochnymi materialami v nauchnyh rabotah sotrudnikov kafedry terapevticheskoj stomatologii // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2003. – T. – № 9. – S. 174–177.

© Линченко И. В., Радышевская Т. Н., 2016

УДК 316.776.34

**СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА**

С. А. Шилина
С. Л. Мельников
К. А. Воронов

*Доктор социологических наук, доцент
кандидат педагогических наук, профессор
студент
Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского
г. Брянск, Россия*

**SOCIAL RISKS IN THE PROCESS OF SOCIAL COMMUNICATION
IN EDUCATIONAL THE SPACE OF THE UNIVERSITY**

S. A. Shilina
C. L. Melnikov
K. A. Voronov

*Doctor of Sociological Sciences
assistant professor
Candidate of Historical Sciences, professor
student
Bryansk State University
named after academician I. G. Petrovsky
Bryansk, Russia*

Abstract. In the article actual questions of feedback are researched. It is an indicator of the effectiveness of communications impact in the process of information exchange. The problem of overcoming social risks in the youth student environment is analyzed. The results of the sociological research are presented. It is shows adaptation mechanisms to social risks in the process of social communication. Sociological research has revealed that students feel themselves comfortable in the process of education in high school in that case, if the learning environment meet their expectations: teachers are highly qualified professionals, academic and scientific literature is available, the personal safety of students are provided, educational work is carried out.

Keywords: social risks; communication; education; feedback; effectiveness of communication.

Обратная связь как реакция объекта коммуникационного воздействия в процессе обмена информацией является признаком эффективности коммуникативного акта. Отсюда проистекает актуальность социологических исследований, выявляющих эту реакцию в процессе социальной коммуникации, что, в свою очередь, способствует адаптации к социальным рискам и, при благоприятных обстоятельствах, к их преодолению. Проблема пре-

одоления социальных рисков особенно актуальна для молодежной среды вообще, и для студенчества в частности. Особое внимание в социологических исследованиях последних лет, например, работы Т. Н. Ключниковой [3; 4], уделяется молодежи и молодежной политике государства, что симптоматично, так как за молодыми людьми – будущее новой России.

Важным фактором, как считает Е. В. Комбарова, «возникновения и нарас-

тания остроты социальных рисков выступает общая тенденция развития мировой цивилизации в условиях глобализации и открытости социальных систем» [5]. Исходя из этой предпосылки, мы представляем современный социум как сложно организованную, постоянно изменяющуюся систему с социальными процессами трансформации, которые влияют «на производство и воспроизводство социальных рисков, где в центре внимания находится деятельность индивида, социальных групп, их ценностные ориентации и модели поведения» [5]. Таким образом, социальные риски являются, как пишет далее автор, «основной чертой социальной действительности, где выбор действия – выбор из множества альтернатив, то есть весьма высока неопределенность будущего» [5]. Всякая деятельность субъекта социума сопровождается риском. Особенности студенчества как субъекта социальных рисков проистекает из основной деятельности учащейся молодежи – приобретение образования. В условиях резких общественных изменений, а также постоянных трансформаций в системе образования студенчество наиболее подвержено социальным рискам. Это неизбежно приводит «к возникновению профессионального типа социальных рисков учащейся молодежи: выбор профессии, учебного заведения задают общий жизненный настрой. Образование в данном случае является стартовой площадкой в жизни молодого человека» [6, с. 63].

Исследователь В. В. Тарасов пишет: «Риск всегда социален, поскольку продуцируется социальными субъектами, а его последствия влияют на их существование и взаимодействие» [8, с. 123]. Социальный риск можно рассмотреть как опас-

ность, возникающую и проявляющуюся в рамках социальной сферы общества и которая может отрицательно сказываться на жизнедеятельности отдельных социальных групп. Рассматриваться риск может «в совокупности с социальными изменениями, и выступать как результат несоответствия действий субъекта и объекта риска изменениям социальной среды» [7].

Для создания условий адаптации к социальным рискам необходимо проводить различные, в том числе социологические, исследования мнения молодежи об удовлетворенности жизнью в различных социальных обстоятельствах, например, в процессе получения образования в высшем учебном заведении.

Мы обратились к исследованию удовлетворенности учебным процессом студентов, только что поступивших в вуз. Методом анкетирования был проведен опрос в среде учащейся молодежи (руководитель – С. Л. Мельников).

Были опрошены все студенты 1 курса направления «Социология» Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского. Выборка сплошная. Рассмотрим полученные результаты.

На вопрос «В какой степени Вы довольны преподавательским составом?» требовался только один ответ из семи предложенных. Респонденты женского пола ответили следующим образом: 60 % выбрали второй вариант ответа «доволен», 30 % выбрали первый вариант ответа «очень доволен» и 10 % – четвертый вариант ответа «нормально доволен». Никто не выбрал ответы «скорее доволен», «скорее недоволен», «недоволен», «очень недоволен» (рис. 1).

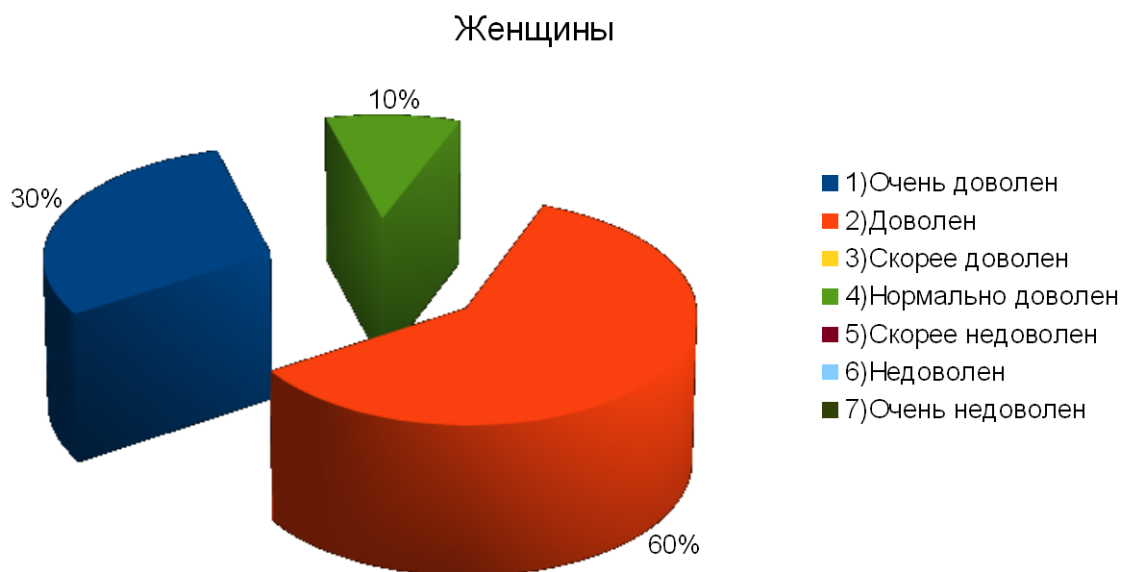

Рис. 1. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «В какой степени Вы довольны преподавательским составом?»

Респонденты мужского пола все выбрали первый вариант ответа «очень доволен» (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов респондентов мужского пола на вопрос «В какой степени Вы довольны преподавательским составом?»

На вопрос «С Вашей точки зрения, качественно ли обучение Вашим обязательным предметам?» требовался один вариант ответа из шести предложенных. 60 % респондентов женского пола считает обу-

чение профильным предметам качественным (второй вариант ответа); 40 % выбрали первый вариант ответа «очень качественно» (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «С Вашей точки зрения, качественно ли обучение Вашим обязательным предметам?»

100% респондентов мужского пола выбрало первый вариант ответа «очень качественно».

На вопрос «С Вашей точки зрения, качественно ли обучение Вашим необязательным предметам» требовался выбор 1 варианта ответа из 6. 100 % респондентов мужского пола выбрали второй вариант ответа «качественно». 60 % респондентов женского пола выбрали второй вариант ответа «качественно», 40 % выбрали первый вариант ответа «очень качественно» (рис. 4).

На вопрос «Как Вы считаете: учебные помещения вуза оборудованными надлежащим образом?» требовался один ответ из шести предложенных. Респонденты женского пола ответили следующим образом: 60 % выбрали второй вариант ответа «да, достаточно»; 20 % выбрали третий вариант ответа «скорее да», 20 % считают учебные помещения вуза недостаточно оборудованными (пятый вариант ответа) (рис. 5).

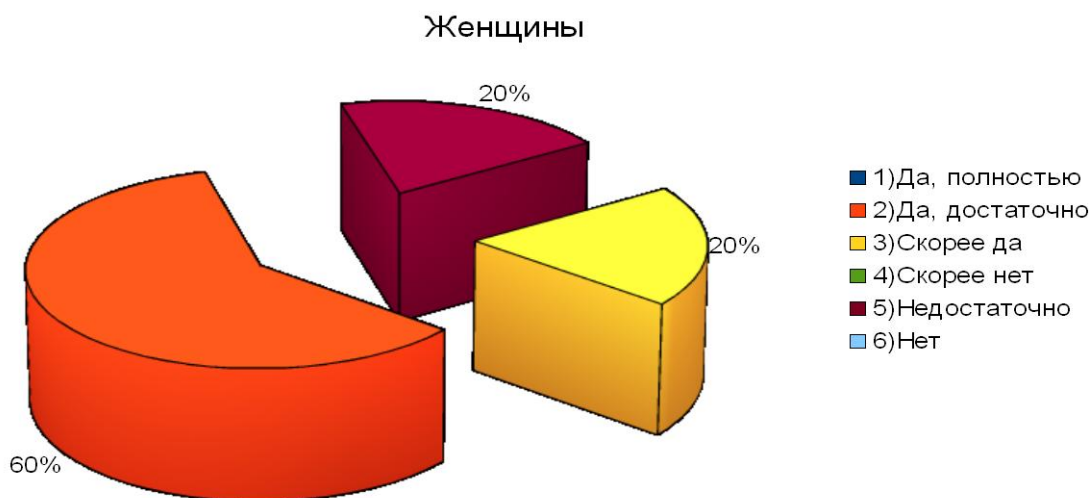

Рис. 4. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «С Вашей точки зрения, качественно ли обучение Вашим необязательным предметам?»

Рис. 5. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Как Вы считаете: учебные помещения вуза оборудованными надлежащим образом?»

100 % респондентов мужского пола, в отличие от респондентов женского пола, посчитали помещения полностью оборудованными и выбрали вариант ответа под номером 1.

При анкетировании требовалось оценить воспитательную работу: «Оцените, пожалуйста, воспитательную систему Вашего вуза». Половина респондентов женского пола поставила оценку «выше среднего», которой соответствовал второй

вариант ответа, 20 % решили, что воспитательная система вуза находится на высшем уровне, а остальные 30 % поставили оценку «средне» (рис. 6). Ни кто из респондентов не выбрал варианты ответов «ниже среднего» и «на низком уровне», так как, очевидно, всех вполне удовлетворяет воспитательная система вуза, которая заслуживает, с их точки зрения, как минимум оценки «средне».

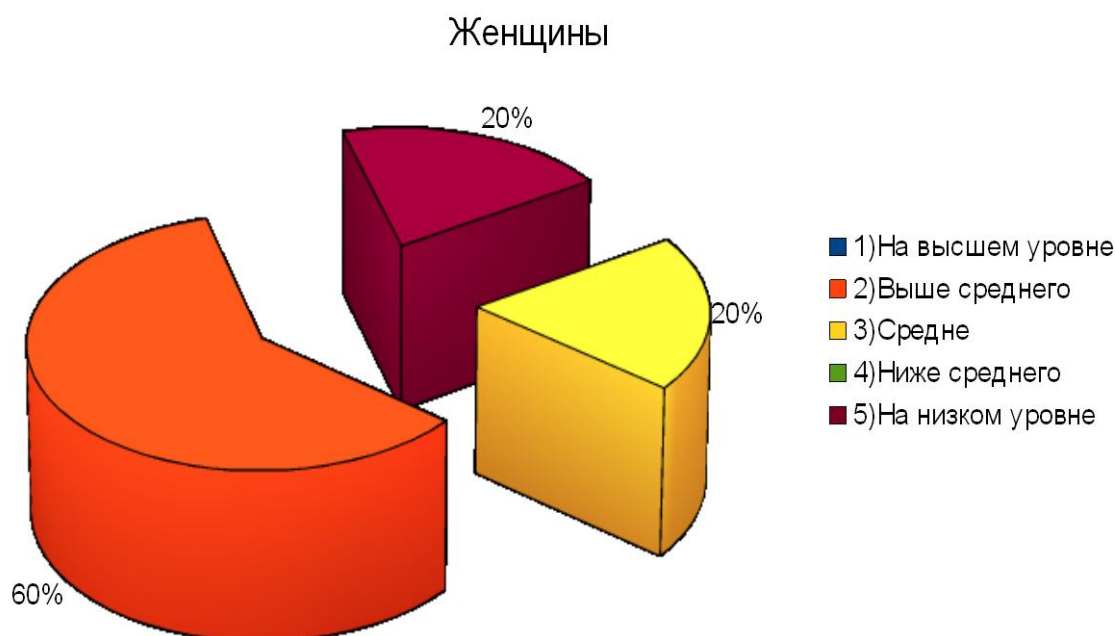

Рис. 6. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Оцените, пожалуйста, воспитательную систему Вашего вуза»

100 % респондентов мужского пола выбрали первый вариант ответа, оценив воспитательную систему в Брянском государственном университете имени академика Ивана Георгиевича Петровского словами «на высшем уровне».

На вопрос «Чувствуете ли Вы себя в вузе безопасно?» требовался один вариант ответа из четырёх. Распределение ответов

среди респондентов женского пола оказалось следующим: 40 % чувствуют себя полностью безопасно в вузе, и столько же выбрали второй вариант ответа «скорее безопасно», 20 % чувствуют себя «скорее опасно» (рис. 7). Ни одна из респонденток не выбрала 4 вариант ответа «я не чувствую себя безопасно».

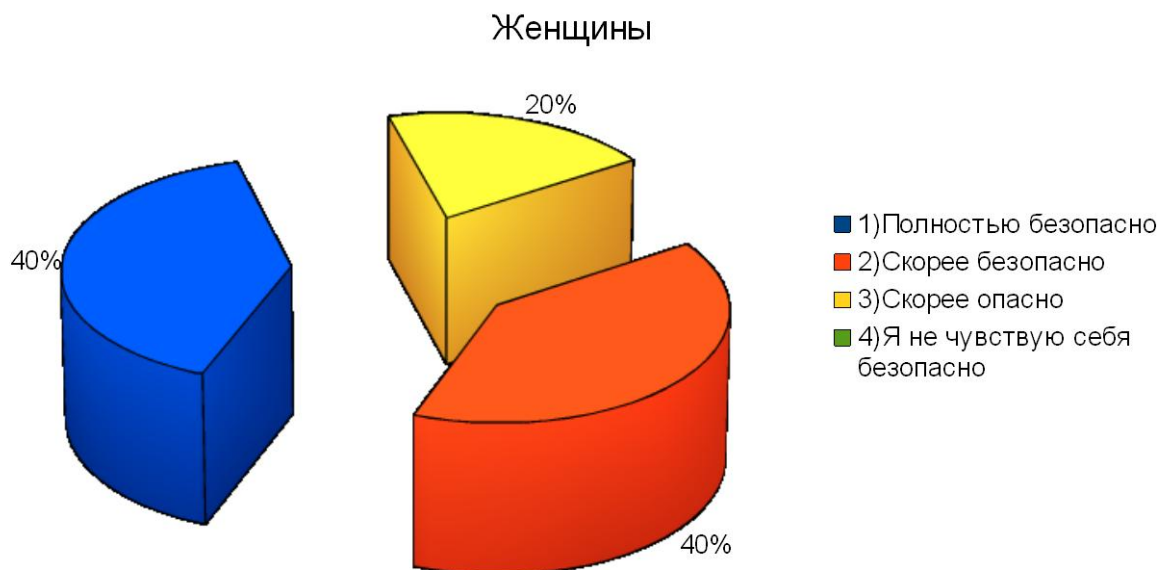

Рис. 7. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Чувствуете ли Вы себя в вузе безопасно?»

100 % респондентов мужского пола чувствуют себя в вузе полностью безопасно и выбрали первый вариант ответа.

На вопрос «Насколько просто получить нужные учебные материалы?» требовался один вариант ответа. Респонденты женского пола выбрали следующие варианты: 10 % под номером «1», 40 % – «2» и 50 % – «3», при этом ни один из них

не выбрал варианты под номерами «4», «5». Получается, что половина опрошенных женщин не испытывают особых трудностей при получении учебных материалов (рис. 8). 100 % респондентов мужского пола посчитали, что получить учебные материалы очень просто и выбрали первый вариант ответа.

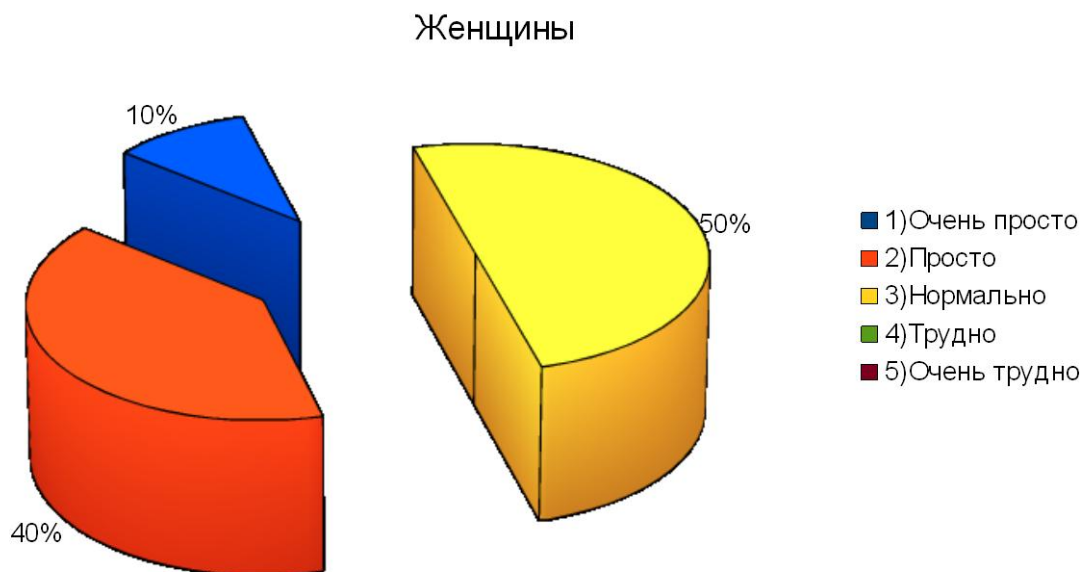

Рис. 8. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Насколько просто получить нужные учебные материалы?»

На вопрос «В какой степени Вы довольны обучением в этом вузе?», требовавший от респондента выбора одного варианта ответа из семи предложенных, ре-

спонденты женского пола выбирали только второй и четвертый варианты ответов (70 % «очень довольна» и 30 % «нормально довольна») (рис. 9).

Женщины

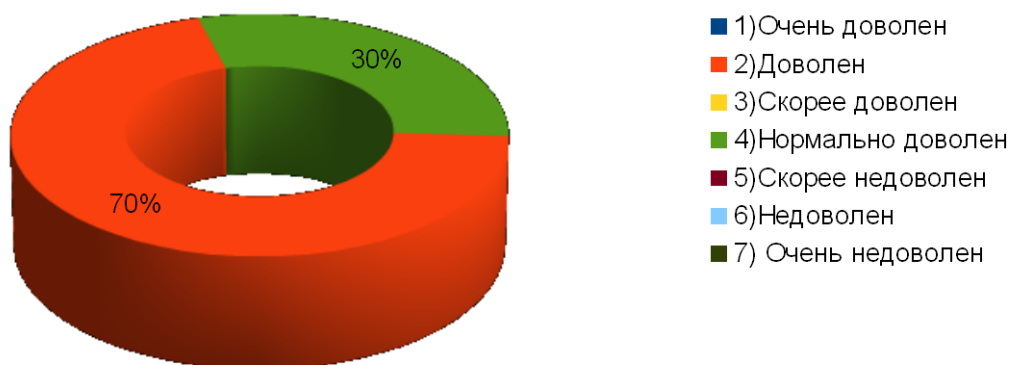

Рис. 9. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «В какой степени Вы довольны обучением в этом вузе?»

Респонденты же мужского пола оказались полностью довольны обучением.

Вопрос «Вы бы желали продолжить образование на более высокой ступени обучения (магистратура) именно в этом вузе?» требовал от респондента выбора одного из трех вариантов ответа и указания (по желанию) дополнительного условия для продолжения обучения. Респонденты женского пола ответили следующим образом: 20% хотели бы продолжить

обучение — вариант ответа под номером «1», 30% возможно хотели бы продолжить обучение — вариант ответа под номером «2», тогда как 50 % выбрали либо первый вариант ответа, либо второй, указав дополнительное условие продолжения обучения. Среди дополнительных условий наиболее популярными оказались: 1) Наличие бюджетного места и 2) Если будет возможно поменять специальность (рис. 10).

Женщины

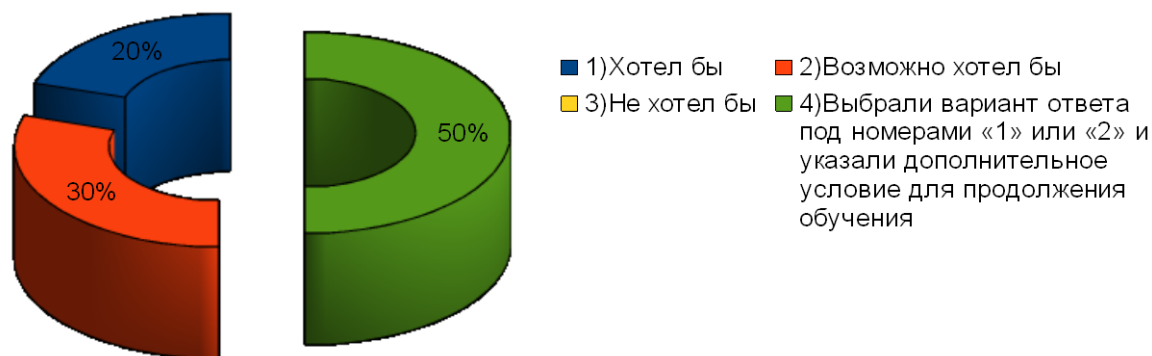

Рис. 10. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Вы бы желали продолжить образование на более высокой ступени обучения (магистратура) именно в этом вузе?»

Респонденты мужского пола не указали дополнительных условий, выбрав первый вариант ответа «хотел бы продолжить обучение в магистратуре».

На вопрос «Легко ли было Вам поступить в данный вуз?» нужно было выбрать один вариант ответа из четырех предложенных. Респонденты женского пола, в

процентном соотношении, ответили так: 40 % выбрали третий вариант ответа «не испытал особых трудностей, но и не было легко», 30 % – четвертый вариант ответа «очень легко», первый и второй варианты ответов «очень трудно» и «трудно» выбрали 10 % и 20 % соответственно (рис. 11).

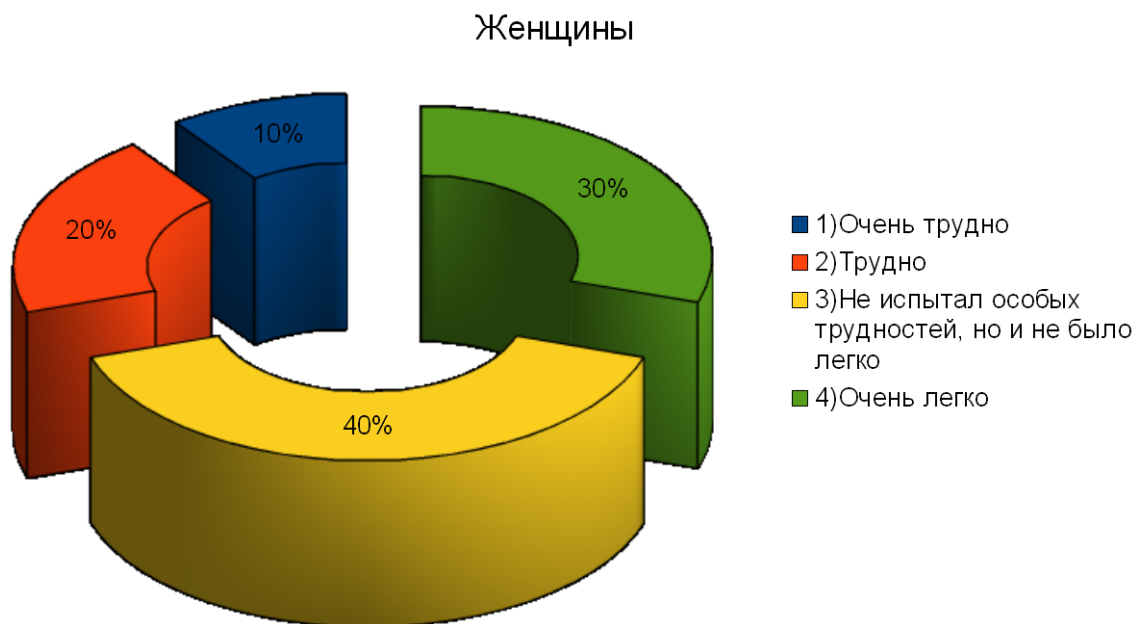

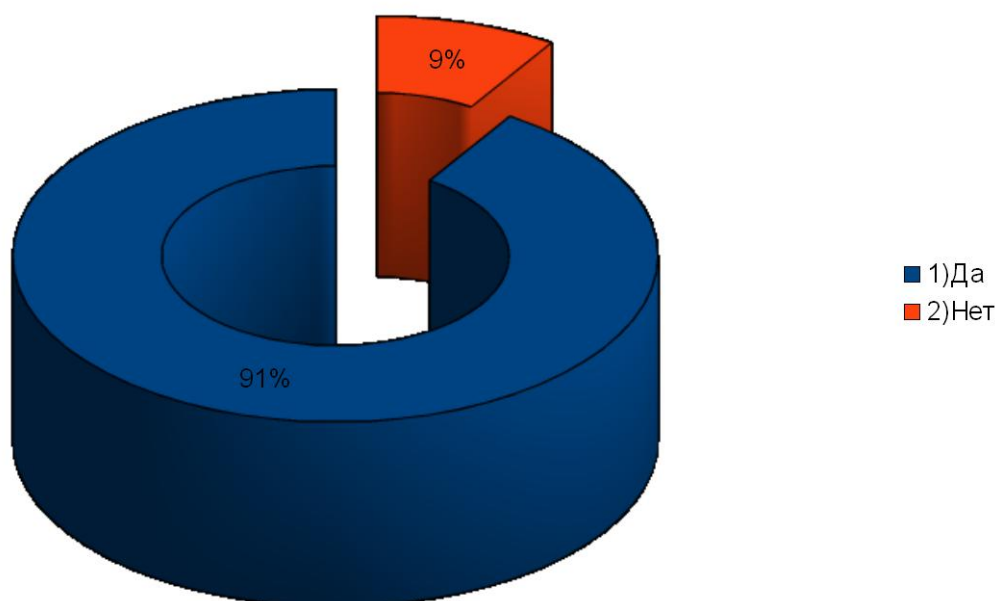
Рис. 11. Распределение ответов респондентов женского пола на вопрос «Легко ли было Вам поступить в данный вуз?»

Респонденты мужского пола посчитали, что им было трудно поступить в вуз и выбрали вариант ответа под номером «2».

На вопрос «Это высшее образование для Вас является первым?» 91 % респондентов мужского и женского пола ответили «да», тогда как 9 % респондентов жен-

ского пола ответили, что это их не первое высшее образование (рис. 12).

Проанализировав степень удовлетворённости первокурсников условиями получения образования в высшем учебном заведении, мы пришли к следующим выводам.

**Рис. 12. Распределение ответов всех респондентов на вопрос
«Это высшее образование для Вас является первым?»**

Как стало ясно из социологического исследования, большинство респондентов удовлетворено обучением в Брянском государственном университете имени академика И. Г. Петровского и готово продолжить образование в этом же вузе в дальнейшем [1]. Это свидетельствует о комфортных условиях получения знаний в данном высшем учебном заведении.

Активность студенческой молодежи направлена на поиск средств, необходимых для выхода из проблемных жизненных ситуаций, для адаптации к социальным рискам (одним из которых, несомненно, является безработица и, как следствие, социальная незащищённость). Важным средством преодоления социальных рисков является получение высшего образования. При этом важно понимать, что ситуации социальных рисков зача-

стую «не совпадают ни с объективными условиями жизни, ни с нашим самочувствием в тот или иной момент. Это динамические антропокультурные образования, интегрирующие так называемые объективные свойства среды с их индивидуальной интерпретацией личности, «стечения» значимых для человека событий и обстоятельств его жизни, рисков» [2, с. 96]. И от того, насколько комфортными окажутся условия получения образования индивидом, зависит его дальнейшая социальная адаптация.

Итак, мы показали подходы к рассмотрению социальных рисков вузовского образования путём социологического исследования удовлетворённости первокурсников направления «Социология» учебным процессом. Обратная связь в процессе социального взаимодействия,

несомненно, является показателем эффективности коммуникационного воздействия в процессе обмена информацией.

Библиографический список

1. Воронов К. А., Шилина С. А. Социальные риски вузовского образования (социологическое исследование удовлетворённости учебным процессом) // Проблемы внедрения результатов инновационных разработок : сборник статей Международной научно-практической конференции, 2016. – С. 254–261.
2. Киричек П. Н. Современная информационная политика: императивно-модусная трансформация // Социологические исследования. – 2007. – № 10. – С. 86–96.
3. Ключникова Т. Н. Социальная активность граждан как источник преобразований в местном самоуправлении // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. – № 2 (46). – С. 155–170.
4. Ключникова Т. Н., Исаева Е. Ю. Историческая память о Великой Отечественной войне как процесс формирования гражданской идентичности молодежи // Научный, информационно-аналитический журнал «Образование и общество» № 4 (87). Июль-август. – 2014 – С. 65–70.
5. Комбарова Е. В. Социальные риски учащейся молодежи в современных условиях. Автореферат дисс... канд. социол. н. – Екатеринбург, 2011 // <http://refdb.ru/look/1228265-pall.html>
6. Мельников С. Л. Социальные риски современного общества: диссонансы информации в молодежной среде // Динамика социальной реальности: российские и зарубежные тренды : Коллективная монография под ред. докт. социол. н. В. И. Гостениной. – Брянск : РИО БГУ, 2015. – 230 с.
7. Самсонкина Е. А., Муха В. Н. Социальные риски в современном российском обществе. URL: <http://sibac.info/16238>
8. Тарасов В. В. Социально-философский взгляд на социальные риски в условиях информационного общества // Вестник МГТУ Станкин. – 2013. – № 3 (26). – С. 122–125.

Bibliografickij spisok

1. Voronov K. A., Shilina S. A. Social'nye riski vuzovskogo obrazovaniya (sociologicheskoe issledovanie udovletvorjonnosti uchebnym procesom) // Problemy vnedrenija rezul'tatov innovacionnyh razrabotok : sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 2016. – S. 254–261.
2. Kirichjok P. N. Sovremennaja informacionnaja politika: imperativno-modusnaja transformacija // Sociologicheskie issledovanija. – 2007. – № 10. – S. 86–96.
3. Ključnikova T. N. Social'naja aktivnost' graždan kak istochnik preobrazovanij v mestnom samoupravlenii // Sovremennye issledovanija social'nyh problem (jelektronnyj nauchnyj zhurnal). – 2015. – № 2 (46). – S. 155–170.
4. Ključnikova T. N., Isaeva E. Ju. Istoricheskaja pamjat' o Velikoj Otechestvennoj vojne kak process formirovanija graždanskoj identichnosti molodezhi // Nauchnyj, informacionno-analiticheskij zhurnal «Obrazovanie i obshhestvo» № 4 (87). Ijul'-avgust. – 2014 – S. 65–70.
5. Kombarova E. V. Social'nye riski uchashhejsja molodjozhi v sovremennyh uslovijah. Avtoreferat diss... kand. sociol. n. – Ekaterinburg, 2011 // <http://refdb.ru/look/1228265-pall.html>
6. Mel'nikov S. L. Social'nye riski sovremennogo obshhestva: dissonansy informacii v molodjozhnoj srede // Dinamika social'noj real'nosti: rossijskie i zarubezhnye trendy : Kollektivnaja monografija pod red. dokt. sociol. n. V. I. Gos-teninoj. – Brjansk : RIO BGU, 2015. – 230 s.
7. Samsonkina E. A., Muha V. N. Social'nye riski v sovremennom rossijskom obshhestve. URL: <http://sibac.info/16238>
8. Tarasov V. V. Social'no-filosofskij vzgljad na social'nye riski v uslovijah informacionnogo obshhestva // Vestnik MGTU Stankin. – 2013. – № 3 (26). – S. 122–125.

© Шилина С. А., Мельников С. Л.,
Воронов К. А., 2016

Kulturologie

УДК 39(479)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ЖЕНСКИХ РОМАНОВ

Э. Л. Гасанов

*Кандидат исторических наук
Гянджинское отделение
Национальной академии наук Азербайджана
г. Гянджа, Азербайджан*

CULTURAL ASPECTS OF RESEARCH OF ENGLISH WOMAN NOVELS

E. L. Hasanov

*Candidate of Historical Sciences
Ganja branch
of Azerbaijan national academy of Sciences
Ganja, Azerbaijan*

Abstract. This scientific article deals with the research of the basic English woman novels from the cultural and historical points of view. Also for the first time on the basis of different literary-historical materials and sources have been investigated the main novels of women-writers of the various periods of England. In article were researched different famous English woman novels on the basis of investigation of such sources as books, monographs, academic papers, literary publications and etc. The authors' works and sometimes the heroines of the novels by English women-novelists attract readers' attention today too as they touch upon the problems of human relations, family and society problems. The article analyzes psychological freedom, relation of women with society, love, family relations. The review of the most popular English women-novelists' works is given in this article. The differences in the world outlook and the mutual features of their creative activities are reviewed here as well.

Keywords: novel; English; genre; woman; society.

Ум, добродетель и общественные таланты женщины впервые были описаны в английской литературе Джефри Чосером – отцом английской литературы в XIV веке. «Легенды о добродетельных женщинах», состоящие из девяти историй, в каждой из которых автор повествует об идеальной женщине, в которой воплощены все совершенства, жертвует собой во имя любви [3, с. 45]. Замкнутая, подчиненная, почти рабская роль женщины в обществе делала ее существование незаметным. Между тем, потребность в женском обществе была объектом безусловного поклонения мужчины, но при этом

он держал ее за тремя замками, как драгоценную реликвию, предназначенного не для посторонних глаз. Доступ женщинам был открыт только на религиозные церемонии. Женские образы наиболее полно были представлены самими женщинами-писательницами в XIX веке, когда романый жанр стал завоевывать популярность, сентиментальный роман, авторами и читателями, которых были женщины, после строгих рациональных условий XVIII века, почувствовав относительную свободу творчества, представил более раскрепощенную и свободомыслящую героиню.

Видный литературовед М. Бахтин в своей статье «Эпос и роман» пишет: «Роман из всех жанров прозы единственный жанр, который развивается, усвершенствуется, обогащается. Именно роман идет в ногу со временем, с веком» [1, с. 96]. Это «право» роман получил благодаря своей масштабности, широте художественно-философской миссии, более серьезным отношением к глобальным проблемам современности. Романский жанр был незаменим для наблюдения за развитием национального характера и способа мышления. Основываясь на изречении М. Бахтина можно утверждать, что роман является продуктом нового времени в мировой истории. Романский жанр стал настолько популярным, что в это же время в Англии начинают функционировать передвижные библиотеки, распространяющие наиболее популярные романы, такие как: «Уэверли» Вальтера Скотта или романы Джейн Остин, которые по тем временам стоили очень дорого (21 шиллинг) хоть и немного, но удовлетворяли потребности читателей.

Знаменитый английский драматург конца XVIII в. Ричард Шеридан в произведении «Соперники» устами Сэра Антони Абсолюта говорит: «Передвижные библиотеки похожи на дьявольские вечнозеленые городские деревья, которые околдовывают» [3, с. 312]. С приходом на арену творчества Джейн Остин в литературе появляется новая тематика, связанная с судьбой, образованием, общественным равенством, изучением правил и норм поведения женщин. Тема феминизма, связанная с кардинальными изменениями в сознаниях людей после революции во Франции, стала наиболее востребованной. Черты самостоятельной свободной женщины будущего были отмечены критиками в произведениях Джейн Остин, Сестер Бронте и Элизабет Гаскелл [3, с. 313].

Однажды Джейн Остин предложила своей племяннице, которая изъявила же-

лание заняться творчеством, взять на вооружение три-четыре семьи в окрестности, понаблюдать и использовать в качестве материала для романа [6, с. 317]. Джейн Остин начала писать в двенадцатилетнем возрасте, но первый напечатанный роман «Чувство и чувствительность» появился, когда ей было тридцать пять лет. Затем последовали романы «Гордость и предубеждение», «Менсфилд парк» и «Эмма» и посмертно «Вера» и «Сандитен». Природа женщин, семейные судьбы, женская способность мириться с действительностью и юношеские фантазии все эти темы разрабатывались Джейн Остин в романах, где главные героини-достигшие совершеннолетия молодые девушки, мечтают создать счастливую семью. Отвечая требованиям читателей и общества XIX века, писательница заканчивала свои романы счастливым замужеством, считавшимся символом и вершиной гармонии жизни.

Абстрактные существительные в названиях романов используются как своеобразный намек на излишнее знание опыта женщин, целью которого является удачное замужество. Наиболее популярный роман «Гордость и предубеждение» начинается словами: «Правда, известная человечеству состоит в том, что любой успешный холостяк должен найти себе жену». Ироничное употребление слова «человечество» вводит читателя в мир мисс Беннет, которая видит смысл жизни лишь «в удачном замужестве» [5, с. 5]. Джейн Остин была первой женщиной-романисткой. Ее способность обычных людей и обычные события точно описывать с различных точек зрения восхищают читателей. Однако творчество Остин критикуют из-за ограниченности темы и равнодушия к происходящим наполеоновским войнам и другим политическим событиям (парламентские реформы). Другим недостатком ее творчества Шарлотта

Бронте считала «отсутствие страсти в ее произведениях, где она не считает нужным даже разговаривать с капризными сестрами» [5, с. 318]. Одной из наиболее популярных писательниц этого времени была и основательница так называемого «научного готического» стиля Мэри Шелли. Интеллектуальная среда, в которой она выросла, не позволила ей пойти по пути сентиментализма и сенсаций. Ее отец – Уильям Годвин, философ-радикал и также романист, автор нашумевшего «Калеба Уильямса», написанного под впечатлением французской революции. Ее мать – Мэри Уолстонкрафт – была членом радикальной группы, к которой принадлежал Уильям Блейк, мечты которого включали свободу женщин в обществе и в особенности в браке. В 1970 году она издала книгу «В защиту мужчин» (за год до «Прав человека» Томаса Пейна) а в 1792 году». «В защиту женщин», которая является столпом в истории феминизма. Мэри Шелли было девятнадцать, когда она написала «Франкенштейн». В 1816 году, когда они оставались на Женевском озере, план, возникший у Байрона, Шелли и у неё самой писать страшные истории, был осуществлен только ею.

Автор социальных романов Элизабет Гаскелл (1810–1865) подходит к женской проблеме с общественных позиций, столь характерной для демократически ориентированной писательницы. Озабоченность «общественными» сторонами жизни, когда она, будучи женой священника Уильяма Гаскелла переезжает в город, так прославленный Фридрихом Энгельсом и названный знаменитым Карлайлом «великим городом пророка» – Манчестер проявляется наиболее ярко в её первом романе «Мэри Бартон» (1848) [4, с. 79]. Хотя произведение начинается цитатой Карлайла и акцентируется внимание на контрасте прошлого и настоящего, два основных фактора определяют суть романа:

личная глубокая печаль и желание описать судьбы людей, «с которыми я сталкиваюсь ежедневно на людных улицах города» писала она [4, с. 195].

С возрастанием классового самосознания в 1830–1840 годах, особенно среди рабочих, антагонизм стал более очевидным. Обличительный характер ее романа «Мэри Бартон» вызвал шквал возмущений и публикация в «Манчестер Гардиан» обвиняла в ложном, искаженном представлении действительности «О делах, которые вне сферы её деятельности» и корреспондент далее сетует, что она не верно истолковывает отношение нанимателей и не объясняет людям «тот факт, что лучшим средством для них является взаимопомощь». Многие критики XX века утверждали, что роман не является политическим, несмотря на публикацию в разгар чартистского движения, т. к. далее уже наметился его спад и, что произведения – это ретроспектива на «голодные сороковые», на безразличие среднего класса, эмиграцию и сопутствующие ей страдания, с позиций нового оптимизма, который больше объединяет, нежели разделяет классы.

На фоне тяжелой жизни рабочих, трагедий на мрачных улицах Манчестера Гаскелл обращается и к проблеме социальной несправедливости. В «Вестминстерском обозрении» писали, что в романе воплощены основные чаяния нашего времени.... невежество, лишения и пороки, от которых следует избавляться. Способность указать как от них избавляться еще не знакома этому времени. Это будет уделом века грядущего. 1850-е годы оказались более благополучными, консолидированными и скооперированными как в политике, так и в экономике, чем 1840-е. Этот факт, который определяет второй большой индустриальный роман «Север и Юг» (1855). Когда роман начал печататься в журнале Диккенса «Домаш-

нее чтение» в нем был дан эпитафия из Теннисона со словами... для положительного результата все стороны должны действовать сообща» [4, с. 130]. Как и в предшествующем романе, действие разворачивается в Манчестере (здесь под названием Милтон Нортон) автор рассматривает различия в начале между сельской, почтительной и традиционной южной и промышленной, энергичной и обладающей классовым сознанием Севером. Семья Хеула перемещается из одной части в другую и это оказывается для них травматичным. Мистер Хеул, бывший священник, становится частным учителем Джона Торнтона, который разбогатев, став владельцем фабрики хочет если не стать джентльменом, то хотя бы получить образование.

Дочь Хеула – Маргарет, одна из наиболее значимых и благородных героинь Э. Гаскелл, находит себя в необычной роли защитницы бедных. Отношения Торнтона и Маргарет – это просто сопоставление Севера и Юга, это также выгодное сотрудничество решительного хозяина и не менее благожелательного человека к своим служащим.

Обе стороны при таком отношении выигрывают как возлагая на себя новые обязательства примирить классовые противоречия. Промышленные романы уступили место последующим, где проблемы женщин рассматривались, как социально-нравственные, особенно сосредоточенные на внутреннем мире своих героинь, как например, в романах «Поклонники Сильвии» и «Жены и дочери». Другая очень злободневная проблема о «падшей» женщине в романе «Руфь» (1853) раскрывается Э. Гаскелл в свете социальной критике общества, толкнувшего женщину на неверный путь. Последнее произведение Э. Гаскелл «Жены и дочери» был также опубликован в журнале «Корнхилл». Короткие рассказы, где дотошный автор

представляет семейные проблемы, которые она считает не менее важными, чем общественные, в отличие от писателей, игнорирующих эти темы как ординарные, Гаскелл демонстрирует свою индивидуальность и многосторонний опыт. Хотя она отошла от изображения борьбы пролетариата и в последующих работах она больше акцентирует семейно-бытовые проблемы, все равно ее волнуют трагические, сложные человеческие отношения, правдивая оценка которым еще не дана.

Творчество сестер Бронте также ассоциируется с феминизмом. «Не будет преувеличением сказать, – пишет Е. Гениева, – что с творчеством сестер Бронте-Шарлотты и Эмилии – английский реализм вступил в новую для него область – внутреннюю жизнь чувств, страсти» [2, с. 8]. Истинно женские произведения сестер Бронте и сегодня поражают своей искренностью и пронизательностью. В стране, где чрезмерность чувств считается даже дурной приметой, их описание, да еще женщиной и в XIX веке было мужественным поступком и не зря сестры свои первые произведения подписывали мужскими именами Каррер, Эллис и Экстон Белл. Поскольку в Англии женщины всегда выдвигали на первый план интересы семьи, фактор любви по мере возможности сужался. Как пишет Л. Стоун в своей книге «Любовь, секс и брак в Англии в 1500–1800-х годах», в первых веках нового времени в этой стране осуждалось взятие романтической любви и эмоций за основу семьи» [7, с. 86].

Этим и объясняется обращение сестер Бронте к проблемам «гендера» и выступление с позиций феминизма, где общество должно создавать условия для жизни каждого человека согласно велению его души. Вынося на повестку дня темы «прав и свободы женщины» они пытаются решить проблему согласования этих ценностей с их духовными инвариантами. Гордая,

непримиримая в вопросах морали Шарлотта наделяет этими качествами и свою героиню Джейн в романе. Джейн Эйр, который не зря считают автобиографичным. Столкновение чувства и разума при эмоциональном накале достигается Ш. Бронте в пределах единого повествования. В этом проявляется ее мастерство, где она соединяет столь невероятно разнородные элементы. Повествование о внутренней жизни героини перемежается с описанием прозаических, заземлено-реалистичных примет бытия и нравов до подлинно символистских и высоко поэтичных. Описание погоды, образы природы, а также изменения, происходящие следом за погодными состояниями и наконец, в эту систему входит луна и солнце – не просто как сменяющие время и погоду понятия, но и как элементы, способные оказать мистическое влияние на человеческую судьбу. Элементы ирландского фольклора, характерные для творчества Шарлотты Бронте проявляются и в произведениях Эмили Бронте. Жизнь окрестных фермеров и сельских сквайров, сурово разоблаченная Эмилией Бронте в романе «Грозовой перевал» в свое время вызвала негодование английских критиков.

Суровый климат Йоркшира, грубоватые, прямолинейные жители с их независимым нравом, тихий пасторский домик, затерянный среди вересковых пустошей и в этом домике в благородной и одинокой, наполненной неистовой работы, озарений, вспышек воображения, подъемов духа и молитв душе рождается повесть сердца. Подлинную трагедию голодного и обездоленного народа йоркширских холмов, которые оказываются в положении скитальцев мы видим и в стихах Эмили. Наиболее трагична участь женщин, которые теряют родной кров, возлюбленных, свободу, вынуждены покидать на снегу своих детей и подвергаться унижениям. В стенах пастората, далеко от мирской суеты,

она неистово писала о войнах, восстаниях, тюрьмах и о жажде счастья, справедливости и свободы. И в стихах и в романе она себя сравнивала с узником, надеющимся на побег: «И хуже всего я наскучила этой жалкой тюрьмой. Надоело мне быть узницей. Я устала рваться в тот прекрасный мир и всегда оставаться здесь: не видя его – хотя бы смутно, сквозь слезы, и томясь по нему в своем изболевшемся сердце, а на самом деле я с ним и в нем» – говорит в «Грозовом перевале» Кетрин [3, с. 171].

Стальная твердость, самоотверженность, присущие северянам отличает всех героев романа. Столкновение человеческих характеров, огонь бушующий в их сердцах испепеляет их самих. Психологический реализм в описании чувств с социальными задатками, романтически преобразованные в гиперболизированном представлении знакомые предметы, претворенные в символы, так характерные Эмили Бронте.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа). – М. : Художественная литература, 1975.
2. Бронте Э. Грозовой перевал. – М. : Издательство «Правда», 1988.
3. Gerin W. Elizabeth Gaskell: A Biography. United Kingdom: Oxford University Press, 1976.
4. Фромм Э. Искусство любить Душа человека. – М., 1992.
5. Kirkham M. Jane Austen, Feminism and Fiction. Brighton, England: Harvester Press, 1983.
6. Rogers P. The Oxford Illustrated History of English Literature. Oxford: Oxford University Press, 2001.
7. Stone L. The family, sex and marriage in England, 1500–1800. – New York : Harper and Row, 1977.

Bibliografickij spisok

1. Bahtin M. M. Jepos i roman (O metodologii issledovanija romana). – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1975.

2. Bronte Je. Grozovoj pereval. – M. : Izdatel'stvo «Pravda», 1988.
3. Gerin W. Elizabeth Gaskell: A Biography. United Kingdom: Oxford University Press, 1976.
4. Fromm Je. Iskusstvo ljubiti' Dusha cheloveka. – M., 1992.
5. Kirkham M. Jane Austen, Feminism and Fiction. Brighton, England: Harvester Press, 1983.
6. Rogers P. The Oxford Illustrated History of English Literature. Oxford: Oxford University Press, 2001.
7. Stone L. The family, sex and marriage in England, 1500–1800. – New York : Harper and Row, 1977.

© Гасанов Э. Л., 2016

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: **sociosfera@seznam.cz**. Каждая статья должна иметь **УДК**. Формат страницы А4 (210x297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном по-

рядке, одному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 6–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитываются при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, предоставляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид ПП-ФИО, например: **ПП-Петров ИВ** или **PP-German P**. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес **с индексом**

Сотовый телефон

E-mail

Необходимое количество печатных экземпляров

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2016 ГОДУ**

Дата	Название
10–11 сентября 2016 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2016 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2016 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2016 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2016 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2016 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2016 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
10–11 октября 2016 г.	Актуальные проблемы связей с общественностью
12–13 октября 2016 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2016 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2016 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2016 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2016 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2016 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2016 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2016 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2016 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2016 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2016 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2016 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2016 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2016 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2016 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2016 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2016 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2016 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor	• Global Impact Factor за 2015 г. – 1,041, • Scientific Indexin Services за 2015 г. – 1,09, • General Impact Factor за 2015 г. – 2,1825, • Scientific Journal Impact Factor (Индия) за 2015 г. – 4,22, • Research Bible за 2015 г. – 0,781, • РИНЦ за 2014 г. – 0,312.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия)	• General Impact Factor за 2015 г. – 1,5947, • Scientific Journal Impact Factor (Индия) за 2015 г. – 4,061.
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай)	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай)	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай)	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай)	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай)	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium – Vysoká škola politických a společenských věd

PARADIGMATA POZNÁNÍ

Interdisciplinární vědecký časopis

№ 3, 2016

Šéfredaktorka – Ilona G. Dorošina

*Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora
a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele.
Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace,
statistiky, vlastní jména a další informace.*

*Opinions expressed in this publication are those of the authors
and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.
Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures,
quotations, statistics, proper names and other information.*

Redaktorka – I. G. Balašova
Korektura – Ž. V. Kuznecova
Produkce – G. A. Kulakova

Podepsáno v tisku 12.05.2016. 60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 12,35.
100 kopií.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
IČO 29133947
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosphere.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz